

3

2016

Paid Domestic Work in Postsocialist Contexts

Guest edited by

Olga Tkach and Majda Hrženjak

Оплачиваемый домашний труд
в постсоциалистических
контекстах

Редакторы номера

Ольга Ткач и Майда Хрженяк

LABORAT⁺ORIUM

ЖУРНАЛ СОЦИАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ RUSSIAN REVIEW OF SOCIAL RESEARCH

Учредитель – Центр независимых социологических исследований, Санкт-Петербург
Founded by the Centre for Independent Social Research, Saint Petersburg (CISR)

EDITORIAL BOARD / РЕДАКЦИЯ

EDITORS

Elena Bogdanova
Veronica Davidov
Olessia Kirtchik
Anna Paretskaya
Hilary Pilkington
Tatiana Voronina
Alexei Yurchak
Elena Zdravomyslova

Centre for Independent Social Research, Saint Petersburg
Monmouth University, New Jersey
National Research University–Higher School of Economics, Moscow
University of Wisconsin–Madison
University of Manchester
European University at Saint Petersburg
University of California, Berkeley
European University at Saint Petersburg

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Елена Богданова
Татьяна Воронина
Вероника Давидов
Елена Здравомыслова
Олеся Кирчик

Центр независимых социологических исследований, Санкт-Петербург
Европейский университет в Санкт-Петербурге
Университет Монмаут, Нью-Джерси
Европейский университет в Санкт-Петербурге
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва
Висконсинский университет, Мэдисон
Манчестерский университет
Калифорнийский университет в Беркли

Анна Парецкая
Хилари Пилкингтон
Алексей Юрчак

BOOK REVIEWS EDITOR

Tatiana Voronina

РЕДАКТОР ОТДЕЛА РЕЦЕНЗИЙ

Татьяна Воронина

MANAGING EDITOR

Oksana Parfenova

ШЕФ-РЕДАКТОР

Оксана Парфенова

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Александр Бикбов
Ольга Бредникова
Роджерс Брубейкер
Майкл Буравой
Виктор Воронков
Михаил Габович
Оксана Запорожец
Константин Иванов
Оксана Карпенко
Бруно Латур
Владимир Малахов
Елена Омельченко
Олег Паченков
Мишель Ривкин-Фиш
Михаил Рожанский
Ирина Тартаковская
Лоран Тевено
Анна Тёмкина
Илья Утехин
Сергей Ушакин
Олег Хархордин
Софья Чуйкина
Марк Эли

Центр Мориса Хальбвакса, Париж
Центр независимых социологических исследований, Санкт-Петербург
Калифорнийский университет в Лос-Анджелесе
Калифорнийский университет в Беркли
Центр независимых социологических исследований, Санкт-Петербург
Эйнштейновский форум, Потсдам
Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва
Институт истории естествознания и техники РАН, Москва
Центр независимых социологических исследований, Санкт-Петербург
Институт политических исследований, Париж
Московская высшая школа социальных и экономических наук
Научно-исследовательский центр «Регион», Ульяновск
Центр независимых социологических исследований, Санкт-Петербург
Университет Северной Каролины в Чапел-Хилл
Центр независимых социальных исследований и образования, Иркутск
Институт сравнительных исследований трудовых отношений, Москва
Высшая школа социальных наук, Париж
Европейский университет в Санкт-Петербурге
Европейский университет в Санкт-Петербурге
Принстонский университет
Европейский университет в Санкт-Петербурге
Университет Париж 8
Центр российских, кавказских и центрально-европейских исследований, Париж

ADVISORY BOARD

Alexander Bikbov
Olga Brednikova
Rogers Brubaker
Michael Burawoy
Marc Elie
Mischa Gabowitsch
Konstantin Ivanov

Oksana Karpenko
Oleg Kharkhordin
Bruno Latour
Vladimir Malakhov
Elena Omelchenko
Serguei Oushakine
Oleg Pachenkov
Michele Rivkin-Fish
Mikhail Rozhansky
Irina Tartakovskaya
Sofia Tchouikina
Anna Temkina
Laurent Thévenot
Ilia Utekhin
Viktor Voronkov
Oksana Zaporozhets

Centre Maurice Halbwachs, Paris
Centre for Independent Social Research, Saint Petersburg
University of California, Los Angeles
University of California, Berkeley
Centre for Russian, Caucasian, and Central European Studies, Paris
Einstein Forum, Potsdam
Institute for the History of Science and Technology,
Russian Academy of Sciences, Moscow
Centre for Independent Social Research, Saint Petersburg
European University at Saint Petersburg
Paris Institute of Political Studies
Moscow School of Social and Economic Sciences
"Region" Research Centre, Ulyanovsk
Princeton University
Centre for Independent Social Research, Saint Petersburg
University of North Carolina at Chapel Hill
Centre for Independent Social Research and Education, Irkutsk
Institute of Comparative Labor Studies, Moscow
University of Paris VIII, Vincennes–Saint-Denis
European University at Saint Petersburg
School for Advanced Studies in the Social Sciences, Paris
European University at Saint Petersburg
Centre for Independent Social Research, Saint Petersburg
National Research University–Higher School of Economics, Moscow

LEAD EDITOR

Anna Paretskaya

EDITORIAL STAFF

Copyeditor	Barbara Andersen
Proofreader	Anna Paretskaya
Layout	Maksim Bogdanov

CONTACTS

Russia, St. Petersburg, 191040,
PO Box 193, CISR
oparfenova@soclabo.org
Phone/fax: +7 (812) 718-37-96
Online version: www.soclabo.org

Журнал выходит три раза в год в печатной и электронной версиях.
По вопросам подписки и распространения обращаться в редакцию.

Laboratorium is published three times a year in print and electronic versions.
Please contact the editors regarding subscriptions and sales.

ВЫПУСКАЮЩИЙ РЕДАКТОР

Анна Парецкая

ВЫПУСКАЮЩАЯ РЕДАКЦИЯ

Редактор	Светлана Николаева
Корректор	Елена Тараканова
Верстка	Максим Богданов

КОНТАКТЫ

Россия, Санкт-Петербург, 191040,
а/я 193, ЦНСИ
oparfenova@soclabo.org
Тел./факс: +7 (812) 718-37-96
Электронная версия: www.soclabo.org

На обложке использована фотография компании Dreamstime
Дизайн: Татьяна Загоскина, Александр Ходот

Cover photo ©Dreamstime
Design: Tatyana Zagoskina, Alexander Khodot

TABLE OF CONTENTS

INTRODUCTION

- 4 *Olga Tkach, Majda Hrzenjak*. Paid Domestic Work in Postsocialist Contexts: Regional Traits of a Global Phenomenon: An Introduction

ARTICLES / ИССЛЕДОВАНИЯ

- 28 *Zuzana Sekeráková Búriková*. Exploring the Demand for Paid Domestic Workers in Slovakia through the Intersection of Welfare and Gender Regimes
- 52 *Živa Humer, Majda Hrzenjak*. Socialization of Childcare in Slovenia and Its Impact on Informal Care Markets
- 68 *Елена Здравомыслова, Ольга Ткач*. Культурные модели классового неравенства в сфере наемного домашнего труда в России
- 100 *Lisa-Marie Heimeshoff*. Historical Legacies: Postsocialism, Trade Unions, and Organizing Domestic Workers in the Czech Republic

BOOK REVIEWS

- 124 Dirk Hoerder, Elise van Nederveen Meerkerk, and Silke Neunsinger, eds. *Towards a Global History of Domestic and Caregiving Workers*. Leiden, Netherlands: Brill, 2015. *Alissa Klots*
- 127 Maria Kontos and Glenda Tibe Bonifacio, eds. *Migrant Domestic Workers and Family Life: International Perspectives*. Basingstoke, UK: Palgrave Macmillan, 2015. *Veronika Bajt*
- 133 Helma Lutz, ed. *Migration and Domestic Work: A European Perspective on a Global Theme*. Farnham, UK: Ashgate, 2008. *Сергей Абашин*
- 138 Marijeta Bozovic and Matthew D. Miller, eds. *Watersheds: Poetics and Politics of the Danube River*. Boston: Academic Studies Press, 2016. *Антон Котенко*
- 141 Diego Gambetta and Steffen Hertog. *Engineers of Jihad: The Curious Connection between Violent Extremism and Education*. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2016. *Николай Митрохин*
- 146 Lilya Kaganovsky and Masha Salazkina, eds. *Sound, Speech, Music in Soviet and Post-Soviet Cinema*. Bloomington: Indiana University Press, 2014. *Anna Fishzon*
- 151 Tung-Hui Hu. *A Prehistory of the Cloud*. Cambridge, MA: MIT Press, 2015. *Daria Savchenko*
- 155 Шарон Зукин. *Культуры городов*. Пер. с англ. Д. Симановского. М.: Новое литературное обозрение, 2015. *Елена Тыканова*

184 Authors

188 List of article manuscript reviewers, 2016 / Список рецензентов научных статей 2016

190 Guidelines for authors and reviewers

ОГЛАВЛЕНИЕ

ВВЕДЕНИЕ

- 15 *Ольга Ткач, Майда Хрженяк*. Оплачиваемый домашний труд в постсоциалистических контекстах: региональные особенности глобального феномена. Введение

SUMMARY / РЕЗЮМЕ

- 158 *Зузана Секеракова Бурикова*. Спрос на оплачиваемый домашний труд в Словакии: на пересечении режима социального обеспечения и гендерного режима
- 164 *Жива Хумер, Майда Хрженяк*. Государственная забота о детях в Словении и ее влияние на неформальные рынки домашних услуг
- 170 *Elena Zdravomyslova, Olga Tkach*. Cultural Patterns of Class Inequality in the Realm of Paid Domestic Work in Russia
- 178 *Лиза-Мари Хаймесхофф*. Влияние истории: постсоциализм, профсоюзы и другие типы организации домашних работников в Чешской Республике

РЕЦЕНЗИИ

186 Авторы

196 Информация для авторов и рецензентов

PAID DOMESTIC WORK IN POSTSOCIALIST CONTEXTS: REGIONAL TRAITS OF A GLOBAL PHENOMENON

Olga Tkach, Majda Hrženjak

Olga Tkach is the issue's guest coeditor. She is a researcher at the Centre for Independent Social Research (CISR). Address for correspondence: CISR, PO Box 193, Saint Petersburg, 191040, Russia. tkach@cisr.ru.

Majda Hrženjak is the issue's guest coeditor. She is a senior research fellow at the Peace Institute–Institute for Contemporary Social and Political Studies (Ljubljana). Address for correspondence: Peace Institute–Institute for Contemporary Social and Political Studies, Metelkova 6, 1000 Ljubljana, Slovenia. majda.hrzenjak@mirovni-institut.si.

It has been a long-standing tradition of European studies of paid domestic labor to consider the former socialist countries as a source of cheap, predominantly female, domestic labor for the countries of Western Europe. As an allusion to the Iron Curtain, which separated two different worlds, the concept of the Care Curtain of Europe has been actively developed.¹ This curtain draws an imaginary boundary or global division of labor between the postsocialist and the rest of Europe, where the former donates care and the latter receives it. For many, this model of movement of care from East to West has been the only possible research subject in the realm of paid domestic labor.

This special issue of the journal aims to broaden the knowledge about paid domestic labor by researching how this globally significant phenomenon has been arranged in some countries of Central and Eastern Europe (CEE) and the former Soviet Union. The issue has been inspired by the International Conference “Domestic Workers in the Countries of Central Eastern Europe and Former Soviet Union: Postsocialist Migrations and Inequalities,” which was held on April 24–26, 2015, at the Centre for Independent Social Research (CISR) in cooperation with the Rosa Luxemburg Stiftung. It was a pioneering event that brought together more than 20 participants

¹ This concept has been introduced and actively elaborated by the German scholar Helma Lutz in her forthcoming book titled *The Care Curtain of Europe* that looks at the globalization of care work in its specific European manifestation. In Europe, migrant women from former socialist countries of the East work as care providers in the South, West, and North of Europe. Lutz investigates the features of this European divide—coinciding with the former Iron Curtain—by exploring the “care curtain” as an expression of a new geopolitical pattern. See more at: <https://www.wilsoncenter.org/person/helma-lutz#sthash.PZgVBdcn.dpuf>.

from 15 countries who study issues of paid domestic labor in the former Soviet Union and postsocialist Europe.² The conference and, consequently, this special issue look beyond the care curtain of Europe, from the perspective of the countries of Central Eastern Europe and the former Soviet Union. Many of these countries have been going through similar processes reflecting global trends. Among these are the dissolution of the welfare state and the formation of neoliberal systems for distributing social benefits, transformation of class and age structures, actualization of the deficit of care and its marketization, and the emergence of new related service occupations.

Despite obvious differences in the development of societies that once were part of the socialist system, they share some structural characteristics that generate specific issues related to paid domestic labor, different from those in Western European contexts. Firstly, in recent decades most of these countries experienced dramatic changes of the socialist welfare state and rapid commercialization of care. Secondly, in this region local labor markets and local care chains of domestic workers prevail over international ones. Thirdly, paid domestic labor in postsocialist contexts has been weakly supported by legislation and official regulations. In what follows, we would like to consider these issues one by one.

If immediately after the Second World War the employment of paid cleaners, childminders, and caregivers in private households almost completely disappeared in Western Europe, in the 1970s it experienced a revival (Ehrenreich and Hochschild 2003; Sarti 2008). While in the CEE and the countries of the former Soviet Union, despite having the highest rates of female employment in the world (Saxonberg and Sirovátka 2006), it only saw an expansion during the transition period in the late 1990s and particularly at the beginning of the new millennium. This can be explained by the priority given to social rights in the socialist system (despite some differences between the CEE countries and those of the former Soviet Union), with special emphasis on enabling women to equally and fully participate in paid work, and, hence, in economic and social citizenship. Since the 1950s these countries have established the “adult worker” citizenship model or the “dual-breadwinner” family model (Lister et al. 2007) that in capitalist Europe still seems only a partly achievable goal, despite great effort put into working out policies of reconciling work and family. In keeping with the socialist politics that encouraged universal employment for all, putting special emphasis on women’s emancipation, women were given the opportunity for permanent full-time employment, which resulted in the important individual rights to social, healthcare, and pension insurance. As full-time workers and mothers, or working mothers (Temkina and Rotkirch 1997), women became eligible for diverse social transfers, types of assistance, and benefits as individuals rather than as dependents of their employed partners. Full-time employment brought women basic economic independence and, in turn, contributed to their changed role and improved position both in the family and in broader society. Apart from institut-

² Almost all the papers presented were published as the bilingual conference proceedings (Tkach 2015). This issue is composed of the reworked versions of some of the conference contributions and also includes an author who was not a conference participant.

ing high-quality schemes offering neither too-long nor too-short paid maternity and parental leave, socialist states (through their publicly owned companies) enabled women to enter paid employment by establishing a public network of universally accessible social services, such as nursery schools and preschools, afternoon childcare in elementary schools, organized holidays for children, and school nutrition programs, along with organized meals and canteens for workers, which aimed to relieve women from domestic work (Burcar 2009). In practice, there were some paternalist elements present in the socialist welfare system, and the quality and standards of these services were sometimes problematic. Health and other social services, institutions of preschool child education, daycare centers, and the rest of the social infrastructure did not meet families' demands and required them to develop personal strategies to overcome structural restrictions. In this regard, a widespread practice of relying upon social networks and kin—predominantly multigenerational—bonds and solidarities allowed households to compensate for insufficient public institutions and mistrust towards them in the late Soviet period (Zdravomyslova and Temkina 2007:130, 135; Rotkirch, Tkach, and Zdravomyslova 2012:133). The role pattern of a “grandmother raising a grandson” (Zdravomyslova 2009:101) became almost mandatory for generations of retired Soviet women. A solid socialization and defamilization of childcare, along with the commitment to economic/class equality and women's emancipation, were the key factors involved in making the employment of domestic and care workers in private households during the period of socialism both unnecessary and unpopular. The labor market of domestic and care workers existed only to a limited extent and mainly for political and cultural elites.³ Overall, the institute of paid domestic labor in late socialism was fragmented and hidden (98).

During transition, numerous, although not all, CEE and former Soviet countries (under the influence of international actors such as the World Bank and other promoters of the “lean” welfare state) have gradually and in different ways deconstructed their socialist welfare systems and turned to capitalism, thus establishing structural conditions for an expansion of paid domestic and care work in private households. Policies abolishing public childcare systems and enforcing parental leaves—which often are either too long or too short, partly unpaid, underpaid, or paid at a flat rate—along with offering tax relief and pension bonuses that encourage women to stay at home after they finish their maternity leave, as well as providing cash-for-care benefits to individually hire private childminders through the market, make women's reintegration into the labor market more difficult (Morel 2015). Women are thus forced to take precarious part-time employment and, as a result, join a secondary, marginal workforce that is economically dependent on their male partners (Teplova 2007). To avoid this, those women who can afford it use the strategy of outsourcing domestic and care work to hired (migrant) women, in most cases without

³ In Bolshevik and Soviet Russia, the prerevolutionary institution of domestic servants was inscribed as a new segment of the working class: female domestic laborers. Historical studies demonstrate that the formation of the market for domestic labor in the first third of the twentieth century was based on the geographical and social mobility of women moving from rural to urban areas (see Izmozik and Lebina 2001; Lebina 2006; Klots 2012).

formal contracts. These changes are interrogated in the articles included in this thematic issue. For example, in the Czech Republic childcare was reformed in the direction of the corporative-conservative model by extending parental leaves and radically reducing the system of state nursery schools. While in 1990 this system still provided childcare for approximately 40,000 children, by 2011 its capacity was reduced to 1,425 children, creating a large demand for individual childminders at home (Souralová 2015). Beyond the political and economic basis of such transformations, changes to the gender order have also influenced the development of the private services sector in postsocialism, in Russia for example. The nuclearization of middle-class urban families, emancipation of younger generations from extended families, and a crisis surrounding the role of grandmothers, who now prefer paid employment to looking after grandchildren, facilitated the rapid development of a market for domestic workers. The free labor of a grandmother has been replaced by a nanny's paid labor (Zdravomyslova 2009:100–101).

The specific migration context in the CEE and former Soviet countries is also worth considering. Much more than immigration, these countries experienced mass emigration, in particular after 2004 when the European Union enlargement made it easier for Eastern Europeans to migrate to the West. Not only men but also women, both young and old, emigrated to the "global metropolises" to be recruited into the informal sector of migrant domestic and care work in private households where they, under unfavorable conditions produced by the combined effects of immigration, care, and employment, enact pluri-local care strategies (Bonizzoni 2014). The feminization of emigration, together with the dismantling of public social security, created a large care deficit in care both for children and for the elderly and established the structural conditions for the emergence of local and global care chains in post-socialist countries. Migration flows within and outside Europe have been changing since the Central Eastern European countries joined the EU in 2004 and 2007 and also due to the global economic crisis of 2008–2009 and the current geopolitical situation—in particular, the refugee crisis. Many states have switched from being exclusively sending countries on the global labor market and started to accept international migrants who also work as nannies, nurses, and cleaners in middle-class households.

The connection between care deficit, the feminization of migration, and global structural inequalities was articulated by Rhacel Salazar Parreñas (2001) through the concept of the "international division of reproductive work," developed in her doctoral study of Filipino care workers in Rome and Los Angeles, and by Arlie Russell Hochschild (2000) who developed the concept of a global care chain. These authors showed that the international division of reproductive work is shaped by global capitalism and systems of gender inequality, in both countries of origin and destination (Parreñas 2001:72). These patterns in the global transfer of care work are not random. They are often influenced by proximity (for instance, Ukrainians work in middle-class Polish families while Polish women work in Germany) (Kindler 2008), as well as by similarities of language, culture, religion, and other cultural factors. Migration is also facilitated by bilateral visa-free agreements between some countries that

once belonged to the Soviet Union and are now members of the Commonwealth of Independent States (CIS). For example, recent research revealed that female migrants from Belarus, Ukraine, Uzbekistan, Moldova, and Tajikistan work as domestics in Russia, and from Kyrgyzstan and Uzbekistan—in Kazakhstan (Tiuriukanova 2011:101; Karachurina et al. 2014:31).

Yet, in postsocialist contexts service occupations have been shaped by both internal and external labor markets, and migrant and local job seekers compete for better positions. In comparison with Western Europe, where, due to the lack of public-care capacity, women hire domestic and care workers in order to be able to participate in the formal labor market, numerous women in the CEE and former Soviet countries use the help of relatives, neighbors, and colleagues (and, rarely, migrant care providers) in order to be able to work as temporary migrant care workers abroad.

While most Western scholarship on domestic work is focused on the situation of migrant care workers, the situation of local care workers remains underresearched. All the articles in this thematic issue underline the large share—in some countries even the dominance—of local domestic and care workers in the CEE and former Soviet countries. Deep structural changes during the transition to the new economic system, such as the polarization of the well-off and the poor, high unemployment, the intensification of working conditions, and reductions to the welfare system, influenced the recruiting of local women into informal paid domestic and care work. Unemployment during the transition period especially affected older women with low education levels in urban areas. In response to this, many of them took on informal in-house help jobs as a strategy to escape poverty.⁴ In the 1990s early retirement was a means of decreasing structural unemployment caused by the transition-period economic crisis that brought about the downfall of many feminized industries (such as the textile industry in Slovenia). This scheme dragged numerous early female retirees into poverty, thus making them available for the informal sector of care work, where they discovered a (traditional) niche in which to make supplemental earnings. Similarly, the collapse of the USSR triggered downward class mobility for many social groups, including preretirement women who were involved in the shadow segment of domestic services, ending up as cleaners in their acquaintances' and former coworkers' households. Specialized recruitment agencies and cleaning companies that appeared in the 1990s also gave them opportunities for employment, although personal networks have been a major mechanism for the development of this labor market (see Tartakovskaia 2001; Kozina 2002; Evdokimova 2004; Tkach 2009). In Russia this market has been also filled by coresidents—internal migrants who move to megapolises from the countryside and smaller towns and are employed as live-out

⁴ The private character of domestic labor can make it a refuge for various vulnerable groups, depending on the historical period and political situation. In the Soviet Union paid domestic labor served as a job opportunity for female members of politically repressed families who could not be officially employed (Rotkirch et al. 2012:133). In the course of sociopolitical transformations resulting from the collapse of the socialist bloc, citizens who lost their jobs or became victims of ethnic conflicts entered the market for paid domestic labor. For them this niche became an asylum and increased chances of survival for their families (see, e.g., Perkućin and Radulović 2015).

domestics (see Savoskul 2013 on the case of paid nurses). Similar trends in development of the labor market for domestic work are also relevant to other post-Soviet states, such as Armenia, Azerbaijan, Georgia, Kazakhstan, Latvia, and Ukraine, where local domestics dominate the labor market (see Karachurina et al. 2014; Tkach 2015). While informal paid care work represents a survival strategy for many women, this field also includes social groups for whom this work represents the possibility for moonlighting and additional earnings (Jensen, Pfau-Effinger, and Flaquer 2009). These are mostly students who are supported by their parents but use domestic work to earn pocket money.

The presence of local domestic workers muddles the argument, prevalent in Western scholarship on domestic work, that in modern times the question of female domestic workers evolves from one of class to one of ethnicity (Ozyegin and Hondagneu-Sotelo 2008:204). With local care workers class/poverty remains an important factor in sustaining informal domestic and care work markets. This aspect of inequality conceals numerous processes of internal exclusion that are based on personal circumstances, such as long-term unemployment, precarious employment, or employment in a badly paid sector, age, disability, being a single mother, poor education, and so on. On the other hand, "local care chains" can also be ethnicized to a great extent, including significant numbers of ethnic minorities and internal migrants from the former common country (for instance, the Soviet Union or Yugoslavia), who are now more or less assimilated citizens but nevertheless experience discrimination and "othering" in the formal labor market.

In turn, the demand for paid domestic labor has come from the middle and upper classes developing and maintaining their positions in postsocialist societies over the last almost three decades. These new consumer groups demonstrate increasing expectations and demands for social services, the economic power to choose childcare and education services, and aspirations to distinguish themselves from the masses through buying expensive and exclusive services, including paid domestic labor (Zdravomyslova 2009:102). The function of paid domestic workers varies by social group. For the very wealthy or new rich, hiring a cleaner or nanny is mainly a status symbol, for it enables the employers to exhibit the standard of living similar to their class peers. For the middle classes, reasons for hiring paid domestic helpers include the need to maintain work-life balance in a competitive labor market with scarce and insufficient public services, especially childcare. Hiring domestic labor, sometimes with the assistance of spouses, friends, and kin, enables employed women to manage daily logistics (Rotkirch et al. 2012:134).

Last but not least, this "new" professional field of work remains largely unregulated in CEE and former Soviet Union countries. It is significant that so far none of the postsocialist countries have ratified International Labor Organization's (ILO) Convention 189 "Decent Work for Domestic Workers," which promotes the protection of domestic workers. The growing informalization and marketization of care and domestic work, however, create several core problems, such as a lack of control over the quality and accessibility of services as well as poor working conditions for domestic workers. Market agencies facilitating the placement of care and domestic workers are

on the rise in some countries (e.g., Czech Republic), although working conditions for workers promoted by these agencies have not yet been studied. Many domestic and care workers are self-employed, with unstable working relationships due to lack labor contracts, with low wages and high job insecurity. The same situation has been observed in Russian cities, where female migrants prefer to avoid agencies and look for private employment via social networks; as a result they, especially live-in workers, risk ending up totally dependent on their employers. In order to avoid this dependency, many migrant nannies and nurses reject offers to become live-in domestics. They prefer to pay rent in order to protect their privacy and manage their own free time without interference from employers (see Tiuriukanova 2011:101–105).

Surveys in Russia and Kazakhstan revealed issues that migrant domestic workers face, such as overwork (i.e., working long hours without weekends), underpayment, and sexual harassment. Still, recruitment agencies prioritize employers' interests and can replace workers in cases of employer dissatisfaction, regardless of the employee's opinion about it. Overall, domestic workers are not aware of their rights and are not eager to learn about them (Karachurina et al. 2014:65–70). We can assume that most domestic and care workers are confined to the gray economy that puts them in a particularly precarious situation. Their work is illegal and as such is not counted towards social security payments based on years of work and pension rights, increasing the risk of poverty and of economic dependency on family members in old age, as well as strengthening the pattern of feminization and individualization of domestic and care work. Such fragmentation and informalization of the domestic and care sector, along with the confinement of workers within the private sphere, result in a lack of capacities for self-organizing and unionizing.

In comparison to migrants, local care workers seem to be in a considerably better position: they mostly work in less oppressive arrangements as live-out domestic workers, which makes it easier for them to balance work and family; cultural and language proximity eases entry into households; they do not face problems of citizenship status or the need to have valid working and residence visas, as migrant workers do; their motive is often to earn extra money rather than to make a living; they perform occasional, not permanent work. All these circumstances empower local domestic workers and make them less vulnerable to exploitation in this unregulated field of work (Hrženjak 2011). However, both migrant and local domestic workers share the status of undocumented employment and, therefore, share the experience of living on the edges of legality because of the government's persecution of the gray economy (Lutz 2008:45).

The objective of this thematic issue is to broaden our knowledge of paid domestic work by researching it from the perspective of the countries that began their transition to capitalism not long ago and where employment in the private sphere has not yet been institutionalized. Our thematic issue comprises four articles and four book reviews. The first article, by Zuzana Sekeráková Búriková, demonstrates how middle-class families in Slovakia negotiate new structural conditions, such as extended parental leave and the elimination of public preschools, with pressures of parenthood and employment, by employing domestic workers or nannies. She uses

Helma Lutz's concept of a *gendered cultural script* (e.g., Lutz 2008) to reveal the logic behind the fact that domestic work is relocated—*why* there is demand and supply for such work. Sekeráková Búriková extends this concept to analyze the gendered cultural script on the example of particular arrangements and relationships between employers and providers of paid care and domestic work—*how* the work is relocated and *who* is seen as suitable for doing particular types of domestic work.

Conversely, Slovenia, one of the countries of the former Yugoslavia, during the transition preserved the socialist system of public childcare and a high-quality scheme of parental leave. As a consequence, in this country the number of people hiring private childminders has remained limited compared to elder care and cleaning, as well as when compared to other European countries. Živa Humer and Majda Hrženjak's article analyzes current Slovenian childcare policies from the perspective of (de)familization and socialization of childcare to explain the limited extent and specific characteristics of the informal childcare market in Slovenia. The authors argue that it is important not just to what extent the state takes over responsibility for care, but the way in which it carries out this responsibility. Favoring financial benefits over public services leads to the promotion of the gray economy and the care work of migrant women, while providing public and universally accessible care services, significantly decreases the extent of the gray economy and the influence of globalization on the care work sector. This can be clearly seen in Slovenia where, as the authors show based on interviews with parents and informal nannies, informal paid childcare occurs only sporadically, occasionally, on a short-term basis, and is provided exclusively by local retired women and students.

Elena Zdravomyslova and Olga Tkach analyze the formation of class inequality in the realm of paid domestic work in Russia. Focusing on employer-employee relationships, the authors distinguish two cultural patterns of class inequality reproduced in the course of employment: "masters" and their "servants," on the one hand, and professionals and their "domestic helpers," on the other. Applying the concept of the dialectics of control, the authors show the mechanisms of status construction of local domestics and their employers within both cultural patterns. Their article reveals that the first cultural pattern presumes hierarchical relationships that enable employers to maintain and demonstrate their superior status in relation to "servants." This pattern has been actively reproduced in the mass media, although criticized as illegitimate and not representative of contemporary labor culture. The second cultural pattern, which the authors describe as "egalitarian inequality," presumes that the employer reflects on employer-employee relationships and tries her best to decrease hierarchy and offset inequality with emotional work and moral support. This pattern has been observed among employed middle-class women who need helpers to manage their household, to sustain their family life and work-life balance. These two patterns coexist in contemporary Russian society, operating in different social, cultural, and conceptual realms.

Lisa-Marie Heimeshoff analyses how domestic workers in the Czech Republic are organizing to claim rights, fight exploitation, and empower themselves. The author provides insights into the domestic work sector in the Czech Republic, which, com-

pared to many Western countries, is characterized by a very heterogeneous workforce with different types of work relationships: there are migrant and nonmigrant domestic workers; self-employed, informal, and formal contractual work relationships; part-time and full-time domestic work arrangements. She argues that this heterogeneity makes organizing difficult. Based on Shireen Ally's (2005) model of domestic worker organizing, the article defines the case of the Czech Republic as following the associational model and explains the lack of trade union involvement in demanding negotiations for ratification of the ILO Convention 189 "Decent Work for Domestic Workers" by referring to the postsocialist legacies of trade union organizing.

The processes through which labor markets of domestic workers are formed in postsocialist contexts remain understudied and, unfortunately, barely visible in the background of the European research mainstream. The topic has just begun to draw researchers' attention, and the data collected still need new theoretical frameworks and interpretations. Unlike Western academic discourse about paid domestic labor, which seems quite coherent, these studies in postsocialist contexts lack internationalization, as only a few authors have managed to publish their research internationally. The studies remain fragmented and confined to the local academic space, so it is quite complicated to present the state of research in this area. One of the most significant research questions that remain is how the commercialization of care occurs in societies with a recent history of welfare state and official egalitarianism. We lack data on the formation of labor markets of domestic workers and on the status of local and migrant job seekers in postsocialist countries; on the specificity of domestic employment, which has been revived in many societies in the region, particularly employer-employee relationships, inequalities, exploitation, and rights in the weakly regulated sphere of private employment; and on the private lives of domestic workers, their professional identities and belonging.

The articles in this special issue seek to fill at least a few of the above-mentioned research gaps and shed some light on paid domestic labor outside of the usual context of the studies of East-West care drain. We consider it a work in progress and expect more comprehensive investigations and subsequent vibrant discussions in this area of study in the near future.

REFERENCES

- Ally, Shireen. 2005. "Caring about Care Workers: Organising in the Female Shadow of Globalisation." *Travail, capital et société* 38(1/2):184–207.
- Bonizzoni, Paola. 2014. "Immigrant Working Mothers Reconciling Work and Childcare: The Experience of Latin American and Eastern European Women in Milan." *Social Politics* 21(2):194–217.
- Burcar, Lilijana. 2009. "Od socialistične k (neoliberalni) kapitalistični družbenoekonomski ureditvi: Redefinicija državljanstva žensk." *Borec* 61(657/661):296–331.
- Ehrenreich, Barbara, and Arlie Russell Hochschild, eds. 2003. *Global Woman: Nannies, Maids, and Sex Workers in the New Economy*. New York: Metropolitan Books.
- Evdokimova, Elena. 2004. *Zhenskaia nisha na rynke truda Sankt-Peterburga*. Saint Petersburg: Izdatel'stvo politekhnicheskogo universiteta.
- Hochschild, Arlie Russell. 2000. "Global Care Chains and Emotional Surplus Value." Pp. 124–138 in *On the Edge: Living with Global Capitalism*, edited by Will Hutton and Anthony Giddens. London: Jonathan Cape.

- Mrženjak, Majda. 2011. "Revival of Informal Paid Care Work in Eastern European Countries." Pp. 302–320 in *Gazing at Welfare, Gender and Agency in Post-Socialist Countries*, edited by Maija Jäppinen, Meri Kulmala, and Aino Saarinen. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing.
- Izmolik, Vladlen, and Natal'ia Lebina. 2001. "Zhilishchnyi vopros v bytu u leningradskoi partiino-sovetskoj nomenklatury 1920–1930-kh gg." *Voprosy istorii* 4:98–110.
- Jensen, Per H., Birgit Pfau-Effinger, and Lluís Flaquer. 2009. "The Development of Informal Work in the Work-Welfare Arrangements of European Societies." Pp. 3–21 in *Formal and Informal Work: The Hidden Work Regime in Europe*, edited by Birgit Pfau-Effinger, Flaquer Lluís, and Per H. Jensen. New York: Routledge.
- Karachurina, Liliia, Dmitrii Poletaev, Iuliia Florinskaia, and El'vira Vatlina. 2014. *Domashnie rabotniki v Rossii i Kazakhstane*. Almaty, Kazakhstan: Ex Libris.
- Kindler, Marta. 2008. "Risk and Risk Strategies in Migration: Ukrainian Domestic Workers in Poland." Pp. 145–161 in *Migration and Domestic Work: A European Perspective on a Global Theme*, edited by Helma Lutz. Farnham, UK: Ashgate Publishing.
- Klots, Alissa. 2012. "'Svetlyi put': Institut domashnikh rabotnits kak migratsionnyi kanal i mekhanizm sotsial'noi mobil'nosti epokhi stalinizma." *Novoe literaturnoe obozrenie* 117(5):40–52.
- Kozina, Irina. 2002. "Professional'naia segregatsiia: Gendernye stereotipy na rynke truda." *Sotsiologicheskii zhurnal* 3:126–136.
- Lebina, Natal'ia. 2006. *Entsiklopediia banal'nostei: Sovetskaia povsednevnost': Kontury, simvoly, znaki*. Saint Petersburg: Dmitrii Bulanin.
- Lister, Ruth, Fiona Williams, Anneli Anttonen, Jet Bussemaker, Ute Gerhard, Jacqueline Heinen, Stina Johansson, Arnlaug Leira, Birte Siim, and Constanza Tobio, with Anna Gavanis. 2007. *Gendering Citizenship in Western Europe: New Challenges for Citizenship Research in a Cross-National Context*. Bristol, UK: Policy Press.
- Lutz, Helma. 2008. *Migration and Domestic Work: A European Perspective on a Global Theme*. Farnham, UK: Ashgate Publishing.
- Morel, Nathalie. 2015. "Servants for the Knowledge Based Economy? The Political Economy of Domestic Services in Europe." *Social Politics* 22(2):170–193.
- Ozyegin, Gul, and Pierette Hondagneu-Sotelo. 2008. "Conclusion: Domestic Work, Migration and the New Gender Order in Contemporary Europe." Pp. 195–209 in *Migration and Domestic Work: A European Perspective on a Global Theme*, edited by Helma Lutz. Farnham, UK: Ashgate Publishing.
- Parreñas, Rhacel Salazar. 2001. *Servants of Globalization: Women, Migration, and Domestic Work*. Stanford, CA: Stanford University Press.
- Perkućin, Danilo, and Vuk Radulović. 2015. "Domestic Labor in Post-Socialist Serbia (With Special Reference to the Position of Women in Terms of Refugee Migration)." Pp. 75–87 in *Domestic Workers in the Countries of Central Eastern Europe and Former Soviet Union: Postsocialist Migrations and Inequalities*, compiled by Olga Tkach. Proceedings of the International conference at the Centre for Independent Social Research, Saint Petersburg, Russia, April 24–26, 2015. Retrieved September 15, 2016 (<http://ciser.ru/files/DOMESTIC-WORKERS.pdf>).
- Rotkirch, Anna, Olga Tkach, and Elena Zdravomyslova. 2012. "Making and Managing Class: Employment of Paid Domestic Workers in Russia." Pp. 129–148 in *Rethinking Class in Russia*, edited by Suvi Salmenniemi. Farnham, UK: Ashgate.
- Sarti, Raphaella. 2008. "The Globalisation of Domestic Service: An Historical Perspective." Pp. 77–98 in *Migration and Domestic Work: A European Perspective on a Global Theme*, edited by Helma Lutz. Farnham, UK: Ashgate.
- Savoskul, Mariia. 2013. "Sidelki iz provintsii v bol'shom gorode." *Monitoring obshchestvennogo mneniia: Ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* 1(113):127–135.
- Saxonberg, Steven, and Tomáš Sirovátka. 2006. "Failing Family Policy in Post-Communist Central Europe." *Journal of Comparative Policy Analysis* 8(2):189–206.
- Sourlová, Adela. 2015. "An Employer Sui Generis: How Placement Agencies Are Changing the Nature of Paid Childcare in the Czech Republic." Pp. 151–169 in *Employers, Agencies and Immigration: Paying for Care*, edited by Anna Triandafyllidou and Sabrina Marchetti. Farnham, UK: Ashgate.

- Tartakovskaia, Irina. 2001. "Muzhskaia rabota, zhenskaia rabota..." *Rubezh* 16–17:87–101.
- Temkina, Anna, and Anna Rotkirch. 1997. "Soviet Gender Contracts and Their Shifts in Contemporary Russia." *Idäntutkimus: Finnish Journal of Russian and Eastern European Studies* 2:6–24.
- Teplova, Tatyana. 2007. "Welfare State Transformation, Childcare, and Women's Work in Russia." *Social Politics* 14(3):284–322.
- Tiuriukanova, Elena, ed. 2011. *Zhenshchiny-migranty iz stran SNG v Rossii*. Moscow: Maks Press.
- Tkach, Olga. 2009. "Uborshchitsa ili pomoshchnitsa? Variatsii gendernogo kontrakta v usloviakh kommersializatsii byta." Pp. 137–188 in *Novyi byt v sovremennoi Rossii: Gendernye issledovaniia povsednevnosti*, edited by Elena Zdravomyslova, Anna Rotkirch, and Anna Temkina. Saint Petersburg: European University at St. Petersburg Press.
- Tkach, Olga, comp. 2015. *Domestic Workers in the Countries of Central Eastern Europe and Former Soviet Union: Postsocialist Migrations and Inequalities*. Proceedings of the International conference at the Centre for Independent Social Research, Saint Petersburg, Russia, April 24–26, 2015. Retrieved September 15, 2016 (<http://cistr.ru/files/DOMESTIC-WORKERS.pdf>).
- Zdravomyslova, Elena. 2009. "Niani: Kommertsializatsiia zaboty." Pp. 94–136 in *Novyi byt v sovremennoi Rossii: Gendernye issledovaniia povsednevnosti*, edited by Elena Zdravomyslova, Anna Rotkirch, and Anna Temkina. Saint Petersburg: European University at St. Petersburg Press.
- Zdravomyslova, Elena, and Anna Temkina. 2007. "Sovetskii etakraticheskii gendernyi poriadok." Pp. 96–137 in *Rossiskii gendernyi poriadok: Sotsiologicheskii podkhod*, edited by Elena Zdravomyslova, Anna Rotkirch, and Anna Temkina. Saint Petersburg: European University at St. Petersburg Press.

ОПЛАЧИВАЕМЫЙ ДОМАШНИЙ ТРУД В ПОСТСОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ КОНТЕКСТАХ: РЕГИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ ГЛОБАЛЬНОГО ФЕНОМЕНА

Ольга Ткач, Майда Хрженяк

Ольга Ткач – приглашенный соредактор специального выпуска, научный сотрудник Центра независимых социологических исследований (ЦНСИ). Адрес для переписки: ЦНСИ, а/я 193, Санкт-Петербург, 191040, Россия. tkach@cisr.ru.

Майда Хрженяк – приглашенный соредактор специального выпуска, старший научный сотрудник Института мира – Института современных социальных и политических исследований (Любляна). Адрес для переписки: Peace Institute–Institute for Contemporary Social and Political Studies, Metelkova 6, 1000 Ljubljana, Slovenia. majda.hrzenjak@mirovni-institut.si.

В европейских исследованиях оплачиваемого домашнего труда давно сложилась традиция изучать бывшие социалистические страны как источник дешевой, преимущественно женской рабочей силы для стран Западной Европы. В настоящее время активно развивается концепция «европейского занавеса заботы» (ср. аллюзию на «железный занавес», некогда разделявший два разных мира)¹. Этот занавес маркирует воображаемую границу глобального разделения труда между Европой постсоциалистической и остальной, где первая, по сути, экспортирует заботу, а вторая импортирует ее. Для многих эта модель движения заботы с Востока на Запад была и остается единственным возможным исследовательским сюжетом в сфере изучения оплачиваемого домашнего труда.

Целью этого специального номера стало расширение нашего знания о труде домашних работников с помощью исследований того, как этот феномен глобаль-

¹ Понятие вводит и активно разрабатывает в своей готовящейся к публикации книге «Европейский занавес заботы» немецкая исследовательница Хельма Лутц. В этой книге рассматривается европейская специфика глобализации работы, связанной с обеспечением ухода (care work). В современности женщины-мигрантки из стран бывшего социалистического лагеря работают в сфере ухода и помощи на юге, западе и севере Европы. Лутц изучает параметры этих европейских барьеров, конфигурация которых совпадает с границей бывшего «железного занавеса», исследуя «занавес заботы» как одно из проявлений нового геополитического паттерна. См. об этом подробнее: <https://www.wilsoncenter.org/person/helma-lutz#sthash.PZgVBdcn.dpuf>.

ного характера устроен в ряде стран Центральной и Восточной Европы и бывшего Советского Союза. Отправным пунктом здесь послужила Международная конференция «Домашние работницы в странах Восточной Европы и бывшего СССР: постсоциалистические миграции и неравенства», которая проводилась 24–26 апреля 2015 года в Центре независимых социологических исследований (ЦНСИ) в сотрудничестве с Фондом Розы Люксембург. В этом мероприятии, первом в своем роде, приняли участие более 20 исследователей из 15 стран – все они изучают проблемы оплачиваемого домашнего труда в бывшем СССР и постсоциалистической Европе². На конференции и, как следствие, в данном спецномере была предпринята попытка заглянуть за «европейский занавес заботы» из перспективы стран Центральной и Восточной Европы и бывшего Советского Союза, в которых многие процессы развиваются сходным образом, в целом отражая глобальные тенденции. Среди них ослабление социального государства и формирование неолиберальной системы распределения социальных благ, трансформация классовой и возрастной структур общества, актуализация дефицита заботы и ее коммерциализация, сопровождающаяся появлением соответствующих профессиональных занятий.

Несмотря на то, что в развитии обществ, бывших когда-то частью социалистической системы, наблюдаются очевидные различия, их объединяет ряд структурных характеристик, задающих особенности организации оплачиваемого домашнего труда по сравнению с западноевропейскими контекстами. Во-первых, на протяжении последних десятилетий большинство из них пережили существенные изменения социалистических «государств всеобщего благосостояния» и стремительную коммерциализацию сферы заботы. Во-вторых, в данном регионе преобладают не международные, а местные рынки труда и цепочки заботы. В-третьих, в постсоциалистических контекстах оплачиваемый домашний труд очень слабо защищается законодательством и регулируется государственными институтами. В своем редакторском введении нам хотелось бы последовательно рассмотреть эти особенности.

Хотя непосредственно после Второй мировой войны в частных домашних хозяйствах Западной Европы практически не использовался труд наемных работников, таких как уборщицы, няни и сиделки, в 1970-е годы произошло массовое возвращение этого типа занятости (Ehrenreich and Hochschild 2003; Sarti 2008). Вместе с тем в странах Центральной и Восточной Европы, как и в странах бывшего Советского Союза, несмотря на самый высокий в мире уровень женской занятости (Saxonberg and Širovátká 2006), спрос на оплачиваемый домашний труд начал расти лишь в переходный период, в конце 1990-х, и в особенности в начале нового тысячелетия. Объяснение этому можно найти в приоритете социальных прав в социалистической системе (несмотря на имевшиеся различия между странами Центральной и Восточной Европы и бывшим Советским Со-

² Почти все прозвучавшие на конференции доклады были опубликованы в двуязычном сборнике материалов (Ткач 2015). Статьи в настоящем номере представляют собой переработанные версии некоторых выступлений; один из авторов спецномера в конференции участия не принимал.

юзом). Особое внимание в этих странах уделялось тому, чтобы обеспечить женщинам доступ к полной занятости наравне с мужчинами, и тем самым – к их полноправному экономическому и социальному гражданству. Начиная с 1950-х годов в социалистических странах установилась модель «работающего взрослого» гражданина, или семейная модель «двух кормильцев» (Lister et al. 2007), которая в капиталистической Европе до сих пор реализована лишь частично, несмотря на значительные усилия по выработке принципов совмещения работы и семьи. В соответствии с социалистической политикой всеобщей занятости, особенно поддерживающей женскую эмансипацию, женщинам была предоставлена возможность постоянной занятости на полный рабочий день, которая обеспечивала их важными индивидуальными правами на социальное, медицинское и пенсионное страхование. В качестве работниц с полной занятостью и матерей, или «работающих матерей» (Temkina and Rotkirch 1997), женщины получили право на различные социальные выплаты, типы помощи и бонусы, причем как субъекты, а не иждивенки своих работающих партнеров. Полная занятость принесла женщинам базовую экономическую независимость и, в свою очередь, принципиально повлияла на изменение их роли и улучшение их положения как в семье, так и в обществе. Помимо качественной схемы оплачиваемого отпуска по уходу за ребенком, не слишком короткого и не слишком длинного, социалистические государства (через компании, находящиеся в общественной собственности) создавали условия для полной занятости женщин, организуя сеть общедоступных социальных учреждений, таких как ясли, дошкольные учреждения, группы продленного дня в младших классах школы, организованный отдых на каникулах и школьное питание наряду с организованным питанием и столовыми для рабочих – все это было призвано освободить женщин от работы по дому (Burgar 2009).

В действительности качество и уровень перечисленных услуг, предоставляемых патерналистским социалистическим государством, зачастую были сомнительными. Медицинское обслуживание и другие службы социальной помощи, институты дошкольного образования, ясли и детские сады, как и вся прочая социальная инфраструктура, не соответствовали требованиям семей и вынуждали их к применению собственных стратегий преодоления структурных ограничений. В этом смысле массовая практика задействования социальных сетей и родственных, преимущественно межпоколенческих связей и солидарностей позволяли семьям компенсировать неразвитость учреждений социальной инфраструктуры и недоверие к ним, характерное для позднесоветского периода (Здравомыслова и Темкина 2007:130, 135; Rotkirch, Tkach, and Zdravomyslova 2012:133). Ролевая модель «бабушки, воспитывающей внука» (Здравомыслова 2009:101) была почти обязанностью для поколений советских женщин, вышедших на пенсию. Массовое обобществление и дефамелизация воспитания детей, вкупе с официально провозглашенной ценностью экономического и классового равенства и женской эмансипацией, стали ключевыми факторами, сделавшими оплачиваемый труд в частных домохозяйствах в период социализма одновременно ненужным и непопулярным. Рынок домашних ра-

ботников существовал в крайне ограниченных масштабах и был ориентирован преимущественно на партийную и творческую элиту³. В целом же институт оплачиваемого домашнего труда при позднем социализме был развит фрагментарно и не имел широкого распространения (98).

В процессе перехода к капитализму многие (хотя и не все) страны Центральной и Восточной Европы и бывшего СССР последовательно, но в разной степени демонтировали свои социалистические социальные системы (не без влияния таких международных акторов, как Всемирный банк и другие активные сторонники «экономного» социального государства). Это создало структурные условия для распространения оплачиваемого труда наемных работников в частных домашних хозяйствах. Политика упразднения общественной системы детских учреждений и ужесточения декретных отпусков – они либо слишком длинные, либо слишком короткие, оплачиваются частично, мало или по фиксированной ставке – в сочетании с предложениями налоговых льгот и пенсионных бонусов, побуждающих женщин оставаться дома после окончания отпуска по уходу за ребенком, или назначениями субсидий для самостоятельного найма няни – все это осложняет возвращение женщины на рынок труда после рождения ребенка (Morel 2015). В целом женщины все больше вынуждены соглашаться на нестабильную частичную занятость, в результате чего они оказываются в положении вторичной, маргинальной рабочей силы, экономически зависимой от партнеров-мужчин (Terlova 2007). Чтобы этого избежать, те женщины, которые могут себе это позволить, используют стратегию делегирования работы по хозяйству и заботы о детях наемным работницам (мигранткам), в большинстве случаев основываясь на неформальной договоренности. В текстах, включенных в этот специальный номер, осмысляются эти изменения. Например, в Чешской Республике система заботы о ребенке была реформирована в соответствии с корпоративно-консервативной моделью путем увеличения отпуска по уходу за ребенком и радикального сокращения числа государственных детских садов. Если в 1990 году государственные детские сады все еще принимали примерно 40 000 детей, в 2011 году число мест в них сократилось до 1 425, что создало огромный спрос на частных домашних нянь (Souralová 2015). Помимо политических и экономических причин подобных трансформаций на развитие сектора частных услуг, например, в России, повлияли также изменения гендерного порядка. Нуклеаризация городских семей среднего класса, эмансипация молодых поколений от расширенной семьи и кризис семейной роли бабушки, сменившей заботу о внуках на работу, способствовали стремительному развитию рынка услуг домашних работников. Бесплатный домашний труд бабушки был заменен оплачиваемым трудом няни (Здравомыслова 2009:100–101).

³ В большевистской и советской России дореволюционный институт домашней прислуги был приписан к рабочему классу – как группа трудящихся женщин, выполняющих домашнюю работу. Исторические исследования показывают, что рынок домашнего труда в первой трети двадцатого века формировался благодаря географической и социальной мобильности женщин, перемещавшихся из деревень в города (Измозик и Лебина 2001; Лебина 2006; Клоц 2012).

Миграционные контексты в постсоциалистических странах также имеют свою специфику. Гораздо больше, чем иммиграция, на эти страны оказала влияние эмиграция, особенно после 2004 года, когда расширение Европейского союза облегчило жителям Восточной Европы миграцию на Запад. Не только мужчины, но и женщины (как молодые, так и пожилые) эмигрировали в «глобальные метрополии», чтобы пополнить неформальный сектор мигрантского домашнего труда в частных домохозяйствах, где в неблагоприятных условиях, созданных наложением эффектов иммиграции и занятости в сфере ухода, они реализуют мультилокальные стратегии заботы (Bonizzoni 2014). Такая феминизация эмиграции вкупе с демонтажем общественной системы социальной защиты вызвали в постсоциалистических странах значительный дефицит заботы в сфере ухода – как за детьми, так и за пожилыми людьми – и создали структурные предпосылки для возникновения локальных и глобальных цепочек заботы. Потоки миграции внутри и за пределами Европы продолжают трансформироваться с тех пор, как страны Центральной и Восточной Европы вступили в Евросоюз в 2004 и 2007 годах, а также под влиянием глобального экономического кризиса 2008–2009 годов и текущей геополитической ситуации, в частности – кризиса с беженцами. Многие страны перестали быть исключительно отправляющими на глобальном рынке труда и начали принимать иностранных мигранток, которые работают, в том числе, нянями, сиделками и уборщицами в семьях средних классов.

На связь между дефицитом заботы, феминизацией миграции и глобальным структурным неравенством обращают внимание Расель Салазар Парреньяс (Parreñas 2001), предлагающая категорию «международное разделение репродуктивного труда», которую она развивает в своей диссертации о филиппинских работницах в Риме и Лос-Анджелесе, и Арли Рассел Хохшильд (Hochschild 2000), развившая понятие «глобальная цепочка заботы». Эти авторы показывают, что международное разделение репродуктивного труда порождается глобальным капитализмом и системой гендерного неравенства одновременно в странах исхода и принимающих странах (Parreñas 2001:72). Паттерны глобального трансфера труда, связанного с помощью и уходом, как правило, не случайны. На них нередко влияют географическая близость (например, украинки работают в семьях среднего класса в Польше, в то время как польские женщины работают в Германии) (Kindler 2008), а также сходство языков, культур, религий и других культурных факторов. Миграцию также облегчают двусторонние соглашения о безвизовом режиме между некоторыми странами, входившими прежде в Советский Союз, а сейчас – в СНГ. Так, недавние исследования показали, что женщины-мигрантки из Беларуси, Украины, Узбекистана, Молдовы и Таджикистана трудятся в качестве домашних работниц в России, а из Кыргызстана и Узбекистана – в Казахстане (Тюрюканова 2011:101; Карачурина и др. 2014:31).

Вместе с тем в постсоциалистических контекстах занятия, связанные с уходом и заботой, формируются одновременно на внутренних и внешних рынках труда, и мигранты соревнуются за лучшие места с местными претендентами на работу. По сравнению с Западной Европой, где женщины из-за нехватки государственной помощи вынуждены нанимать помощниц по дому для того, чтобы

выйти на официальный местный рынок труда, в Центральной и Восточной Европе и странах бывшего Советского Союза множество женщин продолжают использовать помощь родственников, соседей и сослуживцев (и изредка мигрантов), чтобы иметь возможность самим продавать свой труд за границей в качестве временных домашних работниц⁴.

Большинство западных исследований оплачиваемого домашнего труда сконцентрировано на труде мигрантов, при этом ситуация с местными работниками изучена недостаточно. Все материалы настоящего тематического номера указывают на значительную долю (а в некоторых странах даже и на численное преимущество) местных домашних работников в странах Центральной и Восточной Европы и бывшего Советского Союза. Такие глубокие структурные изменения, произошедшие в процессе перехода к новой экономической системе, как поляризация богатых и бедных, высокий уровень безработицы, усложнение условий труда и уменьшение зон ответственности социального государства, привели к тому, что местные женщины пополнили рынок неформального оплачиваемого домашнего труда и ухода. Безработица во время переходного периода больше всего затронула малообразованных городских женщин старшего возраста. Подобные обстоятельства заставили многих из них перейти на неформальные оплачиваемые профессии, связанные с помощью в доме, чтобы избежать бедности. В 1990-е годы ранний выход женщин на пенсию стал одним из способов уменьшения структурной безработицы, вызванной экономическим кризисом переходного периода, разрушившим многие феминизированные индустрии (такие как, например, текстильная индустрия в Словении). Эта система обрекла множество сравнительно молодых пенсионерок на нищету, облегчив их попадание в неформальный сегмент труда по обеспечению заботой, где они нашли для себя (традиционную) нишу для дополнительных заработков. Похожим образом распад СССР запустил процесс нисходящей классовой мобильности для многих социальных групп, включая женщин предпенсионного возраста, которые попадали в теневой сегмент рынка домашних услуг и устраивались работать уборщицами в домах своих знакомых и бывших коллег по работе. Специализированные рекрутинговые агентства и клининговые компании, появившиеся в 1990-е годы, тоже создавали женщинам возможности для найма, хотя главным движущим механизмом этого рынка труда всегда оставались личные знакомства (Тартаковская 2001; Козина 2002; Евдокимова 2004; Ткач 2009). В России этот рынок, кроме всего прочего, пополнялся и продолжает пополняться своими же согражданами – внутренними мигрантами, переезжающими

⁴ Приватный характер домашнего труда в разные исторические периоды и в разных политических ситуациях превращал его в убежище для различных уязвимых социальных групп. В Советском Союзе оплачиваемый домашний труд выступал в качестве возможной работы для женщин из семей, преследуемых по политическим мотивам, так как эти женщины не могли официально устроиться на работу (Rotkirch et al. 2012:133). В ходе социально-политических трансформаций, последовавших за коллапсом социалистического лагеря, граждане, потерявшие работу или ставшие жертвой этнических конфликтов, пополнили рынок оплачиваемого домашнего труда. Для них эта ниша стала убежищем и увеличила шансы на выживание для их семей (см., например: Perkućin and Radulović 2015).

в мегаполисы из деревень и маленьких городов, которых нанимают как приходящих помощников (об оплачиваемых сиделках см.: Савоскул 2013). Сходные тенденции развития рынка домашнего труда наблюдаются и в других постсоветских государствах, например, Армении, Азербайджане, Грузии, Казахстане, Латвии, Украине, где большинство рабочих мест занимают местные домашние работницы (Карачурина и др. 2014; Ткач 2015). Хотя для многих женщин неформальная оплачиваемая домашняя работа остается способом выживания, в этой сфере присутствуют также социальные группы, для которых она представляет собой скорее возможность подработок и дополнительных заработков (Jensen, Pfau-Effinger, and Flaquer 2009). Это главным образом студентки, пользующиеся поддержкой родителей, но подрабатывающие в домашних хозяйствах ради карманных денег.

Присутствие на рынках труда местных домашних работниц ставит под вопрос аргумент, широко использующийся в западных исследованиях домашнего труда. В соответствии с ним в настоящее время проблема домашних работниц трансформировалась из классовой в этническую (Ozyegin and Hondagneu-Sotelo 2008:204). Однако класс/бедность остается важным фактором поддержания неформальных рынков домашнего труда местных работников. Этот аспект неравенства скрывает множественные процессы внутреннего исключения, основанные на личных обстоятельствах, таких как затяжная безработица, нестабильная (прекарная) занятость или занятость в низкооплачиваемом секторе, возраст, физические ограничения, наличие ребенка у матери-одиночки, плохое образование и так далее. В то же время «локальные цепочки заботы» могут также быть в значительной мере этнизированы, включать в себя разнообразных представителей этнических меньшинств и внутренних мигрантов из некогда общей страны (например, Советского Союза или Югославии), которые теперь являются более или менее ассимилировавшимися гражданами, но тем не менее ощущают дискриминацию и отчуждение (othering) на официальном рынке труда.

В свою очередь, запрос на оплачиваемый домашний труд поступает от среднего и высшего классов, завоевавших и удерживающих свои позиции в постсоциалистических обществах на протяжении почти трех десятилетий. Наблюдается рост ожиданий и требований новых групп потребителей в отношении социального сервиса, их материальных возможностей выбора услуг по уходу за детьми и воспитанию, желание «отделиться от масс» с помощью покупки дорогих и эксклюзивных услуг, в том числе и наемного домашнего труда (Zdravomyslova 2009:102). В зависимости от характера социальной группы функции наемных домашних работников в ней варьируются. Для очень состоятельных кругов и нуворишей факт найма на работу уборщицы и няни преимущественно символизирует их статус, поскольку позволяет нанимателям демонстрировать определенный стандарт жизни, соответствующий тому классу, к которому они стремятся принадлежать. Для среднего класса главной причиной найма оплачиваемых помощников для домашней работы оказывается необходимость как-то выстроить баланс работы и жизни в ситуации высококонкурентного рынка труда, при дефиците и сомнительном качестве услуг, предоставляемых государством, особенно в области заботы о детях. Нанимая помощников по дому (порой в дополнение к помощи супруга, родствен-

ников и друзей), работающие женщины облегчают себе ежедневную логику (Rotkirch et al. 2012:134).

Последнее, хотя и не менее важное обстоятельство заключается в том, что эта «новая» профессиональная сфера в странах Центральной и Восточной Европы и бывшего СССР остается в значительной степени неотрегулированной законодательно. Достаточно указать на то, что до сих пор ни одна из постсоциалистических стран не ратифицировала 189-ю Конвенцию Международной организации труда «О достойном труде домашних работников». Вместе с тем рост неформализации и коммерциализации труда, связанного с заботой о доме и домохозяйках, создает ряд существенных проблем (таких как отсутствие контроля качества и доступности этих услуг, крайне неудовлетворительные условия труда домашних работников). В некоторых странах (например, в Чешской Республике) увеличивается число коммерческих агентств, которые способствуют трудоустройству домашних работников, однако условия труда работников, поддерживаемых агентствами, еще не были изучены. Многие домашние работники – самозанятые, они находятся в неустойчивых трудовых отношениях без трудовых контрактов, с низкой зарплатой и высокой степенью незащищенности. Такая же ситуация наблюдается в российских городах, где женщины-мигрантки предпочитают не связываться с агентствами занятости и искать возможность заработка по знакомству, так что все они (и в особенности – те, кто нанимаются на работу с условиями проживания) рискуют оказаться полностью зависимыми от своих работодателей. Чтобы избежать этой зависимости многие мигрантки, работающие нянями и сиделками, отказываются от совместного проживания с семьей, в которой работают. Они предпочитают платить за съемное жилье, чтобы сохранить право на частную жизнь и иметь возможность самим, без вмешательства работодателей, распоряжаться своим временем (Тюрюканова 2011:101–105).

Опросы, проведенные в России и Казахстане, выявили проблемы, с которыми сталкиваются домашние работники-мигранты. Среди них переработки, а именно многочасовая работа без выходных, низкая заработная плата и сексуальные домогательства. При этом для агентств занятости приоритетными являются интересы нанимателя; в случае его недовольства работников заменяют вне зависимости от того, что они сами об этом думают. Как правило, домашние работники не осведомлены о своих правах и не стремятся о них узнать (Карачурина и др. 2014:65–70). Мы предполагаем, что занятость большинства из них в теневом секторе экономики, создает заведомо неблагоприятные условия. Такая работа нелегальна и, соответственно, не создает для домашнего персонала никакой социальной защиты; не позволяет рассчитывать на пенсию, а увеличивает риск бедности и экономической зависимости от других членов семьи в пожилом возрасте. Одновременно она укрепляет сложившиеся паттерны феминизации и индивидуализации домашнего труда. Подобная фрагментация и деформализация сектора домашнего труда и ухода вместе с изоляцией работников в частной сфере уменьшают возможности для их самоорганизации и объединения в профсоюзы.

Может создаться впечатление, что в сравнении с мигрантами местные работники сферы заботы находятся в значительно более выгодном положении: в целом

они в меньшей степени подвергаются произволу работодателей, так как проживают отдельно от них; им легче найти баланс между работой и собственной семьей; общие язык и культура облегчают им вход в семью, где они работают; у них нет проблем с гражданством, разрешениями на работу и проживание, как нередко бывает у мигрантов; зачастую они просто подрабатывают, а не зарабатывают на жизнь; работают они время от времени, а не постоянно. Все эти обстоятельства придают уверенности местным домашним работникам и делают их менее уязвимыми для эксплуатации в этом неотрегулированном сегменте рынка труда (Hrženjak 2011). Однако местные делят с мигрантами статус неофициальных домашних работников и опыт существования в пограничной зоне законодательства, поскольку правительства борются с теневой экономикой (Lutz 2008:45).

Цель этого специального тематического номера – расширить наше знание об оплачиваемом домашнем труде, изучая его из перспективы стран, которые не так давно начали переход к капитализму и еще не институционализировали занятость в частной сфере. Номер состоит из четырех статей и четырех книжных рецензий. Автор первой статьи Зузана Секеракова Бурикова показывает, как семьи среднего класса в Словакии нанимают домработниц или нянь, чтобы привести к компромиссу новые структурные условия, такие как увеличение отпуска по уходу за ребенком и ликвидация общественных дошкольных учреждений, с одной стороны, и напряжение, связанное с совмещением родительства и рабочей занятости – с другой. Она применяет концепт гендеризованного культурного сценария, разработанный Хельмой Лутц (см., например: Lutz 2008), чтобы выявить логику, стоящую за фактом делегирования домашнего труда – *почему* существует спрос и предложение на эту работу. Автор расширяет этот концепт, чтобы проанализировать гендернодифференцированный культурный сценарий на примере конкретных договоренностей и отношений между работодателями и теми, кто предоставляет оплачиваемую домашнюю работу и заботу, – *как* эта работа делегируется и *кто* считается подходящим для выполнения того или иного типа домашней работы.

Словения, одна из стран бывшей Югославии, напротив, сохранила социалистическую систему государственных дошкольных учреждений и качественную схему отпуска по уходу за ребенком. Вследствие этого в Словении лишь немногие люди нанимают частных нянь (в сравнении со случаями найма сиделок и уборщиц, а также с аналогичными практиками в других европейских странах). Статья Живы Хумер и Майды Хрженяк посвящена анализу современной политики Словении в сфере заботы о детях. Авторы рассматривают процессы (де)фамилизации и обобществления этой сферы, для того чтобы объяснить ограниченность и специфические характеристики неформального рынка услуг по уходу за детьми. Они утверждают, что принципиально важны не столько масштабы ответственности государства в сфере заботы и ухода, сколько то, каким образом государство выполняет эти функции. Приоритет компенсаций и материальной помощи над развитием сферы государственных услуг ведет к расширению теневой экономики и увеличению доли труда женщин-мигранток, в то время как предоставление государственных общедоступных услуг в сфере заботы и ухода существенно уменьша-

ет объем теневого рынка и влияние глобализации труда в данном сегменте. Это становится очевидным на примере Словении, где, как показывают авторы, опираясь на индивидуальные интервью с родителями и нянями, нанятыми неформально, оплачиваемый неформальный труд по уходу за детьми используется нерегулярно, время от времени и на короткие периоды; а основными исполнителями в данном случае выступают местные пенсионерки и студентки.

Елена Здравомыслова и Ольга Ткач анализируют, каким образом создается классовое неравенство в сфере оплачиваемого домашнего труда в России. Фокусируясь на отношениях «наниматель – работник», авторы выделяют две культурные модели классового неравенства, которые воспроизводятся в процессе найма: «хозяева» и их «прислуга», «профессионалы» и их «домашние помощники». Опираясь на понятие диалектики контроля, авторы показывают механизмы конструирования статуса местных домашних работников и их нанимателей в обеих культурных моделях. Они обнаруживают, что первая модель предполагает иерархические отношения, предоставляющие нанимателям возможность поддерживать и демонстрировать более высокий статус, превосходство в отношениях с «прислужкой». Эта модель активно воспроизводится в масс-медиа, несмотря на то, что она критикуется как нелегитимная и не соответствующая современной трудовой культуре. Вторая культурная модель, которую авторы обозначили понятием «эгалитарное неравенство», предполагает определенную рефлексию со стороны нанимателя по поводу отношений «наниматель – работник». Наниматель пытается, насколько возможно, нивелировать иерархию и компенсировать неравенство эмоциональной работой и моральной поддержкой. Эта модель представлена в большей степени в среде работающих женщин среднего класса, которые нуждаются в помощи по дому для того, чтобы поддерживать свою семейную жизнь и баланс между работой и семьей. Эти две модели сосуществуют в современном российском обществе, функционируя в разных социальных, культурных и смысловых пространствах.

Лиза-Мария Хаймесхофф исследует то, как домашние работники в Чешской Республике самоорганизуются для защиты своих прав, борьбы с эксплуатацией и обретения уверенности. Автор позволяет нам проникнуть в чешский сектор домашнего труда, который, по сравнению со многими западными странами, характеризует высокая гетерогенность рабочей силы и широкий спектр рабочих отношений. Среди домашних работников там встречаются мигранты и местные; самозанятые, нанятые неформально и по контракту; здесь распространено трудоустройство на домашнюю работу с частичной или полной занятостью. Автор утверждает, что такая гетерогенность затрудняет самоорганизацию работников. Опираясь на модель самоорганизации домашних работников, предложенную Ширин Элли (Ally 2005), Лиза-Мария Хаймесхофф определяет случай Чешской Республики как пример ассоциативной модели и объясняет причины недостаточной вовлеченности профсоюзов в переговоры по поводу ратификации 189-й Конвенции Международной организации труда «О достойном труде домашних работников», апеллируя к постсоциалистическому наследию организации профсоюзной работы.

Процессы формирования рынков труда домашних работников в постсоциалистических контекстах остаются малоизученными и, к сожалению, едва заметными на фоне европейского исследовательского мейнстрима. Эта тема совсем недавно начала привлекать внимание исследователей, собранная ими информация все еще нуждается в новых теоретических рамках и интерпретациях. В отличие от кажущегося вполне связным западного дискурса исследований оплачиваемого домашнего труда, работам о постсоциалистических контекстах недостает интернационализации, поскольку лишь немногим авторам удается опубликовать свои работы в международных изданиях. Эти исследования остаются фрагментарными, привязанными к локальной научной среде, так что на данный момент довольно трудно представить, в каком состоянии находится исследуемая проблема в целом. Одним из самых значимых по-прежнему остается вопрос о том, как коммерциализация заботы происходит в обществах, имеющих в своей недавней истории опыт социального государства и официального эгалитаризма. Нам недостает информации о формировании рынков труда домашних работников и о статусе местных и иностранных претендентов на эти вакансии в постсоциалистических странах; о специфике домашней занятости, которая возрождается во многих обществах в данном регионе, и, в частности, о специфике отношений «наниматель – работник»; о проблемах неравенства, эксплуатации и соблюдения прав в этой слабо отрегулированной сфере частного найма; наконец, о частной жизни домашних работников за пределами работы, об их профессиональных идентичностях и чувстве принадлежности.

Статьи в этом специальном номере заполняют хотя бы некоторые из обозначенных выше лакун и проливают свет на проблематику оплачиваемого домашнего труда, находящуюся за пределами мейнстримных исследований об оттоке заботы с Востока на Запад. Мы рассматриваем свою работу как незавершенную и в ближайшем будущем ожидаем появления более обстоятельных исследований и последующих оживленных дискуссий в этой области.

*Перевод с английского Натальи Самутиной,
научный редактор перевода – Ольга Ткач*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Евдокимова, Елена. 2004. *Женская ниша на рынке труда*. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского Политехнического университета.
- Здравомыслова, Елена. 2009. «Няни: коммерциализация заботы». С. 94–136 в *Новый быт в современной России: гендерные исследования повседневности*, под ред. Елены Здравомысловой, Анны Роткирх и Анны Темкиной. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.
- Здравомыслова, Елена и Анна Темкина. 2007. «Советский этакратический гендерный порядок». С. 96–137 в *Российский гендерный порядок: социологический подход*, под ред. Елены Здравомысловой и Анны Темкиной. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.
- Измозик, Владлен и Наталья Лебина. 2001. «Жилищный вопрос в быту у ленинградской партийно-советской номенклатуры 1920–1930-х гг.». *Вопросы истории* 4:98–110.
- Карачурина, Лилия, Дмитрий Полетаев, Юлия Флоринская и Эльвира Ватлина. 2014. *Домашние работники в России и Казахстане*. Алматы: Ex Libris.

- Клюц, Алиса. 2012. «“Светлый путь”: институт домашних работниц как миграционный канал и механизм социальной мобильности эпохи сталинизма». *Новое литературное обозрение* 117(5):40–52.
- Козина, Ирина. 2002. «Профессиональная сегрегация: гендерные стереотипы на рынке труда». *Социологический журнал* 3:126–136.
- Лебина, Наталья. 2006. *Энциклопедия банальностей. Советская повседневность: контуры, символы, знаки*. СПб.: Дмитрий Буланин.
- Савоскул, Мария. 2013. «Сиделки из провинции в большом городе». *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены* 1(113):127–135.
- Тартаковская, Ирина. 2001. «Мужская работа, женская работа...». *Рубеж (альманах социальных исследований)* 16–17:87–101.
- Ткач, Ольга. 2009. «Уборщица или помощница? Вариации гендерного контракта в условиях коммерциализации быта». С. 137–188 в *Новый быт в современной России: гендерные исследования повседневности*, под ред. Елены Здравомысловой, Анны Роткирх и Анны Темкиной. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.
- Ткач, Ольга, сост. 2015. *Домашние работницы в странах Центрально-Восточной Европы и бывшего СССР: постсоциалистические миграции и неравенства*. Материалы Международной конференции, Центр независимых социологических исследований, Санкт Петербург, Россия, 24–26 апреля 2015 г. Просмотрено 12 июня 2016 г. (<http://cisr.ru/files/DOMESTIC-WORKERS.pdf>).
- Тюрюканова, Елена, ред. 2011. *Женщины-мигранты из стран СНГ в России*. М.: Макс Пресс.
- Ally, Shireen. 2005. “Caring about Care Workers: Organising in the Female Shadow of Globalisation.” *Travail, capital et société* 38(1/2):184–207.
- Bonizzoni, Paola. 2014. “Immigrant Working Mothers Reconciling Work and Childcare: The Experience of Latin American and Eastern European Women in Milan.” *Social Politics* 21(2):194–217.
- Burcar, Lijljana. 2009. “Od socialistične k (neoliberalni) kapitalistični družbenoekonomski ureditvi: Redefinicija državljanstva žensk.” *Borec* 61(657/661):296–331.
- Ehrenreich, Barbara, and Arlie Russell Hochschild, eds. 2003. *Global Woman: Nannies, Maids, and Sex Workers in the New Economy*. New York: Metropolitan Books.
- Hochschild, Arlie Russell. 2000. “Global Care Chains and Emotional Surplus Value.” Pp. 124–138 in *On the Edge: Living with Global Capitalism*, edited by Will Hutton and Anthony Giddens. London: Jonathan Cape.
- Hrženjak, Majda. 2011. “Revival of Informal Paid Care Work in Eastern European Countries.” Pp. 302–320 in *Gazing at Welfare, Gender and Agency in Post-Socialist Countries*, edited by Maija Jäppinen, Meri Kulmala, and Aino Saarinen. Cambridge: Cambridge Scholars Publishing.
- Jensen, Per H., Birgit Pfau-Effinger, and Lluís Flaquer. 2009. “The Development of Informal Work in the Work-Welfare Arrangements of European Societies.” Pp. 3–21 in *Formal and Informal Work: The Hidden Work Regime in Europe*, edited by Birgit Pfau-Effinger, Flaquer Lluís, and Per H. Jensen. New York: Routledge.
- Kindler, Marta. 2008. “Risk and Risk Strategies in Migration: Ukrainian Domestic Workers in Poland.” Pp. 145–161 in *Migration and Domestic Work: A European Perspective on a Global Theme*, edited by Helma Lutz. Farnham, UK: Ashgate Publishing.
- Lister, Ruth, Fiona Williams, Anneli Anttonen, Jet Bussemaker, Ute Gerhard, Jacqueline Heinen, Stina Johansson, Arnlaug Leira, Birte Siim, and Constanza Tobio, with Anna Gavanas. 2007. *Gendering Citizenship in Western Europe: New Challenges for Citizenship Research in a Cross-National Context*. Bristol, UK: Policy Press.
- Lutz, Helma. 2008. *Migration and Domestic Work: A European Perspective on a Global Theme*. Farnham, UK: Ashgate Publishing.
- Morel, Nathalie. 2015. “Servants for the Knowledge Based Economy? The Political Economy of Domestic Services in Europe.” *Social Politics* 22(2):170–193.
- Ozyegin, Gul, and Pierette Hondagneu-Sotelo. 2008. “Conclusion: Domestic Work, Migration and the New Gender Order in Contemporary Europe.” Pp. 195–209 in *Migration and Domestic*

- Work: A European Perspective on a Global Theme*, edited by Helma Lutz. Farnham, UK: Ashgate Publishing.
- Parreñas, Rhacel Salazar. 2001. *Servants of Globalization: Women, Migration, and Domestic Work*. Stanford, CA: Stanford University Press.
- Perkušin, Danilo, and Vuk Radulović. 2015. "Domestic Labor in Post-Socialist Serbia (With Special Reference to the Position of Women in Terms of Refugee Migration)." Pp. 75–87 in *Domestic Workers in the Countries of Central Eastern Europe and Former Soviet Union: Postsocialist Migrations and Inequalities*, compiled by Olga Tkach. Proceedings of the International conference at the Centre for Independent Social Research, Saint Petersburg, Russia, April 24–26, 2015. Retrieved September 15, 2016 (<http://cistr.ru/files/DOMESTIC-WORKERS.pdf>).
- Rotkirch, Anna, Olga Tkach, and Elena Zdravomyslova. 2012. "Making and Managing Class: Employment of Paid Domestic Workers in Russia." Pp. 129–148 in *Rethinking Class in Russia*, edited by Suvi Salmenniemi. Farnham, UK: Ashgate.
- Sarti, Raphaella. 2008. "The Globalisation of Domestic Service: An Historical Perspective." Pp. 77–98 in *Migration and Domestic Work: A European Perspective on a Global Theme*, edited by Helma Lutz. Farnham, UK: Ashgate.
- Saxonberg, Steven, and Tomáš Sirovátka. 2006. "Failing Family Policy in Post-Communist Central Europe." *Journal of Comparative Policy Analysis* 8(2):189–206.
- Sourlová, Adela. 2015. "An Employer Sui Generis: How Placement Agencies Are Changing the Nature of Paid Childcare in the Czech Republic." Pp. 151–169 in *Employers, Agencies and Immigration: Paying for Care*, edited by Anna Triandafyllidou and Sabrina Marchetti. Farnham, UK: Ashgate.
- Temkina, Anna, and Anna Rotkirch. 1997. "Soviet Gender Contracts and Their Shifts in Contemporary Russia." *Idäntutkimus: Finnish Journal of Russian and Eastern European Studies* 2:6–24.
- Teplova, Tatyana. 2007. "Welfare State Transformation, Childcare, and Women's Work in Russia." *Social Politics* 14(3):284–322.

EXPLORING THE DEMAND FOR PAID DOMESTIC WORKERS IN SLOVAKIA THROUGH THE INTERSECTION OF WELFARE AND GENDER REGIMES

Zuzana Sekeráková Búriková

Zuzana Sekeráková Búriková is an Assistant Professor in the Department of Sociology, Faculty of Social Studies, Masaryk University. Address for correspondence: Faculty of Social Studies, Masaryk University, Joštova 10, 602 00, Brno, Czech Republic. burikova@fss.muni.cz.

This article is the result of my work on the project funded by postdoctoral grant GAČR 13-11062P, “Paid Childcare and Domestic Work in the Czech Republic and Slovakia.” An earlier version of this article was presented at the conference “Domestic Workers in the Countries of Central Eastern Europe and Former Soviet Union: Postsocialist Migrations and Inequalities” in April 2015 at the Centre for Independent Social Research, Saint Petersburg, Russia.

Drawing on interviews with both providers and employers of paid domestic work, this article focuses on the emerging market for paid domestic workers in Slovakia. Analyzing hiring strategies and practices of employers, I examine the role of welfare and gender regimes in the employment of paid domestic work. I demonstrate that, while the welfare regime sets the structural conditions for the employment of paid domestic workers, individual motivations for employing one are related to the contradictory pressures of parenthood and employment among the Slovak middle classes. The second part of the article argues that ideas and practices related to who is a suitable caregiver are to a large extent driven by local cultural practices of childrearing and conventional patterns of gendered identity. In particular, employers hire elderly women as nannies because their gendered biographical experience—as mothers of now grown-up children—makes them culturally acceptable nannies, as they can serve as “granny substitutes,” providing children with expert care without threatening the mother’s role as primary caregiver.

Keywords: Paid Domestic Workers; Care Work; Slovakia; Nannies; Babysitters; Welfare Regime; Gender Regime; Paid Childcare

While being a paid domestic worker was a common occupation in Slovakia before 1948 (see, e.g., Paríková 1990), the employment of paid domestic workers was disrupted during the socialist period. Socialist Czechoslovakia was characterized by the long-term and extensive participation of women in the labor market, dual career households, and widespread use of institutional preschool childcare (nurseries and

kindergartens) (e.g., Dudová and Hašková 2010; Gašparová and Miňová 2009; Hašková 2007). While both men and women worked, ideas about gender roles remained conservative: men were seen as breadwinners, and women as responsible for housekeeping and childcare. This has not changed much since 1989, as a large number of women still fulfill both of these roles (e.g., Bahna and Kvapilová 2007; Bútorová et al. 2008; Chorvát 2002, 2006a, 2006b; Filadelfiová 2007, 2008; Holubová 2011; Potančoková 2009). On the other hand, ideas, practices, and social policies related to childcare have changed significantly since the fall of the socialist regime. Since the 1990s, there has been a tendency to replace institutional childcare for very young children with care based at home: while the number of nurseries providing care for children younger than three years old decreased rapidly in Slovakia (only 3 percent of the pre-1989 places remained available), financial support for parental leave has been extended to three years (Hašková 2005:24; Maříková and Uhde 2008; Saxonberg and Sirovátka 2006). Ideas about parenting are characterized by intensive mothering and a consequent refusal of institutional care for children under three years of age: 63 percent of respondents in 2005 claimed that it is bad for a child to be in institutional care, and 42 percent considered the mother to be the best possible care provider (Marošiová and Šumšalová 2006). However, women also agree that being a full-time housewife permanently is less satisfactory than being employed (Čermáková 1994). Thus the most common scenario is that, after three years of parental leave, new mothers return to full-time employment and their children enter state or private kindergartens. Nevertheless, some women do not wish to or cannot afford to stay on parental leave for three years and have to look for alternative models of childcare consisting of unpaid care by other family members, hardly available state or hardly affordable private nurseries, or nannies.

The employment of paid domestic workers in present Slovakia has not been studied yet. While there are studies on Slovak migrants working in the care industry abroad (e.g., Bahna 2005, 2014, 2015; Búriková 2006; Búriková and Miller 2010; Hess 2000–2001; Sekeráková Búriková 2014, 2015; Sekulová 2013), there is no literature focusing on the employment of paid domestic work in Slovakia itself. Paid noninstitutional care is mentioned only in passing in texts on the participation of mothers in the labor market (e.g., Marošiová and Šumšalová 2006; Potančoková 2009). There are three reasons for this disregard. Firstly, paid domestic work is usually undertaken by migrant women (e.g., Anderson 2000; Ehrenreich and Hochschild 2003; Henshall Momsen 1999; Lutz 2008b, 2011) and consequently is studied as an aspect of migration. In Slovakia, on the other hand, demand for paid domestic workers is filled mostly by local women. Neither they nor their employers are migrants working as domestic workers abroad. As such, the employment of paid domestic workers in Slovakia does not correspond with the usual conceptual frameworks as, for example, the global care chain (Hochschild 2000; Parreñas 2000, 2001) and has been therefore omitted by researchers. Adéla Souralová (2012b) identifies a second reason: within the local version of the global care chain (Hochschild 2000; Lutz 2011), researchers most commonly conceptualize women from Central and Eastern Europe as employees, not as employers of paid domestic work. Thirdly, the use of paid home-based childcare is not

a dominant form of childcare—most women in Slovakia take maternity leave for three years, and their children attend kindergarten afterwards. The aim of this article is to begin mapping the employment of paid home-based childcarers in contemporary Slovakia. Its focus is not only the result of my personal interest in commodified childcare and housework but follows structural changes in both Slovak society and postsocialist countries in Eastern and Central Europe more generally. The development of a market for paid domestic work and childcare in Slovakia is related to neo-liberal politics, the withdrawal of the state from providing care for children under three years, the changing lifestyle of the Slovak middle and upper classes, and transformation of ideas and practices related to both gender and childcare. This makes the Slovak situation closer to that of previously studied countries and provides interesting material for comparison.

Drawing on interviews with both providers and employers of paid domestic work in Slovakia between 2013 and 2015, this article focuses on the emerging market for paid domestic work in the country. For the purposes of this article I have principally focused on home-based care, in particular on full-time and part-time nannies and babysitters. Specifically, I will look at the hiring strategies and practices of employers. What are their motivations for hiring paid domestic workers? What characteristics or what kind of persons are they looking for? How are particular relationships organized around specific ideas about who is fit to do particular kinds of care? Inspired by Helma Lutz's (2008a, 2008b) concepts of care and gender regimes, I will show how the demand for paid home-based childcare and relationships between providers and employers are constructed in relation to welfare state regulations and local gendered identities.

After the introduction of my theoretical perspective, research methods, and local context, I will describe the dynamics involved in the employment of paid domestic work in Slovakia. I will illustrate how my interviewees decided to employ particular types of domestic workers under specific welfare regimes. Usually starting with either a full-time or a part-time nanny before children enter kindergarten, they continued to employ a childcarer to accompany children to their after-school activities and ended having a cleaner and occasional babysitter. Then I will show how ideas and practices related to who is a suitable care provider correspond with local cultural practices of childrearing and the logic of conventional patterns of gendered identity.

CONCEPTUALIZING PAID DOMESTIC WORK: MIGRATION, WELFARE, AND GENDER REGIMES

In the introduction to *Migrant Domestic Workers in Europe* Helma Lutz excludes domestic work from the discussion of labor markets, because it is performed within the domestic sphere, is constructed as a female job, the relationship between employer and employee is highly emotional, and care work has a specific logic (2008a:1). Lutz identifies three regimes organizing social policies and practices (i.e., gender, care, and migration regimes) in which the relationships of domestic care are articulated and negotiated. While care regimes consist of welfare state regulations, migration

regimes control and regulate the employment of migrants in domestic work, and gender regimes organize care work according to specific practices and ideas about gender.

Because of the restrictive migration policy in Slovakia, combined with the relatively low economic attractiveness of the country, the demand for paid care is supplied not by migrants but, rather, by local women who are not coded as racially or ethnically different. Under these circumstances, I focus on the intersection of care and gender regimes. This enables me to expand upon previous studies focusing mostly on the employment of migrants, as well as to point at the fact that ethnicity (e.g., Anderson 2007; Cock 1980; Lutz 2011:78–110; Pratt 1997; Rollins 1985; Romero 1992) and migration status (Anderson 2000, 2013, 2014; Hochschild 2000; Parreñas 2000, 2001; Yodanis and Lauer 2005) are not necessarily the variables around which relocation of paid domestic work is organized.

The welfare regime denotes “a (multitude) of state regulations according to which the responsibilities for the wellbeing of national citizens is distributed between the state, the family and the market” (Lutz 2008a:2). Following Lutz, Fiona Williams and Anna Gavanas (2008) examine how state policies and migration trends shape the employment of migrant women in home-based childcare. They argue that unlike in the United States, in Europe not only the lack of public provision but also particular types of available state support shape the demand for paid care. In particular, the shift from providing public care for children, elderly, or disabled people to cash payments enabling individuals to buy services through the private market encourages the employment of low-paid migrant domestic workers (Williams and Gavanas 2008). Analyzing the caring strategies of informal home care providers in Britain and in former West and East Germany, Prue Chamberlayne and Annette King demonstrate how “cultural and social patterns relating to particular welfare regimes produce typical and recognizable adaptations to the challenge of care” (2000:3). I have found their work particularly inspiring: the authors do not focus on particular intersection of welfare and migration regimes but, rather, emphasize the interplay of structural conditions set by welfare regime and the individual lives of caregivers—an interplay that can also be observed in the Slovak case.

In gender regimes, “household and care work organization can be seen as the expression of a specifically gendered cultural script” (Lutz 2008a:2). Within this script, the division of labor within the household is gender specific despite the involvement of women in paid employment. Lutz, among others, identifies family or care work as

a gendered activity of a very special kind that creates identity and, as a core part of “doing gender,” maintains the gender order of society (where “doing gender” describes gender as an ensemble of everyday actions; as routines of perception, representation and attribution). Heterosexual gender-binarism is taken not as an ontological starting point but an effect of social practices. Since the social order is unstable, it has to be repeatedly produced through the routine of “gender display.” (2011:28)

Thus, in dual-earning families the housework and childcare are considered women's tasks and, if these tasks are not performed by the mother, they are outsourced to another woman (Ehrenreich and Hochschild 2003; Lutz 2011). Lutz argues that "the re-allocation of household and care work to another woman conforms to the logic of conventional patterns of identity, and these need never be scrutinized" (2011:28). While Lutz uses the concept of the *gendered cultural script* to reveal the logic behind the fact that domestic work is relocated—*why* there is demand and supply for such work—I would like to shift focus and look at the gendered cultural script behind particular arrangements and relationships between employers and providers of paid care—*how* the work is relocated, and *who* is seen as suitable for particular types of domestic work.

This study uses qualitative research methods allowing for deeper insight into the practices and interpretations of research participants. Research methods include ethnographic interviews and participant observation. During the years 2013–2015 I interviewed 22 employers (20 females and 2 males) and 10 providers of paid domestic work (full- or part-time nannies, babysitters, and cleaners).

Twenty-five interviews took place in Bratislava, the country's capital, and seven in Banská Bystrica, a city in central Slovakia. Bratislava is the largest and wealthiest Slovak city, known for having a large number of state kindergartens that, nevertheless, are not able to provide places for all children. As the main destination of internal migrants, Bratislava is also the home of numerous parents who cannot depend on their extended families to provide childcare. These characteristics make Bratislava an obvious place to study the employment of paid home-based childcare. I decided to do interviews also in Banská Bystrica, a regional center. I chose Banská Bystrica out of convenience: my mother and sister live there, so I could stay in their home and use their contacts for finding interviewees.

Since both cleaning and paid care in Slovakia are done mostly informally (only one full-time nanny I interviewed had a formal employment contract), I found snow-ball sampling to be the most effective way of finding research participants. While the main source of data was interviewing, participant observation provided a deeper understanding of informants' practices. During participant observation I informally met with employers (mostly mothers) and nannies on various occasions—at playgrounds, in cafés, or in homes.

In interviews and during participant observation I tried to follow the personal stories of hiring or working as a domestic worker. I was interested in informants' motivations for employing or being employed as a domestic worker, means of recruitment, and particular working arrangements and relationships. I have not only focused on the employment of a domestic worker but also wanted to investigate how the employment of paid domestic work within an individual household changes over time and how this change might correspond with the biographies of individuals and life cycles of families. This approach enabled me to investigate how, in the employment of paid domestic workers, the structural conditions of the particular welfare regime meet the ideas and practices of individuals.

When analyzing interviews, I used thematic content analysis (Silverman 1993; Spradley 1979, 1980). I followed the themes my interviewees found important and

looked for repeating motives, similarities, and differences. Then I analyzed the content of interviews in relation to theoretical concepts, looking at the relationship between the employment of paid childcarers and migration, welfare, and gender regimes. Empirical material and interview quotes presented in this article are representative examples of the data, illustrating well the theoretical discussion. All names of research participants appearing in this text are pseudonyms.

LOCAL CONTEXT: EMPLOYMENT OF PAID DOMESTIC WORK IN SLOVAKIA

Within research on paid domestic work, intersectionality provides an important analytical frame for analyzing the unequal relationship between paid domestic workers and their employers. Researchers have identified gender, class, immigration status, ethnicity, and live-in or live-out status as factors structuring the relationships involved in paid domestic work (e.g., Anderson 2000; Cock 1980; Ehrenreich and Hochschild 2003; Henshall Momsen 1999; Lutz 2011; Näre 2013; Parreñas 2001; Rollins 1985; Romero 1992). Usually, migrant (and/or lower-class) women of different ethnicity fit well with employers' ideas about who should undertake this kind of low status work. In the following section I will briefly introduce paid domestic work in Slovakia through the lens of intersectional theory (e.g., Lutz, Vivar, and Supik 2011; Salem 2016).

Interviewed employers can be broadly characterized as middle and upper class. They belong to professional dual-earning families, although two mothers employing part-time nannies and cleaners became housewives after having children. The interviewees work in both private and public sectors and are well-off, although not necessarily affluent (e.g., one employer of a full-time nanny works as nurse, another as a primary school teacher). Their motivations for employing paid care are related to the contradictory expectations and pressures of parenthood and employment among Slovak middle and upper classes. In particular, mothers believe in intensive motherhood (Macdonald 1998, 2011; Marošiová and Šumšalová 2006; Potančoková 2009) but at the same time want to continue on their career paths or need more financial resources in order to sustain a middle-class standard (e.g., pay their mortgages); their children are involved in various time-consuming leisure activities and someone has to accompany or drive them there; they want to have "quality time" with their families and either do not want to spend their free time doing housework or need someone to look after their children during their evenings out.

The formal market for private paid care is organized around agencies that mediate contacts between providers and employers of paid care. Agencies supply primarily students as part-time nannies and babysitters. They specialize in providing mostly part-time professional nannies with specific characteristics and qualifications, such as first aid certificates or knowledge of foreign languages (Souralová 2012a). These nannies belong to various age groups. There are also internet portals advertising both formal and informal arrangements. My interviewees found their employers or employees either by using informal personal contacts (sometimes through social

media such as Facebook) or through advertising on specialized internet portals, mainly at Domelia.¹

Providers of paid domestic work include full-time or part-time nannies, babysitters, and cleaners. Unlike employers, providers usually specialize in one type of service (e.g., people who work as full-time nannies usually do neither cleaning nor occasional babysitting, cleaners do not babysit, etc.). Nannies earned 2.5–5 euros per hour in Bratislava and 2–3 euros per hour in Banská Bystrica; cleaners earned 3–7 euros per hour in Bratislava. While this is slightly above minimum hourly gross income in Slovakia (2.023 euros in 2014) (*Minimálna mzda* 2015), it is still less than the average hourly wage (7.1 euros) (*Finančné centrum o peniazoch* 2015). Low wages and the need to pay for social and medical insurance make employment in paid domestic work precarious and attractive to specific groups of women, who either have some other source of income or at least have their insurance paid by the state (see also Souralová 2014).

For this reason students and retired women commonly work as part-time or full-time nannies. Some full-time nannies are formally registered as long-term unemployed. Only few nannies work formally as self-employed persons. Full-time nannies are usually needed during normal working hours, so they cannot hold other full-time jobs. Compared to childcare, cleaning work is more flexible regarding time, and, unlike nannies, cleaners often have other jobs and cleaning provides them with supplementary income. Although cleaners do not necessarily belong to specific age groups, students and pensioners also prevail.

Being a paid domestic worker is often conceptualized as a specific and temporary biographical experience rather than as a career (Anderson 2009; Sekeráková Búriková 2014; Souralová 2014). Part-time nannies are mostly students, who tend to find other employment after finishing their studies, or retired women. A couple of full-time nannies interviewed had started nanny work shortly before their retirement, when they were unemployed and missed having children in their lives. They expected they would end up working as nannies after retirement or once they had their own grandchildren.

Within my research, it is easier to characterize paid domestic workers by their age or biographical phase than by their class. Interestingly, there is not necessarily a difference between the class or class position of middle-class employers and providers of paid domestic work, especially when students are employed as nannies or babysitters. Differences in class position are more visible between cleaners and their employers, cleaners being of lower-middle-class or working-class origin. However, sometimes middle-class students will work as cleaners.

Globally, paid domestic work tends to be carried out mostly by migrant women or women who are coded as ethnically or racially different (e.g., Anderson 2000; Lutz 2008b, 2011). Paid domestic work is often racialized and paid domestic workers seen as inferior (Anderson 2000; Cock 1980; Hondagneu-Sotelo 2001; Rollins 1985; Romero 1992). Unlike in most other countries, in Slovakia domestic workers are mostly

¹ <http://www.domelia.sk>.

citizens and not migrants, and they are usually the same ethnicity as their employers. Usually, when employers think about hiring someone as a cleaner, nanny, or a babysitter, they think of a local woman. Only one interviewee, herself a former au pair, explicitly stated a preference for a migrant nanny, complaining that there is not a tradition of having paid domestic service in Slovakia and it is difficult to find someone who knows how to “serve.” However, she did not know how to recruit one, so ultimately employed a series of local women. I have met several families wanting to help their children with foreign language learning by employing as babysitters foreign au pairs or foreign students studying in Slovakia. Slovak families look for au pairs on international websites, evidence that there is some interest in attracting migrant domestic workers. Two of my interviewees had employed at some point a Ukrainian cleaner. I have met (but not interviewed) a family who employed a Chinese nanny, since they thought Chinese would be the language of the future and wanted their children to speak it fluently. I have informally interviewed one Filipino nanny. She said there were some, but very few, Filipino nannies working for affluent families in Bratislava. Wanting her daughter to learn Hungarian, one interviewee had employed a member of a Hungarian minority group as part-time nanny. However, these were exceptional rather than common cases.

As in other countries, both paid and unpaid domestic work is socially constructed as feminine (e.g., Cox 2006; Ehrenreich and Hochschild 2003; Lutz 2011). Indeed, with one exception,² all paid domestic workers in my research sample are females (cf. Ehrenreich and Hochschild 2003; Lutz 2011). Also, their work is organized by and they interact mostly with their female, not their male employers.

Like elsewhere, most paid care in Slovakia is done informally, without any written contracts. Employers among my interviewees hired cleaners, full-time or part-time nannies, babysitters, or various combinations of these types of services either simultaneously or in sequence. Most arrangements are part-time. In particular, cleaners usually work once a week for a particular employer. Part-time nannies work either several days a week, or they work less than eight hours daily from Monday to Friday. Full-time nannies work eight hours daily during working days.

Whether paid domestic workers live out or in the households of their employers crucially shapes the relationships and arrangements involved in paid domestic work (see Anderson 2000; Cox and Narula 2004; Sekeráková Búriková 2015). All arrangements I have seen consisted of paid domestic workers living out. Childcarers and cleaners involved in my research come to the homes of their employers for agreed-upon hours and go to their own homes afterwards. This gives them much more independence and control over both their working hours and their free time than is usual for live-in arrangements (e.g., Anderson 2000; Búriková and Miller 2010; Constable 1997). Negotiations of intimacy and private space are not as difficult as when paid domestic workers live in (e.g., Búriková 2006; Cox and Narula 2004).

² One family interviewed was paying a male friend to cook for them during the mother's illness.

PAID CARE AND THE WELFARE REGIME

Unlike in Western European countries where an increase in the employment of paid care followed the move away from the male breadwinner model for welfare provision to the "adult worker" model promoting dual participation in the labor market (Williams and Gavanas 2008), employment of paid care in Slovakia is related to a different and even opposite trend. In particular, after 1997 Slovak childcare policy shifted to an "explicit familism" model that encouraged women to temporarily leave the labor market to provide care for their children in their own homes (Szelewa and Polakowski 2008; cf. Saxonberg and Sirovátka 2006, 2008). The Slovak family policy has been shaped by assumptions about gendered roles within the family and by the specifics of the labor market during the postsocialist transformation, and it discourages mothers from returning too soon to the labor market. In particular, "good" care for children under three years has been associated with intense mothering provided at home³ (Marošiová and Šumšalová 2006; Potančoková 2009). Accordingly, the welfare regime in Slovakia provides long leave for the parent providing childcare (i.e., either mother or father) and does not provide sufficient public care for children under three years (most public nurseries were closed in the 1990s). However, long leave for a parent providing childcare is not only a nod to particular ideas about childcare. The implementation of extended maternity leaves in both the Czech Republic and Slovakia is an outcome of a policy endeavoring to reduce high unemployment (Višek 2006, quoted in Uhde 2009:22).

In particular, women receive six months of maternity leave, during which employees, self-employed persons, and other health insurance contributors receive a maternity benefit (65 percent of their gross earnings, up to a maximum of 40.6 euros per day). Maternity leave must be "related to delivery and care for a newborn" (§166, par. 1 law nu. 311/2001).⁴ After maternity leave, a mother or father can take parental leave supposed to "enhance childcare" (§167 par.1 law nu. 311/2001) and receive a monthly parental allowance of 203.2 euros until the child is three years old. Men only rarely take maternity or parental leave.⁵ The parent can also receive the parental al-

³ According to the representative quantitative research undertaken by the Institute for Public Affairs in 2005, 42 percent of respondents expect mothers to stay with their child at home until the child reaches three years, and 39 percent think that mothers should stay with a child at home longer than three years. Only 2 percent believe that a mother should stay at home with their child for a year. The average time seen as suitable for home childcare provided by the mother is 3.9 years (Marošiová and Šumšalová 2006:7–8). Within my research, the idea that the care provided by mothers at home is best for children was shared by both employers and nannies, including nannies who had grown up and cared for their own children under the socialist welfare regime.

⁴ A father can take maternity leave when father and mother agree upon that (in such cases the child has to be at least six weeks) or in the case of a mother's death. If a father takes maternity leave, it is called parental leave like the leave designed to "enhance childcare" for parents of children from six months to three years.

⁵ While the number of persons on parental leave oscillated around 69,000 in 2004–2013, the average number of men was only 480 (Hanzelová and Kešelová 2014:13). The number of fathers taking parental leave has never exceeded 3 percent at any time (Holubová 2011:29).

lowance if she or he does not provide childcare personally, returns to full-time employment, and the child is cared for by another person or institution. The parental allowance is below the legal minimum salary, 339 euros net in 2015 (Minimálna mzda 2015). Ninety-two percent of respondents participating in quantitative representative research agree that maternal benefits and parental allowances are not sufficient for families with small children (Marošiová and Šumšalová 2006:18).⁶

This social policy focuses on enabling parents to provide care for very young children at home. On the other hand, it provides hardly any public care for children under three years: only 4 percent of children under three years were in public nurseries in 2012 (Hanzelová and Kešelová 2014:5). Instead, the expenses for professional childcare can be reimbursed: if a child younger than three years is in professional care (e.g., a nursery, kindergarten, or nanny), the parent can decide between taking the parental allowance or the monthly childcare allowance. Childcare allowance (a monthly maximum of 230 euros) reimburses childcare expenses. In contrast, state kindergartens provide care for preschool children above three years. Their costs are relatively low due to state subsidies. However, they do not necessarily have enough places for all children.

While long parental leave is the norm in Slovakia,⁷ it is not generally accepted by employers and has a negative impact on the employability of women (Hanzelová and Kešelová 2014; Marošiová and Šumšalová 2006; Piscová 2006; Šumšalová 2008). According to OECD Family Database (OECD 2014), 18.7 percent of women with children younger than three years, 63.1 percent of women with children between three and five years, and 79.1 percent of women with children between six and fourteen years were employed in 2011 (Hanzelová and Kešelová 2014:18). Even though parents have the right to return to the workplace after maternity (§157 par.1 law nu. 311/2001) or parental leave (§157 par.2 law nu. 311/2001), employers are often reluctant to take them back. Mothers of young children generally have a hard time when they are looking for jobs, because employers expect them to take time off when their children are ill or prioritize their families over work. Furthermore, even though legislation enables flexible working hours or part-time work, these are not supported by employers. In general, people agree that society does not create suitable conditions for working mothers (an opinion shared by 86 percent of respondents participating in the representative research on the position of mothers in society in 2005) and that it is very difficult for women to balance a career and family life (76 percent of respondents in the same research) (Marošiová and Šumšalová 2006:17).

Thus, employment of paid home-based childcare is related to the fact that the welfare regime in Slovakia does not offer mothers of very young children suitable possibilities for combining work and childcare. If women want to return to the labor market before their children turn three, they soon realize that there are not enough

⁶ Gross expenditures of private households averaged 377.99 euros per person in 2014; gross expenditures of private households with two children averaged 311.05 euros in 2014 (Štatistický úrad Slovenskej Republiky 2016).

⁷ Eighty-six percent of people agree that it is damaging for children if their mothers do not stay with them at home for three years (Marošiová and Šumšalová 2006:17).

places in state nurseries (or the state nurseries have been closed where they live) and they have to turn either to the private market (private nurseries, childminders, and nannies) or other family members for childcare. Now I am going to demonstrate the relationship between the welfare regime and employment of home-based childcare in interviews with the employers of nannies.

Elena is a good example of a woman who employs a nanny because she wants to have both children and career at the same time and faces a lack of state nurseries providing care for very young children. Elena managed to establish her own audit company. While this was an achievement she had long dreamed for, she also wanted to have a child. She got pregnant shortly after her firm started operating. She did not want to abandon the business she had invested so much of her time and all her finances into, so she decided to take only three months of maternity leave. She started looking for a place in a mininursery, but the nurseries she visited were already full and she could not find a place for her son. She decided to employ a nanny instead.

Sometimes a nanny is not a solution to the lack of nurseries but, rather, reflects individuals' ideas about public childcare. Parents employing nannies often do not consider institutional daycare for children under three years to be ideal care and often feel that such care can be damaging to children. Slovak mistrust towards nurseries is very similar to ideas about preschool childcare in the Czech Republic: Steven Saxonberg, Hana Hašková, and Jiří Mudrák (2012) demonstrate that the Czech public, policymakers, and experts consider nurseries providing care for children younger than three years as a negative legacy of communism, as institutions damaging the child's relationship to the mother, and as places contributing to the bad health of very young children (cf. Hašková and Saxonberg 2012). My interviewees frequently preferred individual home-based care: a nanny working as a mother substitute in the child's home. Employers emphasized the fact that the child could stay in the comfort of their home, that there is one person providing care for one child or for siblings, that children do not have to wake up early in order to get to the nursery or kindergarten on time, and that the nanny will provide childcare even when the child is sick. According to parents, interaction with other children is necessary but can be sufficiently satisfied at playgrounds or in community "mother centers." Similarly, nurseries are not seen as necessary for the development of special skills such as painting, knowledge of foreign languages, or gymnastics because such skills can be achieved through paid extracurricular activities.

Several employers stressed that they "did not leave their child somewhere," as if institutional care meant abandoning a child or was a maternal failure. When her son Jozef was two years old, Alena got an offer for a job she had long dreamed about. She decided to accept the offer and employed a nanny to look after Jozef:

He was very attached to me. I was looking forward to maternity leave and I enjoyed it very much. And we were together, it was fine. *I just could not leave him somewhere.* For me, it was clear that I would find someone. To be with him at home. (emphasis added)

As with many other parents, Alena stressed that home-based care was the healthier option:

Also, during maternity leave I took him to a private nursery in the neighborhood. I left him there to play with children and went to the gym for an hour. He always got ill there. We went there three or four times. And when he was always sick afterwards, I decided not to go there anymore. I do not have good immunity myself, I might have passed it on to him. And immunity evolves until children are seven years old. So I did not consider a nursery for health reasons also.

While Alena uses Jozef's underdeveloped immune system as the reason for her refusal of nursery care, the idea that nurseries have a bad impact on children's health has its roots in the socialist era, when pediatricians reported an increased rate of sickness among children in nurseries (Saxonberg et al. 2012).

Often, women do not want to return to full-time employment before their children turn three but prefer to do some temporary work or part-time projects alongside maternity or parental leave. Unfortunately, private nurseries and kindergartens usually do not offer care (or affordable fees) for only a few days a week or few hours a day. Consequently, mothers usually employ part-time nannies when they want to take on part-time work or short-term projects:

Interviewer: Would you explain to me how it [an employment of paid domestic workers] started and what kind of paid domestic work it was?

Ivona: I was on maternity leave for four months with my first son, when I got an offer from the Academy of Fine Arts to organize a series of workshops. And I really wanted to do this project. Firstly, I was interested in the topic. Secondly, I was so happy to get the offer. You know, while I had a fantastic four months with my baby and it was not too difficult to provide care for him, I was not completely ready for motherhood. I needed some distraction, even an escape, and some other fulfillment. I don't know, I was delighted [with the offer]. But this forced me to look for help with the baby. This meant someone who would be with Hugo while I was at the Academy. And I was looking around in my neighborhood, searching for an elderly lady. Of course, I was scared, because I needed someone with references. And as it happened, I found a lady willing to come to look after Hugo twice a week.

Paid care is related not only to the career choices of mothers but also to the availability of state kindergarten places for children over three years. There were 9,682 (6 percent) unsuccessful applications for placement in all state kindergartens in 2013 (Herich and Urban 2016). Working mothers also have problems finding care for preschool and school children during the children's illnesses. In Slovakian culture generally childhood illnesses, including colds and coughs, are taken seriously and are seen as valid reasons for taking the ill child out of care or school for the duration of the illness. Sometimes, children with runny noses or coughs are not allowed to attend kindergarten. If a child in institutional care suffers frequent illness, parents can find it difficult to get a sufficient amount of leave time to care for him/her at home. Some of my informants decided to employ a part-time nanny when their child gets

sick too frequently. One mother decided to withdraw her child from kindergarten completely, hoping that after a year at home with the nanny the child's immunity would improve and they could reenroll.

Thus far I have argued how the employment of nannies providing care for children under three years relates to the welfare regime, filling gaps in insufficient public care. Yet the employment of paid domestic workers does not necessarily end when children enter kindergarten. Indeed, households employing paid in-home childcare tend to employ various types of domestic workers over time. The employment of paid domestic workers sometimes starts with a full-time or part-time nanny and ends when the child enters kindergarten. However, more often the households continue employing other types of domestic workers, mostly cleaners or babysitters, and later childcarers accompanying schoolchildren to their after-school activities. Households employing only cleaners tend to do so more or less permanently.

The employment of domestic workers—other than nannies looking after children younger than three years—is not related to the welfare regime. Rather, it is connected with class-based ideals about childcare and leisure time. In particular, the employment of paid domestic workers results from “competitive parenting,” in which parents try to ensure their children's advantages in a competitive environment (Cox 2011; Tronto 2002), and the ideology of intensive mothering (Macdonald 1998, 2011; Potančoková 2009). According to Cameron L. Macdonald (1998), the ideology of intensive mothering defines mothers as the primary caregivers of their children: the idea is that mothers have a specific bond with their children, who need time-consuming and emotionally intense attention. On the other hand, doing housework does not correspond with the concept of leisure and quality time that developed in tandem with changing consumption patterns in the 1980s (Gregson and Lowe 1994). Leisure and quality time are opposed to time spent at work, being constructed as the time for oneself “in activities which men and women both want to do and value doing” (Gregson and Lowe 1994:95). Corresponding with both the ideology of intensive mothering and the concept of quality time, some of my interviewees employ a cleaner to give them time to spend *with* their children without needing to do housework. On the other hand, babysitters are employed to allow parents some quality time *without* their children. While after-school clubs are common in Slovakia, children (especially middle- and upper-class children) are involved in numerous free-time activities, interpreted by Joan Tronto (2002) as an expression of competitive mothering. The parents are at work, so they employ a paid childcarer to accompany or drive their children to activities that are situated sometimes in other parts of town.

PAID CARE AND THE GENDER REGIME

In the previous section of the article I have focused on the question of *when* paid domestic workers are employed. In particular, I have illustrated the circumstances under which households decide to employ paid domestic workers and what motivations employers have for employing them. In this section I will concentrate on *who* is doing paid domestic work, outlining what kinds of people are seen as suitable do-

mestic workers and what characteristics are seen as important in a particular type of paid domestic worker (whether a nanny, babysitter, part-time nanny accompanying children to their after-school activities, or cleaner).

There are many published studies describing the role of race, nationality, and ethnicity in the employment of paid domestic workers (e.g., Anderson 2000, 2007; Cock 1980; Hondagneu-Sotelo 2001:55–60; Lutz 2011:78–110; Macdonald 2011:66–84; Pratt 1997; Rollins 1985; Romero 1992). In general, these researchers agree that the demand for paid domestic workers is highly racialized. In particular, employers classify workers of particular nationality or race as more or less suitable for work as nannies, au pairs, or cleaners (e.g., Anderson 2007:253). There are racialized hierarchies in paid domestic work, and through distinctions such as skin color, ethnicity, nationality, and religion different women are seen as being suited to different types of domestic work (Anderson 2000:152–158).

While ethnicity, nationality, and race are not relevant categories for examining paid domestic work in Slovakia, it is clear that employers prefer people with specific characteristics for particular types of paid domestic work. These characteristics are related to specific gendered experiences based on age (or rather, life stage) and reproduction (see also Anderson 2009; Souralová 2012b). When asked about their expectations and relationships, employers of full-time or part-time nannies repeatedly compared what they saw as two available pools of nannies: On the one hand, there are women who have already had children and are older than their employers, and on the other, there are younger women, often students, who have not yet had children of their own. In these discussions, older women with mothering experience were identified as the better option. Only rarely do employers choose their nanny based on characteristics other than age and motherhood. When they do so, they prefer professional nannies with specific qualifications, such as foreign languages, first aid certificates, expertise in Montessori pedagogy, or a preference for vegan food.

Drawing on research with Vietnamese families employing Czech nannies in the Czech Republic, Adéla Souralová (2012b) demonstrates how the supply of care work coincides with nannies' own gendered biographies of care. Inspired by Chamberlayne and King's (2000) concept of care as a biographical project, she argues that by working as nannies, Czech (usually elderly) women are doing both gender and grandmothering. She identifies five ways in which nannies relate their involvement in paid care to their own biographies. In particular, they make their biographies of care more intense (e.g., by providing care for another child); they are differentiating their biographies of care (e.g., by looking after a child while also looking after a disabled husband); they continue their biographies of care (e.g., they loved caring for their own children and want to continue doing so after their children are grown up); they are supplementing their biographies of care (they experience what they have not with their children or grandchildren); and they are compensating for incomplete biographies of care (they need to be needed) (Souralová 2012b). While Souralová clearly illustrates how nannies' motivations relate to their biographies of care, employers of paid childcare in my research differentiate between particular types of workers according to their gendered biographies. In particular, employers hiring older women

as nannies see both their experience with motherhood and their age as necessary qualifications for their work:

Interviewer: What were your expectations? What did you look for?

Tatiana: I have to mention age. Perhaps it is not only a question of age, but *for me, the ladies near retirement work best*. We had a young woman when our lady [pani] was ill, but it was nothing in comparison. That young woman was not careful enough, did not give the children the right clothes in bad weather, did not feed them properly, and that kind of thing. She was horrible. It was completely different with this older lady.

Interviewer: Was it the question of age then?

Tatiana: *Not only. Age and experience.... She had raised her children.* (emphases added)

The interviewed nannies also considered experience with mothering as a relevant, though not the only qualification for being a nanny:

Anežka: If I had children, I would feel much more secure, more self-confident in the relationship to both Lina [the child] and her parents. But it does not mean I cannot do the job. It is about other things—whether you click with the child and parents, I think.

In Slovakia, the employment of nannies is related to the local model of childrearing in which grandparents are involved: the nanny is usually employed when a grandmother does not want to or is unable to be intensively involved in caring for her grandchildren. Traditionally, the extended family was involved in childcare, especially in peasant families (Botíková, Švecová, and Jakubíková 1997; Švecová 1986, 1989). Nowadays grandparents are expected and expect to be involved in caring for their grandchildren. Quantitative research undertaken in 2005 demonstrated that 70 percent of respondents considered grandmother's active involvement as second best option for childcare (after care by the mother herself). Fifty-two percent of respondents even considered care provided by grandmothers as *superior* to splitting care between the mother and father (Bútorová and Filadelfiová 2008:100). Similarly, 57 percent of women and 59 percent of men wanted to ideally spend their retirement providing care for their life partners, children, and grandchildren (107). The fact that the current generation of grandmothers had children at an earlier age and can retire earlier than is usual in Western Europe enables this involvement. It is common for grandmothers to babysit, stay at home with ill children, or spend time with children during school holidays. Indeed, when talking about the need to employ a paid care provider, the mothers usually mentioned the children's grandmothers as the ideal, but unavailable, option:

Marína: The only thing I wanted was an older lady [as a nanny]. I thought it would be perfect, because my mother-in-law was in Paris and my mother does not live in Bratislava either. So I said to myself, God, please let it be an elderly, mature woman, that would be fantastic! I was not prejudiced against students, but I know they have other demands on their time, they are not flexible. And

their sense of responsibility ... If it rains, they do not come, that kind of thing. I was afraid of this. And I needed someone responsible, someone stable, fixed. So I decided—an older woman. *And my desire was to have someone, who would be like a grandmother to my children.... [Our nanny] is a mother of two and grandmother of five. That was the main qualification for me.* (emphasis added)

Domestic labor is deeply gendered, both performed by females and seen as constitutive of femininity (e.g., Cox 2006; Ehrenreich and Hochschild 2003; Lutz 2008, 2011; Widding Isaksen 2010). My interviewees speak of grandmothers in particular. The presence or absence of grandfathers does not seem to have any influence on the employment of nannies.

Thus nannies are employed when, for example, grandmothers do not live in the same city (or the same country, as in Marína's case above) or they are still working and cannot easily provide daily care for their grandchildren. One interviewee was upset because her mother already provided care for her brother's child and did not want to change the arrangement to also look after her daughter. In some cases, the decision to hire a nanny is related to difficulties either in relationships with grandparents or in negotiating ideologies and practices of childrearing between mother and grandmother. For example, Júlia's parents are deceased and her parents-in-law do not accept her and her children, since they could not accept that their son had divorced and remarried. When she needed someone to accompany her children to their free-time activities after school, she decided to employ a part-time nanny. Similarly, in our interview, Petra explains the employment of a part-time nanny by referring to the complicated relationship she has with her parents and parents-in-law:

While we both [my husband and I] have parents in Bratislava, the truth is that we both have very complicated relationships with them. It is really difficult with my Mom. And my husband's parents started to help us a bit only after the birth of Janko, our fourth son. I think only then did my mother-in-law realize that I really needed help. It was very rare before.... Even if we really tried, it did not work. My mother always wanted to have her way in everything, she was not able to accommodate. She has never come when we needed it and came only when she decided to come, without any consideration of our preferences. Then she felt rejected when we did not have time, because she showed up when we were just about to go out or when we had visitors. It just does not work.

Sometimes even if grandmothers want to provide care for their grandchildren, they have different ideas about childcare. In such cases the parents' efforts to control their children's activities or diets can result in the decision to employ a nanny. Some mothers decided to hire a nanny in order to end quarrels about parenting styles with their mother or mother-in-law. For many mothers, the ideal nanny would be like a grandmother but more accommodating and accepting of the mother's ideas about childcare. A good example is drawn from an interview with Lucia, in which she describes why she decided to employ a nanny:

I kept complaining to my husband that *I would like to have a granny at home who would do what I tell her and would not take it personally*. Then I realized: this is a job description. (emphasis added)

In this preference for a nanny who would do what mothers want, employers follow the logic of delegating care in the context of intensive mothering as described by Cameron L. Macdonald (1998, 2011). Macdonald argues that in this context

[the] nanny represents the medium through which the mother's child rearing beliefs and practices are transmitted, she is viewed as an extension of that mothering practice, not as an individual with her own particular relationship with the children. (1998:34)

Thus, while a nanny is employed as a substitute grandmother, by doing "what mother wants" she serves to reinforce the ideal of mother as primary caregiver. The combination of a local model preferring the involvement of grandmothers in childrearing with the ideology of intensive motherhood makes women over 50 with adult children the most preferred nannies. It is not only employers who want nannies to be like grandmothers to their children. In such relationships, some nannies also consider themselves as doing grandmothering (see also Souralová 2012b, 2015):

Interviewer: What would you call your occupation? What do you do?

Helena: It is called a care provider [*opatrovatelka*]; it is also advertised as a care provider's position. But I do not feel like that. It is not what I do.

Interviewer: And what do you feel like?

Helena: *I feel like a granny. That's what I do. I do "grannyng" for them.* (emphasis added)

Interestingly, women of the same age as the mother with parenting experience are rarely employed, perhaps because of the danger that they will become not a granny but a mother substitute. The lack of demand here combines with a lack of supply: mothers with young children usually do not work as nannies but, rather, tend to work as childminders, providing care for children in their own homes, as childminding enables them to look after their own child at the same time. I have also met women on parental leave working as cleaners or doing ironing for other households, since these activities enabled them to both provide care for their children and earn income.

On the other hand, younger and childless women, mostly students, are usually considered good and affordable babysitters or childcarers who drive or accompany children to their after-school activities:

Lena: I needed someone to take my twin babies for a walk twice a week so that I could spend some quality time with my three-year-old son. The twins would sleep in the stroller, I did not need anybody special for pushing the stroller; *I did not need someone who would step in for a granny, just someone who would push the stroller and come back with the babies safely. I think that's a perfect job for a student.* (emphasis added)

Parents employing students as part-time nannies or babysitters often try to find someone who is somewhere between the maturity of adulthood and the playfulness of childhood, expecting that such a person will be responsible enough to be left alone with children and playful and energetic enough to provide children with fun and educational activities. Compared to older nannies, employers are more concerned about the reliability of students. In this respect, relationships based on previous acquaintance or shared values work very well—such as recruiting the student from within one's religious community (two interviewees) or folk-dancing ensembles (two interviewees). Renata recruited her part-time nanny from her church, after Lujza, her former student, suggested she would like to help her with children. In this case Renata sees her young part-time nanny as complementary to care provided by the children's grandmother:

Renata: It started so informally, in the church. She is a very mature person, I did not have to explain to her what to do with children, she had four siblings herself, she had already done that in her family. She knew how to make children happy, how to engage them, and have fun with them. *She went outside with them, ran with them, that's what their granny was afraid of doing....* We talk a lot too. She is my contact with the world of people of her age, I learn from her about children and adolescents. (emphasis added)

There is also the possibility of constructing suitable qualifications for a nanny outside of biographical categories: Adéla Souralová (2012a) reveals how agencies in the Czech Republic actively create demand for a specific type of childcare, deconstructing childcare as a "natural" female activity and reconstructing it as an activity requiring particular professional skills. In Slovakia nannies employed on the basis of their professional qualifications are expected to have a good command of foreign languages or first aid certificates. They see themselves—and are seen by their employers—as experts in education, providing care beyond parents' capacities (Souralová 2012a). For example, one of my interviewees was hired because she is a psychologist and her employers wanted an expert to deal with difficulties they perceived in communicating with their children.

CONCLUSION

This article has examined the demand for paid domestic work in Slovakia. Analyzing the hiring strategies and practices of employers, I have focused specifically on the role of the welfare and gender regimes in paid employment of domestic work. I have argued that, unlike in Western Europe where an increase in the employment of paid care followed the shift from "breadwinner model" to "adult worker" models of welfare provision (Williams and Gavanas 2008), in Slovakia the employment of nannies follows the opposite trend. In particular, Slovak childcare policy has adopted the "explicit familialism" model, providing insufficient public care for children and granting, instead, long maternity and parental leave, encouraging mothers to care for infants at home. Thus the employment of paid home-based childcare is related to the fact

that the welfare regime in Slovakia does not offer mothers of very young children suitable possibilities for combining work and childcare. However, while

mainstream characterisations of welfare regimes ... have direct implications for gender patterns and caring practices ... patterns of informal caring emerge as a cultural phenomenon in their own right. (Chamberlayne and King 2000:3)

I have illustrated how the employment of nannies dovetails with ideas about what is best for children (e.g., staying at home, not being exposed to infections in kindergartens). The employment of babysitters, nannies looking after children over three years, and cleaners is not connected to any particular family policy. Rather, it is connected to class-based ideals about work and family balance, childcare (competitive parenting, intensive mothering, and ideas of healthy development), and leisure time (Cox 2011; Gregson and Lowe 1994; Macdonald 1998, 2011; Tronto 2002). This article has also examined who is seen as a suitable domestic worker and what characteristics employers see as important in hiring particular types of domestic workers. Interestingly, ethnicity is not a relevant category for deciding who is suitable for domestic work or for distinguishing among particular types of care providers. For employers, the most important characteristic for a paid home-based childcarer was the childcarer's age, life stage, and experience (or lack of experience) with motherhood.

In the second part of the article I focused on the role of the Slovak gender regime in this process. When Helma Lutz (2008a, 2011) describes gender regimes, she concentrates on the specific gendered cultural script influencing gender dynamics in an employer's household that results in outsourcing paid care to another woman. I have extended this discussion, arguing that the ideas and practices related to who is a suitable care provider are to a large extent related to local cultural practices of childrearing and the logic of conventional patterns of identity Lutz describes.

In Slovakia the employment of nannies is related to a local model of childrearing in which grandmothers are intensively involved. A nanny is usually employed when a granny does not want to or cannot be involved in caring for her grandchildren or when the grandmother and mother do not have compatible ideas about childrearing. It is not just, as Lena put it, that nannies "step in for" unavailable grannies. The ideas of what a granny should be often shape expectations of what kind of persons should work as nannies. The gendered biographical experience of motherhood is seen as the most important qualification for a nanny. Employers hire older women as nannies because of their particular gendered biographical experience (Souralová 2012b, 2014). Being mothers with grown-up children makes them culturally the most acceptable nannies, as they can serve as granny substitutes, providing children with expert care without threatening the mother's role as a primary caregiver (Macdonald 1998, 2011). Younger nannies, mostly students who do not have experience raising their own children, are often seen as deficient in providing proper full-time childcare but are considered good part-time nannies and babysitters.

The material presented in this article shows that the geography of employment of paid domestic workers is shifting: there is growing employment of paid domestic workers in Slovakia, which, as a postsocialist country, used to be conceptualized

(Lutz 2008b, 2011) and researched (e.g., Bahna 2014, 2015; Búriková and Miller 2010) as a country of supply, not of demand for paid domestic workers. Processes leading to the employment of paid domestic workers are changing. As neither domestic workers nor their employers are migrants, it is not possible to explain the employment of local women as paid domestic workers in Slovakia by references to regional inequalities nor to global or local care chains (Hochschild 2000; Hondagneu-Sotelo 2001; Lutz and Palenga-Möllnbeck 2011, 2012; Parreñas 2000, 2001; Williams 2012). Ideas about who is suited for domestic work are not structured around race, ethnicity, or migration status of workers (Anderson 2000, 2007). I have demonstrated that while the welfare regime sets structural conditions for the employment of paid domestic workers, individual motivations for employing one are related to contradictory expectations and pressures of parenthood and employment among the Slovak middle and upper classes. The hiring practices of employers—related to a local model of childrearing involving the help of extended family, particularly grandmothers, and ideas about what kinds of persons should work as nannies or babysitters—are shaped more by ideas about a domestic worker's life stage than her ethnicity or race.

REFERENCES

- Anderson, Bridget. 2000. *Doing the Dirty Work? The Global Politics of Domestic Labour*. London: Zed Books.
- Anderson, Bridget. 2007. "A Very Private Business: Exploring the Demand for Paid Domestic Workers." *European Journal of Women's Studies* 14(3):246–264.
- Anderson, Bridget. 2009. "What's in a Name? Immigration Controls and Subjectivities: The Case of Au Pairs and Domestic Visa Holders in the UK." *Subjectivity* 29:407–424.
- Anderson, Bridget. 2013. *Us and Them?: The Dangerous Politics of Immigration Controls*. Oxford: Oxford University Press.
- Anderson, Bridget. 2014. "Nation Building: Domestic Labour and Immigration Controls in the UK." Pp. 31–48 in *Migration and Care Labour: Theory, Policy and Politics*, edited by Bridget Anderson and Isabel Shutes. Basingtoke, UK: Palgrave Macmillan.
- Bahna, Miloslav. 2005. "Latentná ekonomika kultúrnej výmeny au pair." *Sociológia* 37(5):449–474.
- Bahna, Miloslav. 2014. "Slovak Care Workers in Austria: How Important is the Context of the Sending Country." *Journal of Contemporary European Studies* 22(4):411–426.
- Bahna, Miloslav. 2015. "Victims of Care Drain and Transnational Partnering? Slovak Female Elder Care Workers in Austria." *European Societies* 17(4):447–466.
- Bahna, Miloslav, and Erika Kvapilová. 2007. "Perceptions of Gender Equality between Men and Women in Slovakia." *Sociológia* 39(3):259–271.
- Botíková, Marta, Soňa Švecová, and Kornélia Jakubíková. 1997. *Tradície slovenskej rodiny*. Bratislava: Veda.
- Búriková, Zuzana. 2006. "The Embarrassment of Co-Presence: Au Pairs and Their Rooms." *Home Cultures* 3(2):1–24.
- Búriková, Zuzana, and Daniel Miller. 2010. *Au Pair*. Cambridge: Polity.
- Bútorová, Zora, Monika Bosá, Jarmila Filadelfiová, Oľga Gyárfášová, Milan Minarovič, Martina Sekulová, Sylvia Šumšalová, and Marián Veľšic. 2008. *She and He in Slovakia: Gender and Age in the Period of Transition*. Bratislava: Institute for Public Affairs.
- Bútorová, Zora, and Jarmila Filadelfiová. 2008. "Aktívne starnutie ako výzva." Pp. 77–111 in *Ona a on na Slovensku: Zaoštrene na rod a vek*, edited by Zora Bútorová. Bratislava: Inštitút pre verejné otázky.
- Čermáková, Marie. 1994. "Ženy o sobě." *Aspekt – Feministický a kultúrny časopis (Materstvo)* 1:34–35.
- Chamberlayne, Prue, and Annette King. 2000. *Cultures of Care: Biographies of Carers in Britain and the Two Germanies*. Bristol, UK: Policy Press.

- Chorvát, Ivan, ed. 2002. *Premeny rodiny v urbánnom prostredí*. Banská Bystrica, Slovakia: Inštitút sociálnych a kultúrnych štúdií; Fakulta humanitných vied, Univerzita Mateja Bela.
- Chorvát, Ivan. 2006a. "K niektorým aspektom rodového prístupu k výchove detí a prácam v domácnosti." *Sociologia* 39(1):31–48.
- Chorvát, Ivan. 2006b. "Rodinné vzťahy, väzby a perspektívy na pozadí procesu modernizácie." Pp. 8–21 in *Životní cyklus: Sociologické a demografické perspektívy*, edited by Dana Hamplová, Petra Šalamounová, and Gabriela Šamanová. Prague: Sociologický ústav AV ČR.
- Cock, Jacklyn. 1980. *Maids and Madams: Domestic Workers under Apartheid*. London: Women's Press.
- Constable, Nicole. 1997. *Maid to Order in Hong Kong: Stories of Filipina Workers*. Ithaca, NY: Cornell University Press.
- Cox, Rosie. 2006. *Servant Problem: Domestic Employment in a Global Economy*. London: I. B. Tauris.
- Cox, Rosie. 2011. "Competitive Mothering and Delegated Care: Class Relationships in Nanny and Au Pair Employment." *Studies in the Maternal* 3(2):1–13.
- Cox, Rosie, and Rekha Narula. 2004. "Playing Happy Families: Rules and Relationships in Au Pair Employing Households in London England." *Gender, Place and Culture* 10(4):333–344.
- Dudová, Radka, and Hana Hašková. 2010. "Diskurzy, inštituce a praxe péče o děti do tří let ve Francouzsko-české komparativní perspektivě." *Gender, rovné příležitosti, výzkum* 12(2):36–47.
- Ehrenreich, Barbara, and Arlie Russell Hochschild, eds. 2003. *Global Woman: Nannies, Maids and Sex Workers in the New Economy*. London: Granta.
- Filadelfiová, Jarmila. 2007. *Ženy, muži a vek v štatistikách práce*. Bratislava: Inštitút pre verejnú otázku.
- Filadelfiová, Jarmila. 2008. "Women, Men and the Private Sphere." Pp. 205–235 in *She and He in Slovakia: Gender and Age in the Period of Transition*, edited by Zora Bútorová. Bratislava: Institute for Public Affairs.
- Finančné centrum o peniazoch. 2015. "Priemerná hodinová mzda v Česku je nižšia ako na Slovensku." Retrieved October 28, 2015 (<http://openiazoch.zoznam.sk/cl/156267/Priemerna-hodina-mzda-v-Cesku-je-nizsia-ako-na-Slovensku>).
- Gašparová, Eva, and Monika Miňová, eds. 2009. *Od detskej opatrovne k materskej škôlke*. Banská Bystrica, Slovakia: OMEP.
- Gregson, Nicky, and Michelle Lowe. 1994. *Servicing the Middle Classes: Class, Gender and Waged Domestic Labour in Contemporary Britain*. London: Routledge.
- Hanzelová, Eneke, and Daniela Kešlová. 2014. *Zdroje a prekážky rastu zamestnanosti žien s dôrazom na stratégiu zosúladenia rodinného, pracovného a osobného života: Záverečná správa z VÚ č. 2167*. Bratislava: Inštitút pre výskum práce a rodiny.
- Hašková, Hana. 2005. "Pracující matky a genderové role ve výsledcích mezinárodního longitudinálního výzkumu." *Gender, rovné příležitosti, výzkum* 6(1):22–27.
- Hašková, Hana. 2007. "Doma, v jeslích, nebo ve školce? Rodinná a institucionální péče o předškolní děti v České společnosti mezi lety 1945–2006." *Gender, rovné příležitosti, výzkum* 8(2):15–26.
- Hašková, Hana, and Steven Saxonberg, eds. 2012. *Péče o nejmenší: Boření mýtů*. Prague: Sociologické nakladatelství (SLON) v koedici se Sociologickým ústavem AV ČR.
- Henshall Momsen, Janet, ed. 1999. *Gender Migration and Domestic Service*. London: Routledge.
- Herich, Ján, and Ján Urban. 2016. "Vývojové tendencie ukazovateľov materských, základných a stredných škôl: Trendová analýza." Centrum vedecko-technických informácií SR, Bratislava. Retrieved October 28, 2015 (http://www.cvtisr.sk/buxus/docs/JH/vyvoj_ukazovatelov_m_z_a_s_16v2.pdf).
- Hess, Sabine. 2000–2001. "Au-pairstvo—migračná stratégia mladých žien zo Slovenska." *Aspekt* (2–1):265–271.
- Hochschild, Arlie Russell. 2000. "Global Care Chains and Emotional Surplus Value." Pp. 130–146 in *On the Edge: Living with Global Capitalism*, edited by Will Hutton and Anthony Giddens. London: Jonathan Cape.
- Holubová, Barbora. 2011. *Súhrnná Správa o stave rodovej rovnosti na Slovensku rok 2010 (návrh)*. Bratislava: Inštitút pre výskum práce a rodiny.

- Hondagneu-Sotelo, Pierrette. 2001. *Doméstica: Immigrant Workers Cleaning and Caring in the Shadows of Affluence*. Berkeley: University of California Press.
- Lutz, Helma. 2008a. "Introduction: Migrant Domestic Workers in Europe." Pp. 1–10 in *Migration and Domestic Work: A European Perspective on a Global Theme*, edited by Helma Lutz. Farnham, UK: Ashgate.
- Lutz, Helma, ed. 2008b. *Migration and Domestic Work: A European Perspective on a Global Theme*. Farnham, UK: Ashgate.
- Lutz, Helma. 2011. *The New Maids: Transnational Women and the Care Economy*. London: Zed Books.
- Lutz, Helma, Maria Teresa Herrera Vivar, and Linda Supik, eds. 2011. *Framing Intersectionality: Debates on a Multi-Faceted Concept in Gender Studies*. Farnham, UK: Ashgate.
- Lutz, Helma, and Ewa Palenga-Möllenberg. 2011. "Care, Gender and Migration: Towards a Theory of Transnational Domestic Work Migration in Europe." *Journal of Contemporary European Studies* 19(3):349–364.
- Lutz, Helma, and Ewa Palenga-Möllenberg. 2012. "Care Workers, Care Drain, and Care Chains: Reflections on Care, Migration, and Citizenship." *Social Politics: International Studies in Gender, State & Society* 19(1):15–37.
- Macdonald, Cameron Lynne. 1998. "Manufacturing Motherhood: Shadow Work of Nannies and Au Pairs." *Qualitative Sociology* 21(1):25–53.
- Macdonald, Cameron Lynne. 2011. *Shadow Mothers: Nannies, Au Pairs, and the Micropolitics of Mothering*. Berkeley: University of California Press.
- Maříková, Hana, and Zuzana Uhde, eds. 2008. *Práce a péče: Proměny "rodičovské" v České republice a kontext rodinné politiky Evropské unie*. Prague: SLON.
- Marošiová Lýdia, and Sylvia Šumšalová, eds. 2006. *Matky na trhu (práce a života): Výskumná štúdia*. Bratislava: Inštitút pre verejné otázky.
- Minimálna mzda. 2015. "Hodinová minimálna mzda Rok: 2015 a 2016." Retrieved October 8, 2015 (<http://www.minimalnamzda.sk/minimalna-mzda-2014.php>).
- Näre, Lena. 2013. "Migrancy, Gender and Social Class in Domestic Labour and Social Care in Italy: An Intersectional Analysis of Demand." *Journal of Ethnic and Migration Studies* 39(4):601–623.
- OECD. 2014. "LMF1.2: Maternal Employment Rates." OECD Social Policy Division, Directorate of Employment, Labour, and Social Affairs. Retrieved October 8, 2015 (http://www.oecd.org/social/family/LMF_1_2_Maternal_Employment.pdf).
- Paríková, Magdaléna. 1990. "Miesto a funkcie služobníctva v lokálnom spoločenstve." *Slovenský národopis* 38:191–203.
- Parreñas, Rhacel Salazar. 2000. "Migrant Filipina Domestic Workers and the International Division of Reproductive Labor." *Gender & Society* 14(4):560–580.
- Parreñas, Rhacel Salazar. 2001. *Servants of Globalization: Women, Migration and Domestic Work*. Stanford, CA: Stanford University Press.
- Piscová, Magdaléna, ed. 2006. *Slovensko na ceste k rodovej rovnosti*. Bratislava: Sociologický ústav SAV.
- Potánčoková, Michaela. 2009. "Neplnohodnotné matky? Imperatív dobrej matky a participácia matiek maloletých detí na trhu práce." *Sociologický časopis* 45(1):61–88.
- Pratt, Geraldine. 1997. "Stereotypes and Ambivalence: The Construction of Domestic Workers in Vancouver, British Columbia." *Gender, Place and Culture: A Journal of Feminist Geography* 4(2):159–178.
- Rollins, Judith. 1985. *Between Women: Domesticity and Their Employers*. Philadelphia, PA: Temple University Press.
- Romero, Mary. 1992. *Maid in the U.S.A.* New York: Routledge.
- Salem, Sara. 2016. "Intersectionality and Its Discontents: Intersectionality as Travelling Theory." *European Journal of Women's Studies* (Published online before print; DOI: 10.1177/1350506816643999).
- Saxonberg, Steven, Hana Hašková, and Jiří Mudrák. 2012. *The Development of Czech Childcare Policies*. Prague: Slon.

- Saxonberg, Steven, and Tomáš Sirovátka. 2006. "Failing Family Policy in Post-Communist Central Europe." *Journal of Comparative Policy Analysis* 8(2):189–206.
- Saxonberg, Steven, and Tomáš Sirovátka. 2008. "Czech Family Policy: Refamilialization in the Face of Contradictory Public Attitudes." *Journal of Societal & Social Policy* 7(3):95–106.
- Sekeráková Búriková, Zuzana. 2014. "Earning Money, Learning the Language: Slovak Au Pairs and Their Passage to Adulthood." Pp. 145–161 in *Neoliberalism, Personhood, and Postsocialism: Enterprising Selves in Changing Economies*, edited by Nicolette Makovicky. Farnham, UK: Ashgate.
- Sekeráková Búriková, Zuzana. 2015. "'Good Families' and the Shadows of Servitude: Au Pair Gossip and Norms of Au Pair Employment." Pp. 36–52 in *Au Pairs' Lives in Global Context: Sisters or Servants?*, edited by Rosie Cox. Basingstoke, UK: Palgrave Macmillan.
- Sekulová, Martina. 2013. "Transnational Households in the Context of Female Migration from Slovakia to Austria." *Urban People (Lidé města)* 15(2):217–236.
- Silverman, David. 1993. *Ako robíť kvalitatívny výskum*. Bratislava: Ikar.
- Souralová, Adéla. 2012a. "'Nekupujete si lásku, kupujete si službu': (Re)konstrukce péče o děti v prostředí agentur na hlídání." *Gender, rovné příležitosti, výzkum* 13(1):33–41.
- Souralová, Adéla. 2012b. "Vietnamské rodiny a jejich české chůvy: Vzájemná závislost v péči o děti." *Sociální studia* 9(3):31–50.
- Souralová, Adéla. 2014. "Péči o děti proti nudě a osamělosti: České chůvy vietnamských dětí aktivně stárnoucí." *Sociální studia* 2014(3):75–96.
- Souralová, Adéla. 2015. "'Můžeš prostě říct, že máš babičku': Vietnamské děti, české babičky a význam prarodičovství v jejich biografiích." *Sociologický časopis/Czech Sociological Review* 51(5):815–844.
- Spradley, James P. 1979. *Ethnographic Interview*. Belmont, CA: Wadsworth Cengage.
- Spradley, James P. 1980. *Participant Observation*. Belmont, CA: Wadsworth Cengage.
- Štatistický úrad Slovenskej Republiky. 2016. "Základná štruktúra hrubých peňažných výdavkov súkromných domácností podľa účelu použitia v členení podľa počtu nezaopatrených detí v roku (2004–2015)." Retrieved October 28, 2015 (http://www.statistics.sk/pls/elisw/objekt.send?uic=2323&m_sso=2&m_so=40&ic=42).
- Šumšalová, Sylvia. 2008. "Zladovanie pracovného a rodinného života: Reflexia skúseností pracujúcich matiek maloletých detí." Pp. 13–47 in *Matky medzi sebou*, edited by Lýdia Marošiová. Bratislava: Inštitút pre verejné otázky.
- Švecová, Soňa. 1986. "Slovenská a Česká rodina." *Český lid* 73(4):203–205.
- Švecová, Soňa. 1989. "Dva typy tradičnej roľníckej rodiny v Československu." *Český lid* 76(4):210–222.
- Szelewa, Dorota, and Michal P. Polakowski. 2008. "Who Cares? Changing Patterns of Childcare in Central and Eastern Europe." *Journal of European Social Policy* 18(2):115–131.
- Tronto, Joan. 2002. "The 'Nanny' Question in Feminism." *Hypatia* 17(2):34–51.
- Uhde, Zuzana. 2009. "K feministickému pojetí péče jako kritické kategorie sociální nerovnosti." *Sociologický časopis/Czech Sociological Review* 45(1):9–29.
- Višek, Petr. 2006. "Rodičovský příspěvek, minulost a budoucnost." Presented at the International Conference "Komplexní rodinná politika jako priorita státu aneb je ČR státem přátelským k rodině?," November 29, Prague, Czech Republic (<http://www.mpsv.cz/cs/3611>).
- Widding Isaksen, Lise, ed. 2010. *Global Care Work: Gender and Migration in Nordic Societies*. Lund, Sweden: Nordic Academic Press.
- Williams, Fiona. 2012. "Converging Variations in Migrant Care Work in Europe." *Journal of European Social Policy* 22(4):363–376.
- Williams, Fiona, and Anna Gavanis. 2008. "The Intersection of Childcare Regimes and Migration Regimes: A Three-Country Study." Pp. 13–28 in *Migration and Domestic Work: A European Perspective on a Global Theme*, edited by Helma Lutz. Farnham, UK: Ashgate.
- Yodanis, Carrie, and Sean R. Lauer. 2005. "Foreign Visitor, Exchange Student or Family Member? A Study of Au Pair Policies in the United States, United Kingdom and Australia." *International Journal of Sociology and Social Policy* 25(9):41–64.

СПРОС НА ОПЛАЧИВАЕМЫЙ ДОМАШНИЙ ТРУД В СЛОВАКИИ: НА ПЕРЕСЕЧЕНИИ РЕЖИМА СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ И ГЕНДЕРНОГО РЕЖИМА

Зузана Секеракова Бурикова

Зузана Секеракова Бурикова – доцент кафедры социологии факультета общественных наук Масарикова университета (Брно, Чехия). Адрес для переписки: Faculty of Social Studies, Masaryk University, Joštova 10, 602 00, Brno, Czech Republic. burikova@fss.muni.cz.

Статья представляет результаты моей работы над проектом «Оплачиваемый уход за детьми и работа по дому в Чешской Республике и Словакии», осуществленным при помощи постдокторского гранта GAČR 13-11062P. Результаты этой работы были представлены также на конференции «Домашние работницы в странах Центральной и Восточной Европы и бывшего СССР: постсоциалистические миграции и неравенства» в апреле 2015 года в Центре независимых социологических исследований в Санкт-Петербурге (Россия).

Эта статья, основанная на интервью как с домашними работницами, так и с их нанимателями, посвящена находящемуся на стадии становления рынку оплачиваемого домашнего труда в Словакии. Анализируя стратегии найма и практики работодателей, я исследую роль режима социального обеспечения и гендерного режима в трудоустройстве домашних работников. В этой работе показано, что, несмотря на то, что режим социального обеспечения создает структурные условия для найма домашнего персонала, непосредственные причины, по которым частные лица нанимают помощника по хозяйству, обусловлены противоречивыми ожиданиями в отношении бремени родительства и карьеры, распространенными в среде словацкого среднего класса. Во второй части статьи сделан вывод о том, что идеи по поводу того, кто именно больше всего годится в помощники, определяются в основном местными культурными практиками воспитания детей и логикой традиционных стереотипов гендерной идентичности. Так, в качестве нянь обычно нанимают пожилых женщин, потому что их гендерный и биографический опыт (опыт матерей уже выросших детей) делает их наиболее приемлемыми с точки зрения преобладающей нормы кандидатами в няни. Они могут заменить детям бабушку и обеспечить квалифицированный уход, не подрывая при этом авторитета матери как основного воспитателя.

Ключевые слова: оплачиваемый домашний труд; уход и обслуживание; Словакия; няни; бебиситтеры; режим социального обеспечения; гендерный режим; платный уход за детьми

SOCIALIZATION OF CHILDCARE IN SLOVENIA AND ITS IMPACT ON INFORMAL CARE MARKETS

Živa Humer, Majda Hrženjak

Živa Humer is a research fellow at the Peace Institute–Institute for Contemporary Social and Political Studies. Address for correspondence: Metelkova 6, 1000 Ljubljana, Slovenia. ziva.humer@mirovni-institut.si.

Majda Hrženjak is a senior research fellow at the Peace Institute–Institute for Contemporary Social and Political Studies. Address for correspondence: Metelkova 6, 1000 Ljubljana, Slovenia. majda.hrzenjak@mirovni-institut.si.

This article examines how family and care policies related to childcare frame formal and informal care, including the status of work and positions of workers who perform unregulated childcare in private households in Slovenia. Within the conceptual frame of (de)familization of childcare, current childcare policies in Slovenia are analyzed and the peculiarities of the Slovenian situation compared to other Central and Eastern European countries are pointed to: an informal childcare market characterized by live-out arrangements and high standards of individual childcare, performed by native retired women and students. The empirical material analyzed in the article incorporates results from two qualitative studies conducted in Slovenia researching informal paid care work and the processes of the relocation of childcare, focusing particularly on the intersections of informal (both paid and unpaid) and formal childcare.

Keywords: Childcare; Care Policies; (De)Familization; Informal Childcare Markets; Childcarers; Slovenia

Care policies, in particular systems of parental leave and remuneration, as well as the provision of childcare services for preschool children, are the mechanisms through which the state impacts on and constructs the range of paid domestic work such as informal childcare (Fodor et al. 2002; Polese et al. 2014). In Slovenia, a postsocialist former Yugoslavian country with the particular politics of nonaligned countries, the dual-career family model (Lister et al. 2007) has predominated, with a large proportion of women participating in full-time, noninterrupted employment since the 1960s. Policies granting parental leave, family benefits, and public childcare services for preschool and school children originated in the socialist period of the former Yugoslavia. These policies aimed to enable women to enter the labor market to offset the shortage of working men after the Second World War under conditions of rising industrialization, but they were also motivated by an ideology of women's economic emancipation, independence, and gender equality. However, the socialist ideology of gender equality built on equal participation of women in the labor market did not question women's role as primary caregivers in the family (Boh and Černigoj Sadar

1980; Kocourková 2011). Since there was a strong tendency against part-time employment of women, other mechanisms needed to be developed in order to disburden women from care work in the family, such as public day care, canteens, and laundries (Boh and Černigoj Sadar 1980:31).

In the 1990s during the transition to the capitalist democracy, Slovenia did not face the introduction of long parental leaves, mass closures of nurseries, and consequent processes of redomestication of women, as opposed to some other Eastern European countries (the Czech Republic, Slovakia, Poland, and Hungary) that experienced socialism as part of the Soviet bloc (Saxonberg 2011). On the contrary, Slovenia preserved and even upgraded the socialist legacy of a public, institutional, and good-quality subsidized childcare, and the leave scheme—and consequently the high rate of women's full-time employment continued. It is a common view (and economic necessity) in contemporary Slovenia that both women and men should contribute to the family income and that being employed for women is a precondition for equality and independence. On the other hand, with the new socioeconomic system the rise of more traditionalist views on care, employment, and gender have been observed in the last decade. If in a 1992 public opinion poll only 20 percent of women and men agreed that a child would suffer if the mother was employed, twenty years later, a public opinion poll found that as many as 40 percent of women and 60 percent of men agreed with this statement (Jogan 2014).

Research on values shows that the traditional roles of women as housewives and mothers are an important source of identity for Slovenian women; however, the emancipation derived from full-time employment and economic independence remain highly valued priorities of equal importance (Šadl 2006). These contradictory gender norms lead to a work-family conflict, as women have to combine career with motherhood, housekeeping, and partnership, which in general creates a chaotic life, constant lack of time, and, most burdensome, fatigue and exhaustion. Domestic work such as cooking, cleaning, tidying, and ironing are time-consuming, intensive, and tiring work, and as women are often exhausted from paid work, outsourcing of these chores has become increasingly frequent. This is one of the strategies middle-class women with higher education use to negotiate the contradictory requirements of the family, paid work, and gender norms. Consequently, in contemporary Slovenia the phenomenon of domestic workers, who do the "invisible jobs" in private households, has become more common. In 2009 a quantitative survey of the extent of domestic service showed that 5 percent of Slovene households employed domestic workers, who sometimes regularly and sometimes only occasionally perform cleaning in 81 percent of households, care for the elderly in 23 percent of households, and childcare in only 10 percent of households (Hrženjak 2012).¹ These figures are meaningful, and in this article we follow the thesis that the high degree of socialization and defamilization of childcare in Slovenia is a crucial factor influencing the low rates of informal paid childcare (compared to elder care and cleaning). Slovenia, as we discuss later in the article, has specific characteristics that set it apart from other European countries. We argue that

¹ Some services may be combined, for instance cleaning and elder care.

informal care markets emerge at points where the state and its policies are missing. First we will outline our theoretical framework focusing on the concept of (de) familization of childcare as a factor structuring informal childcare markets; then we will analyze the current childcare system in Slovenia and point to the elements that provide for the defamilization of childcare and shape the needs of families for informal childcare services; in third part we will examine the empirical evidence about who is working as a paid childcarer in Slovenia, in what arrangements, and why.

DATA COLLECTION AND SAMPLE CHARACTERISTICS

The empirical material analyzed in the article comes from two sources. The first is the research project "Informal Reproductive Work: Trends in Slovenia and the EU,"² a qualitative study conducted from January to April 2009 and consisting of 31 semi-structured interviews: 10 interviews with cleaners, 10 interviews with childcarers, and 11 interviews with caregivers for the elderly. Interview questions related to previous work experiences, motives for doing this type of work, positive and negative experiences, relations with family members, reliance on income from work, potential connections with other care workers, and their plans for the future. Among paid childcarers eight were women and two were men (both students), living in Ljubljana or its vicinity. Two groups prevailed among interviewees: students between ages of 23 and 26 and pensioners 56–64 years of age. The majority of pensioners finished secondary school, while students were in the process of earning university degrees. The majority (nine) of childcarers identified themselves as Slovenes, while one respondent was Macedonian.

The second source of empirical evidence comes from the first author's PhD dissertation "Ethics of Care, Gender, and Family: The Processes of Relocation of Care between Private and Public Spheres" (Humer 2009), which explored the impact of relocation of childcare on the distribution and organization of childcare among parents, grandparents, and informal childcarers. Research was conducted between January and June 2008 and included semistructured interviews with 36 parents of preschool children, 12 grandparents who daily or occasionally looked after grandchildren, and 12 childcarers who did informal paid childcare work daily or occasionally. Among parents 20 were women and 16 men, living in both two-parent and single-parent families. The average age of interviewees was 31.2 years, while the youngest interviewee was a 25-year-old woman and the oldest was a 42-year-old man. Among grandparents there were 10 women and 2 men who daily or occasionally looked after grandchildren. The average age of the interviewees was 62.9 years, while the youngest was a 53-year-old woman and the oldest was a 76-year-old man. More than half of interviewees (seven) were childminding two or more grandchildren. Among 12 interviews with paid informal childcarers, there were 11 women and 1 man (a student) living in urban neighborhoods, mainly in Ljubljana and its vicinity. Two age groups prevailed among informal paid childcarers: students between 20 and 25 years and

² The project was funded by the Slovenian Research Agency from 2008 to 2010.

pensioners who were on average 57 years of age. They all identify as Slovenes. Interviews with paid childcarers focused on their experiences with unregulated care work, the reasons they decided to perform childcare, their relations with family members, in particular with “their employers” (parents), their average day doing childcare, and their perspectives on the future. In both studies the interviewees were recruited by snowball and link-tracing methods; all interviews were recorded and transcribed to enable detailed analysis.

Apart from this empirical material, we also refer to data and materials on the Slovenian childcare system that were collected and analyzed within the research project “Caring Work between Individualization, Globalization, and Socialization.”³

The demographic data from both empirical studies show that the large majority of informal paid childcarers are women of Slovene ethnic background. Only one childcarer identified herself as a Macedonian who moved to Slovenia as an internal migrant in the 1980s when both countries were still part of Yugoslavia. On the other hand, the demographic data from interviews from the first study with domestic workers who performed cleaning and elder care in private homes show that approximately half of the respondents are migrants from other former Yugoslavia states to Slovenia. Hence, demographic data describe the segregation and hierarchization of informal markets of domestic work in private households according to the ethnic background of the domestic workers. Childcare is deemed a socially recognized, important, responsible, and skilled form of work and it seems that this field of informal care work employs only citizens of Slovenian ethnic background. On the other hand, the least valued and most labor-intensive work of elder care and cleaning is open to migrants coming mostly from former Yugoslavian states, either as internal migrants in the 1980s or as “new” migrants during the Yugoslav war of the 1990s or right after the war in the hope of better opportunities, which were limited in the former Yugoslavia by years of war. Between 1960 and 1980 (when Slovenia was still part of the former Yugoslavia) there were intensive internal economic migrations from less prosperous rural parts of Yugoslavia to Slovenia. Many young women were recruited through local employment agencies in poorly paid, feminized sectors of work as cleaners, factory workers, and caregivers in Slovenia. Today many of them are retired, with low pensions, and represent one major group of migrant women in informal care markets performing cleaning and eldercare (Hrženjak 2012).

CHILDCARE BETWEEN FAMILIZATION, SOCIALIZATION, AND MARKETIZATION

The politics of care depend on assumptions about what care is, how it should be performed, and who should manage it. Familialistic policies encourage women’s unpaid care work at home by ensuring families the right to time for care through long maternity leave schemes, indirect and direct financial benefits, and other social rights related to caregiving, such as individual retirement rights, partial inclusion into other

³ The project is funded by the Slovenian Research Agency during the period from 2014 to 2017.

schemes of social security, derived rights for unemployed housewives, and special rights for mothers (Tsuji 2011). However, because of the shift in employment patterns towards the dual-earner model and also because of gender equality politics framing the equality of women as equal participation in the labor market, European states have tended to redefine the division of care responsibilities in order to establish a new balance among providers of care: the family, the market, and the state (Bettio and Plantenga 2004). When women are no longer available for unpaid care work at home due to their inclusion in paid work, a need for defamilization of care occurs, and consequently care has to be provided by either the state or the market. From this perspective familization of childcare appears to be in contradiction with employment trends (and women's equality) as it stands as an ideology positioning family (and within it women as mothers) in the role of primary care provider. The care deficit and the problems of work and family reconciliation therefore derive to a great extent from policies that insist on familization of care despite changed patterns in employment and gender relations. Hence, defamilistic policies aim to unburden families (chiefly women) of care by providing public services or financing market mechanisms. Defamilization leads to monetization of care, transforming women's unpaid work in the family into paid formal employment of care workers in public institutions (kindergartens, homes for the elderly), while the accessibility of these services from the perspective of the service user is structured through social citizenship regulations in a universal, selectively universal, or residual way (León 2014). In a universal model, characteristic especially of Scandinavian countries, the state ensures access to public services to all in need of care through extensive public benefits; in a selectively universal model public care, either in the form of financial benefits or in the form of services, is available to those who are the most in need; while in a residual model the state ensures care through the system of public social transfers only to the poorest social groups based on the principle of minimal needs.

Care policies determine the level of commodification of care services. While the defamilization and socialization of care through organization of public care services presuppose the commodification of women's work—formerly unpaid care work in the family is transformed into paid employment of women in care institutions—the care service itself gains the status of a public good of special social importance and is not commodified. However, with measures promoting a shift in providing care services from the state to the market—these are the measures that favor financial benefits (i.e., cash-for-care benefits) over service organization—work as well as service becomes commodified, and that, except for the wealthy, leads toward the refamilization of care (Mahon and Robinson 2011). The question of whether the state should ensure mainly financial benefits or also services is key in determining how the state connects or divides family and care. Measures favoring the state's provision of financial benefits over its organization of public care services do ensure the right to care; however they also support the privatization of care and private solutions for its organization, either in the form of familization of care where the financial benefits are directed to a family caregiver or in the form of marketization where care is bought on the formal or informal market (Hobson, Lewis, and Siim 2002).

Care policies also influence the level of formalization and professionalization or deformalization and deprofessionalization of care work. Those policies that are directed more toward the familization of care, ensuring financial benefits instead of public services, create conditions for deformalization and deprofessionalization of care, as under such conditions a great extent of care is transferred onto the family and/or informal markets of domestic work. And vice versa: the greater the extent of care services provided by the state, not only through financial benefits, the greater the level of formalization and professionalization of care. Research (Williams 2011; Van Hooren 2014) shows that the relationship between financial benefits and organization of services determined by policies makes a decisive impact on the extent of informal care markets and the recruitment of migrant women into home-based care work. It is important not only to what extent the state takes over the responsibility for care, but also how the state carries out its responsibility: favoring financial benefits over ensuring public services means promoting informal care markets and care work by migrant women, because users and families tend to organize needed care with the financial resources available to them in the most economically efficient way. On the other hand, however, the existence of high-quality public and universally accessible care services significantly decreases the extent of informal care markets, including the globalization of care work. Within this framework we are now turning to our analysis of the Slovenian childcare system, arguing that it is to a high degree socialized and defamilialized and that as such it has an important impact on shaping informal paid childcare.

THE PUBLIC CHILDCARE SYSTEM IN SLOVENIA

In Slovenia the childcare system, including care for children ages one to three, is an integral part of family and education policy that defines and determines the relations between the state, its institutions, and families/parents. For the purposes of this article, parental leave schemes and the institutional childcare system will be analyzed as two main mechanisms with which the state directly influences informal paid childcare.

In the 1970s the leave policy in Slovenia followed the Swedish model of short maternity leave and long parental leave,⁴ with the possibility of leave being shared between partners (Korintus and Stropnik 2009; Javornik 2014).⁵ The possibility of sharing parental leave between partners represents an important milestone in the history of parental leave and was a political novelty, recognizing the caring role of fathers and the importance of gender equality in the distribution of care work within the family (Jogan 2001). High-quality schemes of parental rights and financial ben-

⁴ In Slovenia three months of maternity leave is given exclusively to mothers in the first months after the child is born, while nine months of parental leave can be shared by parents and starts when maternal leave is finished. In addition, there is a third type of parental leave—paternity leave as a nontransferable right of fathers.

⁵ Sweden and Slovenia have been the pioneer countries in breaking the exclusion of unmarried couples from parental rights. Since the 1970s unmarried couples have the same parental rights as married couples.

efits, namely those rights that enable parents to take care of children, are, as we already mentioned, a legacy of the Yugoslav socialist system. The parental leave scheme that is currently in place was introduced in 1986, granting 365 days of leave: 105 days of maternity leave and 260 days of parental leave, the latter can be freely shared between parents but in reality is mostly taken by women. Financial compensation for maternity and parental leave is covered by the state, not by the employer, and amounts to 100 percent of the previous salary (in 2012 it was temporarily lowered to 90 percent of the previous salary due to austerity measures). From the European comparative perspective, the overall duration of childcare leave in Slovenia (12 months altogether: 3 months of maternity and 9 months of parental) can be categorized as medium long (roughly speaking, short leaves of 3 to 7 months are more typical for Western European countries, while longer leaves of up to 3 years are more common in Eastern Europe). This enables women to reintegrate into the labor market after one year of absence due to birth giving. Childcare leave is fully paid and is counted as years of service for retirement benefits.

In addition to maternity and parental leaves, in 2003 paternity leave was introduced. It took effect gradually and consisted of a shorter paid part (15 days) and a longer unpaid part (75 days). In 2014 the paid part of paternal leave was extended from 15 to 30 days on account of the reduced unpaid part. The main aim of introducing paternity leave was to foster a more equal division of care for children between women and men, representing an important alternative to the outsourcing of care work to informal paid childcarers.

The development of public childcare for preschool children was particularly intense between 1971 and 1985: in this period 70 percent of existing childcare institutions were built (Vojnovič 1996). From 1980 the share of preschool children (from the age of 11 months to 6 years) included in daycare increased to a great extent: 7.7 percent of preschool children were included in daycare in 1961, 15 percent in 1971, 41 percent in 1981, and as many as 76.9 percent in 2014 (Stropanik and Šircelj 2008; Statistični urad Republike Slovenije 2015). Currently, Slovenia has a well-developed unified system of preschool care provided by kindergartens. Public kindergartens are established by municipalities, while private kindergartens are founded by private persons or companies; however, privatization of childcare is very limited: currently 93 percent of kindergartens are public and only 7 percent are private (Statistični urad Republike Slovenije 2015). The public kindergarten network is mainly financed by public resources, mostly by municipalities, and in part also by parents' share, which is calculated on the basis of their income and assets. In 2008 the government introduced free institutional care for the second child and all following children, but in 2012 payment of 30 percent of the price for the second child was reintroduced due to austerity measures, while care for subsequent children remained free.

The system of public childcare is characterized by relatively high-quality working conditions. Although public childcare is an exceedingly feminized field of work, employees have secondary or tertiary degrees, most have full-time and permanent contracts, and their salary is close to the average salary in Slovenia. Teachers in public kindergartens are unionized and have a strong public voice.

To sum up, childcare in Slovenia is socialized to a great extent and excels in universalism, following the principles of ensuring equal opportunities to all children along with gender equality by providing conditions for women's participation in paid work. While in a child's first year the state enables family care through a scheme of paid parental leaves, for children aged over one year measures of familization of care are substituted by measures of defamilization through the organization of a public, universally accessible, high-quality kindergarten network, which consequently provides a high level of professionalization and formalization of childcare. In situations where the state takes over a substantial part of childcare, commercial or informal care markets and globalization of childcare remain limited because demand is low. We will now turn to an interpretation of the "lived experiences" of informal childcarers in Slovenia, to analyze, based on the interview data, who they are, what their working arrangements are, and why families need them.

INFORMAL UNPAID AND PAID CHILDCARE

Studies show that less than 4 percent of families in Slovenia choose private paid childcare for preschool children aged one year and above (Rakar et al. 2010). The maternal ideology, wherein the child's needs and their satisfaction are central to a notion of "good motherhood" and when being a good mother means taking care of a child at home (Williams 2005), leads to favoring familial over institutional care in most families. A small number of parents, mainly in urban environments and in wealthier strata, use private childcare, especially for one- to-three-year-old children, by employing a private childcarer who works either in their homes or in care providers' homes within the realm of the gray economy.⁶ As has been already mentioned, in contrast to many European countries, in Slovenia migrant women do not work in informal paid childcare. Reasons for this can be found in the fact that Slovenia is not a target country of feminization of migration and therefore has a small number of female migrants, working mostly informally in cleaning and elder care. Childcare is a highly valued area of care work, and there is a distrust (linked also to nationalism and xenophobia) of migrant women who are not seen as capable and reliable childcarers (Hrženjak 2012). A small share of families preferring familial over institutional childcare for young children, mainly those with fewer economic resources and from rural areas, tend to organize childcare through intergenerational links with grandparents. This is possible also due to the early retirement of women, on average at age 58. The key reason for the low proportion of informal paid childcare in Slovenia, however, lies in the fact that the state ensures and also financially subsidizes a high-quality public kindergarten network and does not support private care with cash-for-care subsidies. Parents who elect private paid childcare outside the public kindergarten network hence lose the

⁶ By gray economy we refer to the situation in Slovenia where informal paid childminding takes place in private households through one-on-one arrangements regarding working conditions and payment without written contracts. Parents pay childcarers most often "under the table," which means that taxes from earnings are not paid to the state. It is unregulated and disfavored by the state for both workers and parents.

right to their subsidy and have to pay full price. Beside a small proportion of care for one- to-three-year-old children in private homes in urban environments and wealthier strata, informal paid childcare in Slovenia can also be found in occasional and short-term forms: for instance, short-term afternoon or evening childminding during workdays and, to a lesser extent, during weekends; taking a child for a walk so a mother on maternal leave can rest a bit; care for a sick child; or accompanying a child to leisure activities. Kindergarten opening hours (from 6 a.m. until 5 p.m.) and a standard rule that a child can spend a maximum of nine hours per day in the kindergarten create difficulties for some parents because of the prevailing culture of long workdays and an increase in nonstandard working hours. In such cases informal afternoon childminding responds to these needs. These forms of childcare services are not ensured by the state but rather are increasingly offered by private agencies and informal paid childminders, especially students and female pensioners.

INTERGENERATIONAL SOLIDARITY

The data show that the extent of private childcare is limited mainly to children between one and three years old. Some parents, who want the child to enter public childcare only at the age of three, rely on the intergenerational solidarity of grandparents who look after grandchildren on daily basis. As observed in interviews with grandparents and parents, intergenerational solidarity is taken for granted and is based on moral attachment and interdependency. Childminding performed by grandparents is most often understood in terms of mutual expectations of support, and for both parents and grandparents is the preferred option for the youngest children. As one grandparent emphasized:

It was pretty much spontaneous and normal that when I retire, I'll start looking after grandchildren ... and I know, if I needed something, also in financial terms, I know I can always count on my children. (female pensioner, 59)

Even when in care of a grandmother, the child enters kindergarten at the age of three and grandparents help with occasional childminding, especially when the child is sick or during afternoons and evenings. Grandparents' childcare covers complete care including playing, outdoor activities, and driving children to afternoon activities, which eases the pressure on work-life balance of working parents. Grandparents represent a very important social pillar, a support for their adult children with family obligations, in particular with childcare, but also household work and financial support (Humer 2009).

CHILDCARE IN THE GRAY ECONOMY

Another form of informal childcare in private households is paid childcare provided mostly in the gray economy. The extent of paid informal childcare in private households, as we already mentioned, is very limited and mainly found in urban areas, provided by local women exclusively in live-out arrangements. Informal childcarers are largely represented by students, female pensioners, and pensioner couples. Payment is mainly understood as an additional income on which they are not existentially

dependent, therefore joy and love for children, as stated by many respondents, are the motives driving informal childcarers to do this kind of work. Not being existentially dependent on these earnings and working in live-out arrangements mean that entering and exiting informal paid childcare are usually the care provider's voluntary choice, which also influences power relations with employer-parents by providing informal childcarers with more leverage over their working arrangements. The empowerment of local childcarers is particularly evident with students who perform childminding through Sezam, Association of Parents and Children, a platform offering occasional childminding in Ljubljana.⁷ Sezam has a policy that childminding should not involve any domestic work, and therefore students strictly decline employer's requests for additional domestic chores (frequently requested are vacuuming, dish washing, and cleaning).

Students, who represent one of the main groups of informal paid childminders, are either members of Sezam or work individually. They perform occasional afternoon and evening childminding, which includes picking the child up from kindergarten and staying with him/her for a couple of hours until the parents return from work, playing, accompanying the child to afternoon activities, and offering already prepared food and drinks. Some students also perform childminding on a regular basis, every day for a few hours, and they report that they also prepare a meal for the child and occasionally do some domestic work. The money earned from childminding is more like pocket money, since usually the students' parents financially support them during their studies. Students' childminding addresses parents' difficulties with work-family balance; in particular it fills the gap between the extended working hours of employed parents and kindergarten hours, while evening childminding mainly responds to parents' needs to spend some time together apart from their children.

Female pensioners between ages of 56 and 64 represent another group of informal childcare providers in private households. Usually they start with childminding soon after their retirement, when many of them reported they wished to stay active and earn a bit of extra money. Regular or occasional childminding in their or in the child's home represents possible options for earning income in addition to their pensions. Mostly female pensioners are asked by someone from their social network if they would take on childminding, and they rarely looked for the possibility themselves. Since this work is performed within the gray economy, communication and recommendations about childminders are passed on by word of mouth.

Similarly to female pensioners, pensioner couples also participate in informal paid childcare to supplement their pensions. They offer informal daily childcare in their homes for a small group of children (up to six children) from Monday through Friday for eight or more hours per day, which includes complete care such as nursing, preparing meals, and playing. The age of children is mostly from one to three years, and care involves a lot of physical work like lifting children, carrying them, and so on.

⁷ It is a small NGO located in Ljubljana that offers occasional childminding in the child's home by linking families with students willing to earn some pocket money by providing occasional care. It was established in 1989 and is financially supported by the municipality of Ljubljana (the capital of Slovenia).

Most often women look after nursing, cooking, and cleaning up after children, while their husbands take on playing and helping out by lifting children, feeding them, and the like. Even though this is physically demanding work for elderly people, as many of them reported being exhausted by the end of the day, it is, according to their statements, morally rewarding and satisfying to help working parents, to be surrounded by small children, to stay active, and to earn a bit. As one female pensioner explained:

Soon after retirement I decided it's about time to do something, you cannot knit all day long ... and at the beginning, I have to be honest, it was because of the money, but now it's because we love children and people need our help. (female pensioner, 59 years)

The pensioners who have to provide care for their own grandchild include him/her in the group of children they care for. The informal everyday paid childcare by female pensioners and pensioner couples is closer to the formal childcare provided by kindergarten, as they offer similar services, albeit situated in the gray economy and thus with tailored and negotiable rules agreed upon by both parents and childcarers.

THE INTERSECTIONS OF GENDER, AGE, AND CLASS IN LOCAL CHILDCARE CHAINS

Although none of the three groups of informal childcare providers are existentially dependent on income from informal childminding, there are important class differences among them. These earnings improve the financial situation of female pensioners, especially those whose pension is very low. According to some data, more than half of pensioners in Slovenia receive a pension below the poverty threshold, and of these almost two thirds are women (Humer and Roksandić 2013).

The average pay varies to a great extent and differs based on the frequency of childminding, the region, and the care provider (NGO, private agency, individual person). The short-term, occasional or regular childminding varied from 3 to 6 euros per hour, depending on whether childminding is performed during the day or evening/night hours, whether it takes place in the capital or in other parts of Slovenia, and whether the work is provided by Sezam, who offers more affordable childminding than do private agencies or individual care providers in the gray economy. For daily childminding, pay varies between 200 and 400 euros per child per month, which includes nursing, preparing meals (breakfast, snacks, and home-cooked lunches), and playing. These prices are the same as for the public kindergartens, but the important difference is that the payment for kindergarten is subsidized by the municipality and is based on the family's income, while private childcare is not subsidized and parents have to pay full price on their own. The subsidy is not in the form of cash-for-care paid to parents but is paid by the municipality directly to the kindergartens. This state policy of subsidizing public childcare represents a crucial element diverting parents away from private arrangements.

Interviews show that none of the three groups of informal childminders would be doing any other work for the same wages, as the added value of care work is recognized by childminders. Students mainly emphasize gaining experience when work-

ing with children that can be useful, either in their personal lives when they become parents or in their profession once they start working as teachers in kindergartens or elementary schools. As one of the students emphasized: "I don't think I would do anything else for this money, because I like it. You get a lot from this work, like experience, which is very valuable" (female student, 24 years). The older informal childcarers appreciated helping working parents as validation that they are still active and contributing to the society. The value of helping others is an important factor, as stressed by one of the interviewees: "Parents, they don't have any other option for childcare, we are here to help them" (female pensioner, 59 years, childminding with her husband in their home). Informal paid childcare represents a labor of love that just happens to be compensated with money. The ethics of care prevails over the ethics of work within this sector, as all interviewees perceive childcare to be a form of helping others. The emotional value of informal paid care is one aspect of this work, bringing satisfaction, moral reward, and added value, which works to offset the rather low wages. As Joan Tronto (2002) notes, if this work is devalued in terms of payment, it is highly valued in terms of its moral rewards, originating in the caring relationship between the person who takes care and the person who receives it.

However, interviews also show that the caring relationship is often negotiated by employers. Students emphasized that parents try to lower the prices for childminding. One of the interviewees described her experience when parents tried to negotiate the price, framing childminding as a "fun" activity rather than work:

My price is 5 euros per hour, and I always say to parents that the price is not the only important thing, that we should first meet and see if we can get along with each other. Sometimes they immediately say that 5 euros per hour is too much. And when I ask them how much they are willing to pay, they would say "Well, 2.5 euros for playing with a child," which also tells you something about how they value childminding. (female student, 23 years)

In a few cases students also reported that they were not paid the whole amount agreed upon, while elderly childcarers reported quite the opposite, sometimes receiving "tips" or little gifts. In some situations female pensioners lowered the price if they recognized that the parents really needed them but could not afford to pay for childminding.

These differences between students and pensioners and their relations with parent-employers regarding pay and other arrangements point to the importance of age in local childcare chains in Slovenia. In distinction from students, female pensioners often also cooked meals for the child and/or family, did some vacuuming, or cleaned up after a meal as part of the "package," understanding childcare and household tasks as intertwined. The difference is not only in the duration of childminding (a few hours versus a whole day), but also in the workers' differing perceptions of childminding and their role as informal childcare providers.

Students perceived childminding more as work and focus exclusively on the child, thus separating childcare from household work. They see their role closer to the professional role and some also in the context of their future professions. Child-

minding is, for students, an additional and occasional activity they engage in alongside their studies and other activities. On the other hand, pensioners recognized childminding more as informal help to young families and as an extension of care within family, illustrated by their perception of their role as a *substitute grandmother* for whom childminding is the main daily activity. As reported by older childminders, they felt respected by parents due to their own parenting and grandparenting experiences. The flexibility and adjustability of female pensioners to parents' requests are quite common, in particular where childminding is regular (daily) and is performed in the childminder's home. Female pensioners and pensioner couples reported that sometimes parents would come to pick up a child an hour or more later than agreed, which they accepted with understanding and empathy towards working parents with whom they have good relations. In these cases, no additional hours are charged to the parent. Such situations also point to an understanding of childminding more as a support to working parents than as actual work.

In addition to class and age, gender is an important category for understanding local care chains in Slovenia. Although the majority of private childcarers are women, this work is not completely feminized, as local male students and female pensioners' partners also participate in informal paid childcare. Male students emphasized that parents largely prefer female childminders, but male childminders are in demand by parents of boys and they are expected to provide care in "a manner appropriate to boys" (Hrženjak and Humer 2011:113). While in pensioner couples, male pensioners take on an "assistant" role, helping and supporting their female partners, who are the main private childcare providers, with physically more demanding tasks. Indeed, in this way the inclusion of men in informal paid childcare does not contribute to the defeminization of the field; it rather strengthens traditional gender roles and reaffirms childcare as a "woman's domain."

CONCLUSION

This article showed that the socialist legacy of well-developed, high-quality, and subsidized public daycare for children from one to six years of age and a parental leave scheme that has remained practically unchanged in the postsocialist period (even upgraded with paternity leave in 2003) are the two main mechanisms with which the state directly impacts informal paid childcare in Slovenia.

We have argued that the Slovene childcare system is highly socialized and defamilialistic, enabling and financially covering parents who stay home with their child for a year and subsequently offering highly professionalized, quality, subsidized public daycare universally accessible to all preschool children. The public childcare system importantly limits the extent of informal paid childcare. The figure that fewer than 4 percent of families opt for informal paid childcare is meaningful, as it confirms the marginal position of informal childcare in the context of the childcare system in Slovenia. Within paid domestic work, informal childcare makes up the smallest proportion compared to cleaning and elder care. Research shows that families, if they can afford it, increasingly opt to outsource domestic work in order to gain a few hours of family time.

For regular full-time (mostly for children under three years) or occasional informal childcare, parents more often turn to grandparents than hire an informal childcarer. This needs to be understood as a consequence of the strong intergenerational solidarity in Slovenia, in the context of a maternal ideology where care for the child in the home environment by the mother or other family member is the preferred option in most families. In addition to informal unpaid childcare provided by grandparents, informal paid childcare is usually provided by female pensioners, pensioner couples, and students, mostly in the gray economy and exclusively based on live-out arrangements.

Although this work is low paid, and none of the three groups are economically dependent on their earnings, the category of class is relevant in the informal childcare market. Female pensioners supplement their low pensions with care work in the gray economy in order to improve their financial situation, while for students the payment is more like pocket money. Informal paid childcare is highly valued work in Slovenia and is ethnicized, as childcare providers are native Slovene young and elder women. The age of the childminder influences the relationship between employer and employee, whereby on the basis of "work experience" elder childminders seem to be more respected and valued by parents but, on the other hand, are also more expected to adjust to parent's needs.

Informal paid childcare, as shown, is a morally rewarding work and desirable in distinction from other paid domestic work, such as cleaning, but also in contrast to public childcare, as it carries on the traditional notion of childcare as nonwork, or a labor of love that care providers perform not primarily for money but out of their love for children. The emotional relations with children and their joy and love for children mask the unequal relations between parents and childminders and are understood as "adding value" to the low wages. Apart from low pay, and a few cases where informal childminders were paid less than agreed upon or payment was delayed, no cases of abuse or exploitation were observed in either study. It seems that the context of informal paid childcare, which is organized as a live-out situation and on which private childcare providers are not economically dependent, gives them greater autonomy and independence.

Informal paid childcare, as argued in this article, seems to be a positive solution for both groups, parents and informal childcarers, offering specific small-scale services that are not provided by the state. However, this work is performed in the gray economy and as such puts parents, children, and private informal childcarers in a risky situation. In the wider context of the childcare system in Slovenia over the last few decades, it is clear that the state is unable to regulate the informal childcare market and ensure that this work is performed legally, thus making it a better option for parents, children, and informal childcare providers.

REFERENCES

- Bettio, Francesca, and Janneke Plantenga. 2004. "Comparing Care Regimes in Europe." *Feminist Economics* 2(1):85–113.
- Boh, Katja, and Nevenka Černigoj Sadar. 1980. "Spreminjanje življenjskih vzorcev v družini." Research report, Raziskovalna skupnost Slovenije, Ljubljana.
- Fodor, Éva, Christy Glass, Janette Kawachi, and Livia Popescu. 2002. "Family Policies and Gender in Hungary, Poland, and Romania." *Communist and Post-Communist Studies* 35(4):475–490.

- Hobson Barbara, Jane Lewis, and Birte Siim, eds. 2002. *Contested Concepts in Gender and Social Politics*. Cheltenham, UK: Edward Elgar.
- Hrženjak, Majda. 2012. "Hierarchization and Segmentation of Informal Care Markets in Slovenia." *Social Politics* 19(1):38–57.
- Hrženjak, Majda, and Živa Humer. 2011. "Informal Care Work Market from the Perspective of Local Care Workers." Pp. 99–119 in *Politics of Care*, edited by Majda Hrženjak. Ljubljana: Peace Institute–Institute for Contemporary Social and Political Studies.
- Humer, Živa. 2009. "Etika skrbi, spol in družina: Procesi relokacije skrbi med zasebno in javno sfero." PhD dissertation, Faculty of Social Sciences, University of Ljubljana.
- Humer, Živa, and Metka Roksandič. 2013. "Protikrizni ukrepi in enakost spolov." Research report, Ženski lobi Slovenije, Ljubljana. Retrieved October 3, 2016 (http://www.zenskilobi.si/images/DOKUMENTI/ANALIZE/PROTIKRIZNI_UKREPI_ENAKOSTSPOLOV.pdf).
- Javornik, Jana. 2014. "Farewell to Male Breadwinning: Resurrecting the Socialist Past to Better Understand the Post-Socialist Present." Paper presented at the conference "Revisioning Gender: Complex Inequalities and Global Dimensions," June 13–14, Stockholm, Sweden.
- Jogan, Maca. 2001. *Seksizem v vsakdanjem življenju*. Ljubljana: Fakulteta za družbene vede.
- Jogan, Maca. 2014. "Družbena neenakost spolov v postsocialistični zavesti na Slovenskem." Paper presented at the conference "Women 20 years after Beijing," November 13–14, Brdo pri Kranju, Slovenia.
- Kocourková, Jiřina. 2011. "Czech Republic: Normative or Choice-Oriented System?" Pp. 51–69 in *The Politics of Parental Leave Policies: Children, Parenting, Gender and the Labour Market*, edited by Sheila B. Kamerman and Peter Moss. Bristol, UK: Policy Press.
- Korintus, Marta, and Nada Stropnik. 2009. "Hungary and Slovenia: Long Leave or Short?" Pp. 135–159 in *The Politics of Parental Leave Policies: Children, Parenting, Gender and the Labour Market*, edited by Sheila B. Kamerman and Peter Moss. Bristol, UK: Policy Press.
- León, Margarita, ed. 2014. *The Transformation of Care in European Societies*. Basingstoke, UK: Palgrave Macmillan.
- Lister, Ruth, Fiona Williams, Anneli Anttonen, Jet Bussemaker, Ute Gerhard, Jacqueline Heinen, Stina Johansson, Arnlaug Leira, Birte Siim, and Constanza Tobio, with Anna Gavanas. 2007. *Gendering Citizenship in Western Europe: New Challenges for Citizenship Research in a Cross-National Context*. Bristol, UK: Policy Press.
- Mahon, Ranne, and Fiona Robinson, eds. 2011. *Feminist Ethics and Social Policy: Towards a New Global Political Economy of Care*. Vancouver: University of British Columbia Press.
- Polese, Abel, Jeremy Morris, Borbála Kovács, and Ida Harboe. 2014. "Welfare States' and 'Social Policies' in Eastern Europe and the Former USSR: When Informality Fits In?" *Journal of Contemporary European Studies* 22(2):184–198.
- Rakar, Tatjana, Ružica Boškič, Urban Boljka, Polona Dremelj, Mateja Nagode, Andreja Črnak-Meglič, and Liljana Rihter. 2010. "Raziskava o potrebah družin po različnih oblikah storitev." Research report, Inštitut Republike Slovenije za socialno varstvo, Ljubljana. Retrieved October 3, 2016 (http://www.irssv.si/upload2/Microsoft%20Word%20-%20koncno_porocilo_7.pdf).
- Šadl, Zdenka. 2006. "Plačano gospodinjsko delo v Sloveniji." *Družboslovne razprave* XXII(53):33–54.
- Saxonberg, Steven. 2011. "Tensions in Family Policies in Post-Communist Central Europe." Pp. 52–79 in *Care between Work and Welfare in European Societies*, edited by Birgit Pfau-Effinger and Tine Rostgaard. Basingstoke, UK: Palgrave Macmillan.
- Statistični urad Republike Slovenije. 2015. "Predšolska vzgoja in izobraževanje v vrtcih, Slovenija, šolsko leto 2014/2015." Retrieved January 5, 2016 (<http://www.stat.si/StatWeb/prikazi-novico?id=5162&idp=9&headerbar=7>).
- Stropnik, Nada, and Milivoja Šircelj. 2008. "Slovenia: Generous Family Policy without Evidence of Any Fertility Impact." *Demographic Research* 19(26):1019–1058.
- Tronto, Joan. 2002. "The 'Nanny' Question in Feminism." *Hypathia* 17(2):34–51.
- Tsuji, Yuki. 2011. "Reimagined Intimate Relations: Elder and Child Care in Japan since the 1990s." Pp. 111–127 in *Feminist Ethics and Social Policy: Towards a New Global Political Economy of*

- Care*, edited by Ranne Mahon and Fiona Robinson. Vancouver: University of British Columbia Press.
- Van Hooren, Franca. 2014. "Migrant Care Work in Europe: Variety and Institutional Determinations." Pp. 62–83 in *The Transformation of Care in European Societies*, edited by Margarita León. Basingstoke, UK: Palgrave Macmillan.
- Vojnovič, Maja, ed. 1996. *Situacijska analiza o položaju otrok in družin v Sloveniji*. Ljubljana: Slovenski odbor za Unicef.
- Williams, Fiona. 2005. *Rethinking Families*. London: Calouste Gulbenkian Foundation.
- Williams, Fiona. 2011. "Towards a Transnational Analysis of the Political Economy of Care." Pp. 21–39 in *Feminist Ethics and Social Policy: Towards a New Global Political Economy of Care*, edited by Ranne Mahon and Fiona Robinson. Vancouver: University of British Columbia Press.

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ЗАБОТА О ДЕТЯХ В СЛОВЕНИИ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА НЕФОРМАЛЬНЫЕ РЫНКИ ДОМАШНИХ УСЛУГ

Жива Хумер, Майда Хрженяк

Жива Хумер – научный сотрудник Института мира – Института современных социально-политических исследований в Любляне (Словения). Адрес для переписки: Peace Institute–Institute for Contemporary Social and Political Studies, Metelkova 6, 1000 Ljubljana, Slovenia. ziva.humer@mirovni-institut.si.

Майда Хрженяк – старший научный сотрудник Института мира – Института современных социально-политических исследований в Любляне (Словения). Адрес для переписки: Peace Institute–Institute for Contemporary Social and Political Studies, Metelkova 6, 1000 Ljubljana, Slovenia. majda.hrzenjak@mirovni-institut.si.

В статье рассматривается влияние государственных мер по охране семьи и детства на организацию формальной и неформальной заботы о детях, в том числе на статус этой работы и положение работников, оказывающих услуги по нерегламентированному уходу за детьми в частных домохозяйствах Словении. Авторы анализируют современную словенскую политику охраны детства в концептуальных рамках дефамилизации воспитания детей, что позволяет им понять не только особенности этого явления в Словении (в сравнении с другими странами Центральной и Восточной Европы), но и структурные характеристики неформального рынка услуг по уходу за детьми, для которого типичны приходящие няни и высокие стандарты индивидуального ухода, обеспечиваемого в большей степени местными пенсионерками и студентками. Эмпирический материал был собран в результате проведения двух качественных исследований по изучению рынка неформальных платных услуг по уходу и процессов делегирования заботы о детях в Словении, в частности, точек соприкосновения между (бес)платным неформальным и формальным уходом.

Ключевые слова: забота о детях; политика заботы; дефамилизация; неформальные рынки услуг по уходу за детьми; воспитатели; Словения

КУЛЬТУРНЫЕ МОДЕЛИ КЛАССОВОГО НЕРАВЕНСТВА В СФЕРЕ НАЕМНОГО ДОМАШНЕГО ТРУДА В РОССИИ

Елена Здравомыслова, Ольга Ткач

Елена Здравомыслова – профессор Европейского университета в Санкт-Петербурге, координатор проектов Центра независимых социологических исследований (ЦНСИ). Адрес для переписки: Европейский университет в Санкт-Петербурге, ул. Гагаринская, 3, Санкт-Петербург, 191187, Россия. zdrav@eu.spb.ru.

Ольга Ткач – научный сотрудник Центра независимых социологических исследований (ЦНСИ). Адрес для переписки: Центр независимых социологических исследований, а/я 193, Санкт-Петербург, 191040, Россия. tkach@cisi.ru.

Авторы статьи выражают благодарность Катерине Герасимовой, Анне Роткирх, Анне Темкиной, Виктору Воронкову и анонимным рецензентам за комментарии и полезные советы.

В статье, основанной на исследовательских интервью и материалах СМИ, анализируется создание классового неравенства в процессе взаимодействия наемных домашних работников и их работодателей в российских домохозяйствах. Концепция диалектики контроля позволяет проанализировать, каким образом в частной сфере находят выражение два устойчивых паттерна культуры неравенства. Первая модель «демонстративного неравенства» (вос)производится в процессе взаимодействия современных «хозяев» и «прислуги». Позиция домашнего работника в данном случае конструируется как подчиненная по отношению к работодателю. На формирование такого статуса работают механизмы дистанцирования, контроля, вербальной сигнификации и эксплуатации. Вторая модель «эгалитарного неравенства» поддерживается новым средним классом профессионалов и управленцев и их помощниками по хозяйству. Она предполагает диалог и обратную связь в отношениях между нанимателем и домашним работником, а также сокращение социальной дистанции и сглаживание иерархии между акторами. Обе стороны контракта демонстрируют взаимопонимание, основанное на персонализированном доверии. В исследовании учитываются гендерные структурные характеристики домашнего труда и семейного разделения труда, а также особенности российского рынка домашних работников, связанные с внутри- и междустрановыми миграционными потоками в постсоветском пространстве.

Ключевые слова: классообразование; культуры неравенства; оплачиваемый домашний труд; отношения между нанимателем и домашним работником; Россия

В настоящее время оплачиваемый домашний труд в российских городах является массовым феноменом. Первые современные агентства по найму домашнего персонала стали появляться в постперестроечной России. В 2000-х годах – период роста экономики и социального неравенства – возростал и спрос на услуги домашних работников. Коммодификация домашней заботы происходит в условиях дефицита семейной и институциональной заботы в обществе, где по-прежнему доминирует контракт работающей матери, в сфере домашнего труда наблюдается гендерный дисбаланс (основную работу выполняют женщины), формируются контракты спонсируемой женщины и домашней хозяйки (Темкина и Роткирх 2002; Градскова 2010). В российском контексте спрос на домашний труд остается высоким, а структура рынка отображает глобальные тренды, при которых значимый сегмент домашнего труда составляют внутренние и транснациональные мигрантки.

Российский, как и мировой, рынок домашней заботы имеет женское лицо¹. Он остается в значительной степени теневым, конкурентным; он диверсифицирован и формируется из разных социальных сегментов. Частично этот рынок вышел из тени и профессионализировался в 2010-е годы благодаря изменениям в правовом регулировании домашнего труда², изменению режима трудовой миграции и усилению участников рынка.

Исследователи выделяют три категории работниц, которые в настоящее время концентрируются на рынке домашних услуг:

- 1) местные жительницы;
- 2) внутренние мигрантки – из регионов Российской Федерации;
- 3) мигрантки из стран ближнего зарубежья (Центрально-Азиатский и Восточно-Европейский регионы).

¹ Данная статья основана на интервью с женщинами – нанимательницами и домашними работницами, однако в тексте, наряду с последним, используется и обобщающий термин «домашний работник» (domestic worker), употребляемый в дискуссии о домашнем труде.

² В 2011 году Международная организация труда (МОТ) приняла Конвенцию № 189, или «Конвенцию о достойном труде домашних работников». В ней формулируются основные принципы и трудовые нормы в этом секторе занятости, особенностями которого во всем мире считаются уязвимость работников для дискриминации и частое нарушение их трудовых прав (http://www.ilo.org/wcmsp5/groups/public/---ed_norm/---normes/documents/normativeinstrument/wcms_c189_ru.htm). В настоящее время Конвенцию № 189 ратифицировали 22 государства, среди которых Россия пока не значится. В России действует закон о персональных патентах для трудовых мигрантов (с 2010 года), призванный легализовать и упорядочить трудоустройство мигрантов, желающих работать по найму у российских граждан. Патенты – это разрешения на работу, которые можно было получать и ежегодно обновлять за фиксированную оплату в территориальных органах Федеральной миграционной службы (ФМС), с 2016 года – в территориальных отделениях Министерства внутренних дел (МВД) по вопросам миграции. Несколько лет назад эксперты отмечали, что по патентам работало лишь 20% мигрантов (Карачурина и др. 2014). Данных, отражающих текущую ситуацию после отмены разрешения на работу и введения патента как единственного документа, легализующего трудовой статус мигранта в РФ, на время написания настоящего текста не существует.

Самый уязвимый сегмент рынка – работницы из Центральной Азии. Оплата их труда ниже, чем у местных жителей и внутрироссийских мигрантов. Они чаще работают на условиях, предполагающих их проживание в домохозяйствах, статус мигрантов делает их положение уязвимым. При этом среди занятий мигрантов работа в сфере наемного домашнего труда является сравнительно высокооплачиваемой (Тюрюканова 2011:103). В условиях экономического кризиса последних лет и роста конкуренции местные жители и внутренние мигранты понемногу вытесняют приезжих работников из стран СНГ. По мнению экспертов, в перспективе эта тенденция может усилиться (Карачурина и др. 2014; Варшавская 2015; Полетаев 2015; Портнягина 2016).

Услуги оплачиваемой заботы доступны не всем гражданам, а лишь тем, кто может себе позволить их приобретение. Таким образом, использование наемного домашнего труда может рассматриваться как критерий имущественного неравенства. Отношения между наемными работниками и работодателями мы рассматриваем как поле создания и проявления культурных паттернов классового неравенства в современном российском капиталистическом обществе. Вступая в отношения с наемными работниками, хозяева дома (прежде всего – женщины) утверждают свою позицию собственников и управленцев домохозяйства и таким образом маркируют свою классовую позицию.

Цель данной статьи – проанализировать культурные модели неравенства, артикулированные в процессе классообразования в современном российском обществе в пространстве домохозяйства, нанимающего домашнего работника. В мире домашних отношений, как и в публичной сфере, производятся классовые различия и неравенства (Rotkirch, Tkach, and Zdravomyslova 2012). Наемный труд домашних работников на постоянной и временной основе (оформленный официально или нет) самих граждан страны и мигрантов – одно из структурных условий классообразования. Классовое неравенство производится во взаимодействиях нанимателей – хозяев дома – и обслуживающего дом персонала. Мы ставим перед собой задачу проанализировать актуализирующиеся культурные модели отношений между нанимателями и наемными работниками. При этом мы опираемся на культурное и процессуальное толкование категории класса, а значит, анализируем, как формируется культура классового неравенства. Нас интересуют достаточно устойчивые и продолжительные отношения домашних работников и их работодателей. Случаи разового и спорадического найма уборщиков или бебиситтеров исключены из поля нашего внимания.

Статья организована следующим образом: вначале даются описания эмпирических данных и методов их анализа, затем проясняется теоретическая рамка рассуждений – концептуализируются культурные основания производства класса; описываются основные характеристики домашней работы как контекст исследования. Основная часть сосредоточена на анализе типов культуры отношений.

ЭМПИРИЧЕСКИЕ ДАННЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Ключевым методом эмпирического изучения культурных практик является этнография, однако, на наш взгляд, данные глубинных интервью, отчеты экспертов и опубликованные материалы журналистских расследований также могут быть полезны для изучения культурных моделей, которые проявляются в дискурсивно репрезентированных практиках. В своих рассуждениях мы опираемся на разнообразные данные. Основную эмпирическую базу исследования составляют глубинные фокусированные интервью, собранные в рамках двух исследовательских проектов, осуществленных Гендерной программой факультета политических наук и социологии Европейского университета в Санкт-Петербурге в 2005–2009 и 2009–2011 годах³. В ходе этих исследований собран массив глубинных проблемно ориентированных интервью с нанимателями (в подавляющем большинстве – женщинами), а также нянями, домработницами и сиделками (тоже в основном женщинами).

В первом проекте «Новый быт» было опрошено 67 человек – нанимателей и домашних работников, проживающих в Санкт-Петербурге. Критериями отбора информантов-работодателей (представителей среднего класса) служили высшее образование, занятость в негосударственном секторе на позиции профессионалов, менеджеров разного уровня, наличие детей дошкольного и младшего школьного возраста. Это женщины в возрасте 27–40 лет, 1964–1977 годов рождения. Отбор семей осуществлялся по критерию регулярного использования наемного домашнего труда (няни и домработницы). Массив интервью с нанимателями составляет 44 единицы. Вторую группу информантов составили наемные работники – 10 нянь и 9 домработниц. При отборе информантов – домашних работников – контролировались такие параметры, как пол (18 информанток), возраст (от 25 до 60 лет), занятость – наемный домашний труд, наличие детей (у 17 информанток), гражданство (3 мигрантки).

Второй массив данных собран в рамках проекта «Гендерное устройство частной жизни в российских регионах». В ходе полевой работы было собрано 14 интервью с сиделками, 56 интервью с членами семьи, организующими уход в условиях совместного и раздельного проживания (из них 20 имеют опыт найма сиделок), 9 интервью с пожилыми людьми, проживающими автономно и самостоятельно нанимающими помощников. В ходе этого проекта жители трех городов (Архангельска, Казани и Самары), являющиеся представителями среднего класса, рассказывали о том, как организована забота о пожилых членах семьи. Возраст зависимых членов семьи варьировался в диапазоне от 60 до 96 лет. Нашими собеседниками-нанимателями в этом проекте были высокообразованные мужчины и женщины в возрасте от 28 до 61 года, профессионалы высокого уровня квалификации, занятые в государственном или частном секторе. Все сиделки – жен-

³ Проект «“Новый быт”: формы семейной организации и изменение домашнего пространства» поддержан Академией наук Финляндии; проект «Гендерное устройство частной жизни в российских регионах» поддержан Фондом Форда, грант № 080-1405, и корпорацией «Новартис». Подробное описание данных см.: Здравомыслова, Темкина и Роткирх (2009); Ткач (2009).

щины, возрастной диапазон – от 20 до 72 лет, среди сиделок – 2 трудовые мигрантки из Киргизии⁴.

Интервью проводились с путеводителями, разработанными для разных категорий информантов. Гид интервью с домашними работниками – нянями, домработницами и сиделками – включал темы, посвященные истории занятости, условиям контракта, конфликтам в отношениях. Гид интервью с нанимателями – темы, связанные с мотивацией обращения к услугам наемного домашнего труда, с историями отношений с домашними работниками разного профиля, условиями контракта, конфликтными ситуациями взаимодействия. Все интервью были записаны на диктофон и транскрибированы в технике «умный верbatim». В фокусе анализа находился опыт взаимодействия домашнего персонала и нанимателей. Для написания этой статьи мы вновь обратились к данным, собранным в исследованиях 2005–2011 годов, чтобы проанализировать культурные модели классового неравенства. В качестве новых источников использованы 3 интервью с домашними работницами и столько же – с нанимательницами, проведенные в Санкт-Петербурге в 2014–2016 годах с обновленными путеводителями. В этих новых интервью мы ориентировались на сбор материала, связанного с домашним оплачиваемым трудом мигрантов из стран Центральной Азии и бедных регионов России.

Еще один блок данных составляют материалы сайтов агентств по найму домашнего персонала (всего 15 сайтов). Отбор сайтов агентств, представленных в Интернете, осуществлялся по ключевым словам и посещаемости. Кроме того, в качестве источников использовались сайты тех агентств, которые упоминались в журналистских материалах и оценивались экспертами как устойчивые и надежные. В результате в фокусе внимания оказались московские и петербургские сайты. Материалы проанализированных сайтов содержат информацию, адресованную потенциальным клиентам – название и адрес бюро, реклама предлагаемых услуг, справочно-информационные материалы по тематике предлагаемых услуг, а также инструкции и образовательные ресурсы в виде руководств по ведению домашнего хозяйства, поиску надежных домашних работников, руководств для домашних работников. Как правило, такие руководства содержат специальные разделы, посвященные культуре отношений персонала с работодателями, моральным аспектам домашнего оплачиваемого труда. Именно эти тексты стали объектом нашего внимания.

⁴ В большинстве из рассмотренных домохозяйств использовался труд одной домашней работницы – няни, уборщицы или сиделки. Однако в трех случаях наниматели имели двух работников; в рассказах наемных работниц есть отсылки к случаям занятости в домохозяйствах, использующих труд трех или более работников. К сожалению, в наших первичных данных недостаточно представлены интервью с мигрантками из ближнего зарубежья. Однако собранные нами рассказы о наемном домашнем труде, представленные домашними работницами и нанимательницами, содержат отсылки к опыту трудоустройства и работы мигрантов в домашнем хозяйстве. Единицей анализа в рамках данного исследования является история взаимодействия между домашними работниками и нанимателями; материал для анализа взаимодействия трудовых мигрантов, занятых в домашнем хозяйстве, и их и нанимателей мы черпали из этих историй.

Третий блок данных, которые носят вспомогательный характер, составляют аудио-, видео- и печатные журналистские расследования и материалы. Среди них записи передач радиостанции «Эхо Москвы», посвященные организации домашнего труда нянь и домработниц в России и в других странах, видеоматериалы – документальные видеопроекты «Рублевские жены», «Жены олигархов», «Прислуга – звездная жизнь». Мы отобрали их по содержательному принципу. Эти видеопроекты демонстрировались в телевизионных программах, а затем получили широкое распространение в Интернете. Документальные фильмы содержат видеointervью с нанимательницами и домашними работницами, которые обращаются к тематике нашего исследования⁵.

Дополнительными источниками стали журналистские статьи на тему оплачиваемого домашнего труда, опубликованные в газетах и журналах в период с 2005 по 2016 год. Среди журналистских статей мы отбирали те, которые основаны на полевых материалах. В ходе одного расследования журналистка работала в качестве домашней работницы (Лонская 2011); в другом случае автор публикации была слушательницей на курсах для домашнего персонала (Боброва 2006).

Для анализа текстов источников и интервью использовалась адаптированная методика тематического кодирования (Flick 2009:305–333). Эта техника предполагает многоступенчатый секвенционный анализ текстов. Первоначально, а priori, исследователь выделяет в каждом тексте фрагменты, в которых освещаются темы, связанные с исследовательским вопросом; воссоздается тематическая структура каждого случая. Второй шаг анализа предполагает обращение к методикам кодирования, разработанным в рамках методологии обоснованной теории. Кодированию подвергаются выделенные тематические секвенции. Осевое кодирование позволяет сравнить отдельные тексты и выявить ключевые категории, которые определяют смысловой горизонт изучаемого опыта (в данном случае – практик взаимодействия домашних работниц и нанимателей).

В качестве дополнительных вторичных источников также использовались опубликованные результаты исследований наемного домашнего труда (Тюрюканова 2011; Флоринская, Тюрюканова и Зайончковская 2011; *Практика использования...* 2012; Карачурина и др. 2014; Варшавская 2015; Полетаев 2015; Ткач 2015; Черных 2015). В публикациях представлены фрагменты записи фокус-групп и интервью, освещающие опыт взаимодействия наемных домашних работников – мигрантов и домохозяев. Эти работы помогли нам воссоздать контекст – масштаб, структуру и основные характеристики рынка домашнего труда в РФ, а в особенности – дополнить наши первичные данные в части, касающейся использования наемного домашнего труда мигранток.

⁵ Передача «Своими глазами: как в Москве выбирают нянь», радио «Эхо Москвы», 2 марта 2016 года (<http://echo.msk.ru/programs/svoi-glaza/1722174-echo>); программа «Жены олигархов», 23 выпуска, телеканал НТВ (http://videomore.ru/zheny_oligarhov); документальный проект «Прислуга – звездная жизнь», телеканал СТБ (<https://www.youtube.com/watch?v=hhKiwLNh4jQ>); передача «Рублевские жены» в программе «Профессия – репортер», телеканал НТВ (<https://www.youtube.com/watch?v=521ZxcIgcug>).

Итак, материалом для наших рассуждений стали различные данные – интервью, которые мы проводили сами, а также данные, собранные другими исследователями, материалы журналистских расследований и телепрограмм. Разнообразие данных позволяет комплексно рассмотреть изучаемый феномен – формирование культуры неравенства, обеспечивает следование принципу триангуляции, позволяющему сопоставить данные и найти подтверждение своих идей в различных источниках.

КЛАССООБРАЗОВАНИЕ, КУЛЬТУРА И НАЕМНЫЙ ДОМАШНИЙ ТРУД: ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ РАМКА

Проясним теоретическое понимание формирования классового неравенства в данном исследовании. Понимание класса различается в разных социологических теориях. В данном случае мы анализируем *формирование класса* в культурно-символическом и процессуальном измерении. Эта теоретическая позиция опирается на концепцию классов Пьера Бурдьё ([1980] 2001) и развивается такими исследователями, как Беверли Скеггс (Skeggs 2004), Суви Салменниemi (Salmenniemi 2012) и др. Культура рассматривается нами как «воображаемая шкатулка с различными инструментами, включающими символы, рассказы, ритуалы, мировоззрения, которые используются акторами в разных сочетаниях для решения разнообразных жизненных проблем» (Swidler 1986:277). Эта «шкатулка» содержит репертуар действий, которые акторы, принадлежащие к одному культурному пространству, считают подходящими в конкретной ситуации. Подспудный репертуар действий формирует общие культурные модели организации действий, предпринимаемых для достижения целей. Культурные модели (или схемы) (взаимо)действий проявляют удивительную живучесть, но далеко не всегда явно артикулируются действующими лицами. Изменение ключевых культурных моделей требует усилий действующих лиц, времени и ресурсов. Необходимы усилия заинтересованных акторов, тематизированная общественная дискуссия, критика устоявшихся паттернов действия, выдвижение и апробация альтернатив.

В этой статье участники рынка домашнего труда, наниматели и работники в сфере домашнего хозяйства, а также посредники на этом рынке (агентства занятости и эксперты) рассматриваются как активные действующие лица, вступающие в отношения обмена, которые занимаются культурной работой, активизируя одни культурные схемы, проблематизируя другие, при этом стараясь продвинуть ту модель проявления классового неравенства, которая кажется им наиболее подходящей.

При анализе культурных аспектов классообразования до сих пор эвристически ценной представляется позиция Торстейна Веблена, который в начале XX века анализировал значение подчиненного домашнего труда для формирования класса собственников. Основатель институционального подхода подчеркивал исключительную роль *личной* прислуги в создании классовых различий, функции которой сочетают инструментальность и демонстрацию статуса домовладельца. Жены представителей имущих классов на свой лад (с учетом гендерной роли) демон-

стрируют статус домохозяйства, отказываясь от «грязной работы» и освобождая свой досуг для тех занятий, которые считаются маркерами престижа (Веблен [1899] 1984). Таким образом, стиль жизни имущих классов характеризует «праздность», понимаемая весьма специфично – как досуг, приобретаемый за счет освобождения от ряда рутинных занятий и используемый для демонстрации статуса с помощью практик потребления. Хотя работа Веблена относится к иному контексту, его сегодняшнее прочтение позволяет уловить семейное сходство между описываемыми им практиками классового утверждения в сфере домохозяйства и современными способами организации домашнего быта, к которым обращаются экономически привилегированные классы.

Отношения классового неравенства (в сфере домохозяйства) мы вслед за Энтони Гидденсом рассматриваем через призму трех взаимосвязанных, культурно предопределенных процессов⁶. Во-первых, неравные отношения утверждаются с помощью *сигнификации взаимодействий*. Действующие лица именуются, отношения между ними также маркируются вербально. При этом задействуются культурные модели, на которые опираются акторы⁷. Во-вторых, неравенство создается через практики *управления иерархией* в условиях домашней работы. Наниматель формирует спрос, составляет условия договора, проводит отбор кандидатов, старается обеспечить контроль исполнения. Однако этот контроль не является всеохватным, поэтому в отношениях найма так важно межличностное доверие. Со своей стороны домашние работники обладают ресурсами осведомленности, компетенции, вовлеченности, позволяющими им сохранять автономию и оказывать влияние на условия своей занятости. Эмоциональная работа и слабая формализация домашней заботы сказываются особым образом на управлении иерархией. В-третьих, неравенство регулируется *механизмами легитимации*, которые задают нормы и стандарты поведения в отношениях между нанимателем и домашним персоналом. Легитимация отсылает не только к правовым нормам и идеологиям, но и к пониманию горизонта допустимого (укладывающегося в понятие норм) поведения домашних работников и нанимателей.

Итак, классовое неравенство создается взаимодействиями между оплачиваемым домашним работником и нанимателем. При этом проявляются культурные модели сигнификации, легитимации и управления иерархией. Однако культурные модели могут проблематизироваться, конкурировать за гегемонию, что характерно в контексте неустойчивости правил и размытости классовых границ. В культур-

⁶ Отношения неравенства анализируются здесь в категориях диалектики контроля (Гидденс 2005). Диалектика контроля определяется как система зависимости и автономии в отношениях устойчивого неравенства, при которой властные преимущества оказываются на стороне нанимателя-хозяина дома, но домашние работники также обладают ресурсами, позволяющими им влиять на условия договора и правила взаимодействия.

⁷ Ранее мы уже писали о том, что информанты актуализируют модели традиционной няни и бебиситтера, опираясь на культурные модели прошлого и современности (см.: Ткач 2009; Zdravomyslova 2010; Rotkirch et al. 2012). В данной статье мы обращаем внимание на те значения, которыми насыщены дискурсы о самих работодателях и отношениях власти между ними и работниками.

ную работу по сигнификации и легитимации вовлечены все участники поля: прежде всего наниматели и работники, а также их посредники – представители агентств по найму домашнего персонала и различные эксперты.

Прежде чем проанализировать обсуждаемые и апробируемые в современном российском обществе культурные модели классового неравенства, актуализированные во взаимодействиях домашних работников и их нанимателей, обратимся к анализу контекста. В данном случае это структурные характеристики наемного домашнего труда, то есть тот фон, который придает смысл практикам проявления неравенства в современном российском капиталистическом обществе⁸.

СТРУКТУРНЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ НАЕМНОГО ДОМАШНЕГО ТРУДА

Домашний труд в последние десятилетия стал объектом пристального внимания социологов. Особый вклад в его изучение вносят феминистские исследователи (Здравомыслова и Темкина 2014). Исследователи выделяют универсальные существенные характеристики оплачиваемого домашнего труда и особенности организации рынка труда в современных капиталистических обществах, включая и постсоциалистические вообще, и конкретно Россию (Ткач 2009; Finch and Mason 1993; Gregson and Lowe 1994; Parreñas 2001; Pine and Haukanes 2005; Lutz 2008, 2011; Dahl, Keränen, and Kovalainen 2011; Hrženjak 2011; Kovács 2014; Morris and Polese 2014; Sekeráková Búříková 2015). В некоторых аспектах функционирование рынка домашнего труда в России подчиняется общим трендам современного глобального капитализма в его неолиберальной фазе, однако существуют и особенности, связанные с недостатками регулирования, устойчивой неформальностью найма и обостренным вниманием к повседневному проявлению неравенства в сфере потребления и организации домашнего быта. Хотя наемный домашний труд существовал и в социалистическом прошлом, масштабы спроса и предложения были принципиально ниже, регулирование осуществлялось исключительно теневым образом, а центростремительные миграционные потоки домашних работников были ограничены (Клюц 2012). Современные исследователи осмысливают наемный

⁸ То, что современное российское общество является разновидностью капиталистической формации, не вызывает сомнения у исследователей. Однако специфика современного российского капитализма является предметом дебатов (которые не рассматриваются в данной статье). Для обозначения особенностей российской капиталистической формации используются такие термины, как «кумовской капитализм», «государственно-монополистический капитализм», «государственный капитализм», «бюрократический капитализм», «периферийный капитализм», «сырьевой капитализм», «номенклатурный капитализм». В любом случае свободный наемный труд, неравенство на рынке труда, включенность в глобальные потоки рабочей силы, поляризация имущественного положения являются характеристиками состояния российского общества. При этом несомненно, что российский капитализм – как бы мы его не определяли – сохраняет трансформированные черты социалистического прошлого. Мы предполагаем, что чувствительность общественного сознания к проблематике классового неравенства частично объясняется наследием советской эгалитарной идеологии, а также быстрым и нелегитимным обогащением одних социальных групп, обеднением других и ростом социальной поляризации.

домашний труд в категориях заботы, предполагающей вовлеченность работника в сферу приватной жизни, размытость границы между приватным и публичным режимом взаимодействий, а также эмоциональные инвестиции в эти отношения (см., например: Graham 1983). В современных капиталистических обществах, включая российское, коммерциализация заботы связана с процессами экономической глобализации. На производство культурных образцов в условиях коммерциализации заботы влияют, во-первых, процессы профессионализации домашнего труда, во-вторых, его во многом неформальный характер, в-третьих, гендерные и этнические характеристики этого рынка.

Одной из ключевых характеристик современного наемного домашнего труда является *дуализм профессионализации и неформализации*. Профессионализация домашнего труда – процесс превращения его в профессию, то есть стандартизированную специализированную занятость, регулируемую законодательством, предполагающую специальную подготовку, удостоверяемую дипломами, потенциально контролируемую экспертным сообществом. Проводниками профессионализации домашнего труда являются все участники рынка – сами наемные работники, наниматели и посредники в виде агентств занятости. Особую роль в профессионализации играют руководства для домашнего персонала и хозяек дома, образовательные курсы (часто организуемые при агентствах по найму домашнего персонала). В ходе обучения обсуждаются различные культурные модели взаимодействий персонала и нанимателя, нормы и отклонения от них. Профессионализация «сверху» дополняется профессионализацией «снизу», под которой мы понимаем усилия самих домашних работников по созданию монополии на экспертное знание, определению стандартов занятости, типов оплаты труда, оформлению договорных отношений, а также попытки создать сообщества домашних работников, отстаивающих свои права (Ткач 2011)⁹. Дискуссия о культуре отношений между профессиональным домашним работником и его нанимателем – часть проекта профессионализации.

Другой значимый тренд – *неформализация*, которая неоднозначным образом связана с профессионализацией. Неформализация предполагает, что значительный сегмент рынка оказывается в тени, а это в свою очередь создает барьеры профессионализации. Высокую степень неформализации оплачиваемого домашнего труда трудно объяснить исключительно стратегией бедности или особенностями постсоциалистической экономики, хотя оба эти фактора имеют значение (Graham 1983; Morris and Polese 2014). Устойчивая неформализация, на наш взгляд, определяется тем, что домашнее хозяйство принадлежит к приватной сфере, и отношения найма складываются на основе домашней собственности и заботы о домочадцах (об этом см., например: Pfau-Effinger 2009; Zdravomyslova 2010; Trimikliniotis and Fulas-Souroulla 2013; Kovács 2014; Morris and Polese 2014; Tolstokorova 2014). Локализация в приватной сфере позволяет

⁹ Однако в российском контексте попыток коллективной мобилизации в защиту трудовых прав домашних работников крайне мало. Вопросы защиты требуют выхода из тени, а теневой контракт до сих пор обладает явными преимуществами в глазах клиентов агентств занятости и домашних работников (см.: Варшавская 2015; Zdravomyslova 2010; Tolstokorova 2014).

оплачиваемому домашнему труду избегать вмешательства государства и экономических транзакций формального типа (Magyari-Vincze 2006)¹⁰. Кроме того, объем домашней работы с очень большим трудом поддается регламентации, ее результаты трудно оценить, и личное доверие крайне необходимо, поскольку речь идет об интервенции чужаков в пространство частной жизни (см. также: Ehrenreich and Hochschild 2003). Одним из аспектов, способствующих отсутствию формализации, является персонализация отношений, то есть формирование близких лично ориентированных отношений между работодателями и домашними работниками. Такая близость и переход на дружеские, квазиродственные отношения с домохозяйками-нанимателями особенно характерна для работы нянь. При этом персонализированные отношения могут вести к эксплуатации и извлечению прибыли от эмоциональной работы (Rollins 1985; Gregson and Lowe 1994; Stiell and England 1997). Персонализация нормализуется обеими сторонами взаимодействия и находит выражение в различных практиках (Здравомыслова 2009; Ткач 2009)¹¹.

Итак, домашняя забота балансирует между неформализацией и профессионализацией и принадлежит одновременно двум мирам – трудовых контрактных и близких персонализированных отношений (Галиндабаева 2010). Хотя в постсоветском контексте баланс этих двух трендов складывается в пользу неформализации, они оба актуализируют культурные образцы во взаимодействиях наемных работников и нанимателей в сфере домашнего труда (Ткач 2009; Rotkirch et al. 2012).

Вторая особенность сферы оплачиваемого домашнего труда связана с тем, что она формируется *комплексной структурой неравенства по критериям гендера, класса и этничности (расы)*. Рассмотрим каждый аспект этой сложной интерсекциональной обусловленности.

Гендерный профиль спроса и предложения на домашний труд укоренен в современном российском обществе (и не только в нем). Женщины являются ответственными за организацию домашнего быта, независимо от того, заняты ли они на рынке труда или являются домохозяйками. Большинство домашних работников – женщины: уборка, уход за детьми и за престарелыми маркированы как сфера их ответственности. Отношения между женщинами, занимающими разные позиции на социально-экономической лестнице, складываются как отношения гендерной иерархии. Покупая домашнюю заботу, поставщиками которой также являются в основном женщины, представительницы привилегированных слоев освобождают свое время и силы для других занятий (Евдокимова 2004; Здравомыслова и др.

¹⁰ Как остроумно замечает Борбала Ковач, «хотя большинство исследователей стараются ответить на вопрос, почему наниматели предпочитают неформальный контракт (с домашним работником), вопрос нужно поставить иным образом – почему они должны предпочитать формальный контракт?» (Kovács 2014:70).

¹¹ Дарение – одна из практик персонализации – усиливает позитивный образ нанимателя как доброго и великодушного человека. Практики дарения сохраняют дистанцию, если они являются односторонними. Их реципрокность (взаимность) свидетельствует о встречных усилиях сокращения социальной дистанции – сближения (Romero 1992; Polese 2008).

2009; Клоц 2012; Anderson 2002; Ehrenreich and Hochschild 2003). Нанимательницы представляют различные гендерные контракты и следуют различным культурным паттернам. Как мы покажем далее, модели отношений с домашними работниками различаются, варьируя в диапазоне от демонстративного проявления до эгалитарного сглаживания неравенства. Исследователи отмечают *этнизацию и расовый характер рынка домашнего труда*, характерные для обществ, включенных в глобальные экономические потоки. Хорошо изучен феномен глобальных цепочек заботы, описанный исследователями в разных контекстах (Gregson and Lowe 1994; Chang 2000; Hochschild 2000; Ehrenreich and Hochschild 2003; Dahl et al. 2011). В основе этнизации оплачиваемого домашнего труда лежит глобальное экономическое неравенство, идеология оценивания труда работника в зависимости от степени экономического благополучия региона происхождения и культурных стереотипов (Kremer 2007; Lutz 2008, 2011).

Особенности российского рынка домашнего персонала в последние годы стали предметом социологического интереса. Перечислим еще раз ключевые характеристики этого рынка. Сочетание профессионализации и неформализации, воспроизводство комплексного (интерсекционального) гендерного, классового и этнического неравенства в условиях найма домашних работников, конкурентный характер сегментированного рынка домашних услуг, характерные цепочки заботы, протянутые в пространстве бывшего СССР. Для домашних работников-мигрантов в России актуальными являются наследие советской империи и последующая география бедности, которая определяет потоки миграции в российские города из стран ближнего зарубежья или удаленных от столиц и неблагополучных регионов РФ. Исследователи отмечают, что разные категории домашних работников обладают разным ресурсным потенциалом в управлении неравными отношениями. Из всех специальностей домашних работников наибольшим спросом пользуются няни и сиделки. Среди всех категорий занятых в этой сфере самыми уязвимыми являются мигранты из Центральной Азии, которые нередко работают в условиях найма с проживанием на территории работодателя.

Описанные выше структурные характеристики домашнего труда выражаются в отношениях найма. Оплачиваемый домашний труд обладает явно выраженным гендерным профилем. Культурные стереотипы, связанные со страной происхождения, вносят свой вклад в паттерны отношений с домашними работниками. Исследования условий занятости женщин–домашних работниц показывают, что в России домашние работники из Центральной Азии зарабатывают меньше, чаще сталкиваются с дискриминацией и злоупотреблениями, демонстрацией превосходства со стороны нанимателей, у них меньше возможностей влиять на условия найма. Работодатели и работники агентств по подбору персонала зачастую воспринимают мигранток из Таджикистана, Киргизии, Узбекистана, а также с экзотических Филиппин, как более приспособленных к культуре подчинения, проявления которой ожидаются от домашних работниц (*Практика использования...* 2012; Карачурина и др. 2014; Ахундзаде 2015; Варшавская 2015; Полетаев 2015).

Отличительной особенностью российского контекста является проблематизация культуры отношений между нанимателем и наемным работником в сфере

домашних услуг. Мы считаем эту характеристику свидетельством дефицита профессионализации домашнего труда, а также признаком неустойчивости культурной модели проявления классового неравенства (Rotkirch et al. 2012). Кроме того, на международном фоне в этом отношении Россия явно проигрывает по степени защищенности прав оплачиваемых домашних работников. Государство и общественные организации как арбитры трудовых конфликтов слабо представлены в этом поле. Соблюдение трудовых прав фактически отдано на откуп рынку и самим работникам и работодателям, отношения между которыми сохраняют приватный характер, делая участников взаимодействий крайне зависимыми от личностных характеристик сторон и их биографического опыта.

ФОРМИРОВАНИЕ МОДЕЛЕЙ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ В СФЕРЕ НАЕМНОГО ДОМАШНЕГО ТРУДА: РЕЗУЛЬТАТЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В данном разделе мы рассмотрим, каким образом конструируется позиция работодателя в отношениях с оплачиваемым наемным работником. Далее выделяются и подробно анализируются две модели их взаимодействия, сконструированные на основе эмпирических данных.

СОБСТВЕННИЦА, РАСПОРЯДИТЕЛЬНИЦА, ДОМАШНИЙ МЕНЕДЖЕР: СОЗДАНИЕ КЛАССОВОЙ ПОЗИЦИИ НАНИМАТЕЛЬНИЦЫ

Для классовых позиций всех нанимательниц характерны некоторые общие черты. Все они делегируют часть домашнего труда оплачиваемым наемным работникам и в отношениях с ними позиционируют себя как собственницы и рациональные менеджеры-распорядительницы домохозяйства. В рассказах работодательниц дом предстает как хозяйственная система, которая нуждается в правильном и эффективном управлении. Как всякий другой, этот менеджмент зависит от масштаба, инвестиций, количества домочадцев и их потребностей. Очевидно, что жилье представителей среднего класса скромнее и требует меньших усилий в обслуживании, нежели загородные виллы, дома в коттеджных поселках или квартиры в элитных кварталах. Спектр домашних дел зависит от формы организации семьи. Наличие детей, больных и немощных домочадцев, домашних животных ставит особые задачи перед организатором быта и заботы, которым выступает прежде всего женщина. Стиль управления домохозяйством варьируется, однако функции домашнего менеджера опираются на гендерную идеологию дома и семьи. Наши исследования показывают, что домашнее пространство выполняет функцию убежища, демонстрации социального статуса и престижного потребления для своих обладателей. Гендерная идеология предписывает женщинам ответственность за организацию повседневной жизни семьи (Андреева 2009; Гладарев и Цинман 2009; Здравомыслова и др. 2009; Шпаковская 2009).

Среди разнообразных задач домашнего менеджмента подбор, обучение и воспитание персонала, составление перечня заданий, обеспечение инструментом, контроль выполнения работ. Нанимательница действует полифункционально: как мини-агентство занятости, подрядчик, супервайзер, соисполнитель. Однако в слу-

чае оплачиваемого домашнего труда невозможно перевести все аспекты взаимодействия в отношения управления собственностью и менеджмента, потому что речь идет о *покупке заботы*. Такой менеджмент предполагает управление эмоциями (Симонова 2012; Hochschild 1983). Менеджер домохозяйства создает свою классовую позицию, вступая в персонализированные отношения с нанимаемым.

В наших источниках отношения персонала с нанимателями проблематизируются и описываются в категориях «культурности» и этики коммуникации. Непосредственные участники рынка и посредники связывают неотлаженность культурных образцов с нехваткой профессионализации и сравнительной новизной феномена. Таким образом, возникает вопрос о сигнификации и легитимизации тех или иных практик управления иерархией. Приведем пример из журналистских наблюдений:

Квалифицированный домашний работник – пока еще новый для России профессиональный типаж. И если на Западе давно все отлажено – и у хозяев, и у обслуживающего персонала есть свои права и обязанности, закрепленные письменным договором, – то у нас и те, и другие стоят на распутье, выбирая между западной «цивилизованной моделью» и российской дореволюционной. Причем все участники ситуации явно склоняются к национальному варианту: крепостное право как-то всем ближе. Просто теперь крепостные имеют сертификаты, знают химический состав стирального порошка и ловко управляют с парогенераторами (Лонская 2011).

Журналистка проводит границу между двумя конкурирующими моделями проявления неравенства. Первая – цивилизованная модель взаимодействия – предполагает оформление и соблюдение трудового договора и эгалитарный уважительный стиль отношений между нанимателями и домашними работницами, свободный от экономической эксплуатации и проявлений расистских или феодальных установок. Вторая модель – архаическая и крепостническая, при которой происходит объективизация наемных работников, превращающая их не только в прислугу, но и в квазисобственность и символ статусного самоутверждения домохозяев (Ткач 2009).

Нанимательницы особенно активно обсуждают тему культуры неравенства, сетуя на то, что в российском обществе утрачена «культура взаимодействия» нанимателей и домашних работников. При этом они обеспокоены «нецивилизованностью» домашнего персонала – бесконтрольностью действий нянь и домработниц, способных при желании нанести вред домашнему миру, злоупотребить своими знаниями и навыками. В то же время они отмечают трудности управления социальной дистанцией в мире домашнего хозяйства. Чтобы найти подходящую работницу, нужны талант и везение, а чтобы добиться эффективности труда и сохранить доверительные отношения с ней – повседневная менеджерская работа особого типа. Культура управления домашним персоналом предполагает умение балансировать между близкими и деловыми отношениями в контексте домашней заботы, поддерживая и разумную дистанцию, и достаточную степень близости с работником.

Рассказывает одна из работодательниц:

Когда у меня появились вот эти две женщины [няня и домработница], я сразу поняла, что есть две страшные проблемы: это не впасть в дружеские отношения с людьми, которые у тебя работают, и не... ну, условно говоря, не поставить себя в ряд такой, «богатый-распальцованный, а вы здесь у меня тля бо-лотная» и так далее. И вот, соблюсти эту грань очень сложно [...]. С другой стороны, няня – это в принципе член семьи. И мы должны понимать, что в данной ситуации это настолько важный член семьи. И, может быть, это и хорошо, что я не даю себе возможности, как говорится, показать себя во гневе, потому что она потом сразу бы ушла (работодательница, 40 лет).

Та же информантка уточняет, что отношения с персоналом – «это проблема руководителя. Он умеет держать дистанцию, то есть умеет реагировать на ситуацию: все работают, ты руководишь. В принципе здесь та же самая логика, абсолютно».

Тема культуры управления неравенством возникает и в интервью с представителями агентств, которые стараются воспитать участников рынка. Программы подготовки персонала, рекламные сайты агентств, главы в руководствах по ведению домохозяйства посвящены этической стороне взаимоотношений, правилам «культурного взаимодействия», сопротивлению злоупотреблениям с обеих сторон. Проанализировав инструкции по взаимоотношениям «прислуги и работодателей», тиражируемые агентствами по найму домашнего персонала, мы выделили три параметра «культурного нанимателя». Во-первых, культурные наниматели следуют правилам «взаимного уважения», что способствует «бесконфликтному гармоничному сосуществованию»: «Уважая домашний персонал и лояльно относясь к его требованиям и нуждам, можно получить преданного всей душой работника». Во-вторых, культурным нанимателям вменяется навык управления социальной дистанцией: «Тут главное – не перегнуть палку и не дать персоналу слишком большую свободу. В противном случае, вы получите избалованного работника, который использует вашу доброту» («Основные правила...» б. д.). В-третьих, ожидается, что эффективный менеджер домашнего хозяйства сумеет обеспечить безопасность дома и его обитателей, осуществляя постоянный контроль над действиями домработниц, нянь и прочего персонала.

Культура управления иерархией обсуждается и в инструкциях, адресованных домашнему персоналу – прежде всего няням и домработницам. Цивилизованные работники не допускают фамильярности, не дерзят, проявляют лояльность, соблюдают дистанцию. При этом их профессионализм предполагает развитое чувство собственного достоинства. Они считают себя профессионалами, свободно заключающими и расторгающими трудовые соглашения («Домохозяйка как профессия» б. д.).

Таким образом, посредники рынка пытаются воспитать наемного работника как профессионала, а нанимателя как «культурного» собственника/буржуа, который следует не традиции крепостного права, а правилам социально ответственного менеджмента (где признаны гражданские и трудовые права работника и уважа-

ется его чувство собственного достоинства). Участники рынка актуализируют культурные модели, которые проявляются в практиках сигнификации, легитимации и управления неравенством в отношениях между нанимателями и наемными домашними работниками. На основе анализа данных мы выделяем две ключевые модели неравенства: демонстративную и эгалитарную. Далее рассмотрим их подробнее.

ДЕМОНСТРАТИВНАЯ КУЛЬТУРА НЕРАВЕНСТВА: «ХОЗЯЕВА» И «ПРИСЛУГА»

Демонстративная культура неравенства проявляется в сигнификации и легитимации действующих лиц, в описании конкретных ситуаций взаимодействия на разных этапах найма. Эта модель проявления неравенства проблематизируется субъектами, которые занимают подчиненное положение, посредниками рынка и медийными репрезентациями, ориентированными на ценности воображаемых «цивилизованных отношений». Модель рассматривается как пережиток прошлого, сохраняющий свою актуальность в настоящее время благодаря дефициту социальной и культурной компетенции представителей нового экономически привилегированного класса. Ее историческими референтами являются феодальные и капиталистические отношения с домашними работниками, которые имели место в воображаемом досоветском прошлом. Данная модель рассматривается как несправедливая, но реально существующая в современном российском обществе, возрожденная современным российским капитализмом. Можно предположить, что специфика этой модели в России обусловлена длительным периодом социализма с его стремлением к демонстративному эгалитаризму и весьма ограниченным сегментом частных наемных отношений.

Наемные работники (как работающие с условием проживания в доме, так и приходящие) считаются «прислугой», «обслуживающим персоналом», «обслугой», «людьми второго сорта». Помимо референций к классу в описаниях домашних работников используются расовые и этнические стереотипы. Позиционирование домашнего персонала как прислуги предполагает артикуляцию и усиление социальной дистанции, строгость и мелочность контроля, требования к «знанию своего места». Эксперты – посредники рынка – так описывают нанимателей, которые склонны к таким отношениям:

Самый невыносимый контингент – неработающие молоденькие девочки, которые гоняют своих домработниц и в хвост, и в гриву. Как правило, эти дамочки возвращаются домой поздно вечером, в коридоре скидывают с себя всю одежду, даже нижнее белье, и горничная за пять минут обязана все убрать. По утрам эти девицы требуют от горничных причесать им волосы, помассировать спину – хотя данные прихоти не входят в обязанности прислуги (Боброва 2006).

Такие работодатели актуализируют модель *подчиненного домашнего труда*. Они считают, что покупают не конкретную услугу, а работника в личное услужение. На наш взгляд, данная модель имеет несомненное сходство с образом

«праздного класса», который описал Веблен. «Праздным» он называет потребительский класс, который в силу имущественного превосходства освобождает себя от непрестижной «пыльной» и «грязной» домашней работы, а также в значительной мере отказывается от домашнего самообслуживания. В современном российском контексте хорошо известные референты этого класса, представленные российскими медиа, – «жены олигархов», «рублевские жены». Это могут быть неработающие «спонсируемые» женщины, они могут занимать позицию успешной бизнесвумен или быть представительницами «сословия» чиновников. Однако качества авторитарных хозяев лишь опосредованно связаны с их материальным положением или местом в структуре занятости. Все дело в мотивациях и стиле домашнего менеджмента. Нанимая «прислугу», «хозяйки» освобождают себе время не столько для оплачиваемой работы и личностного роста, сколько для демонстрации статуса – заботы о себе и воспроизводства практик социального гламура.

В этой модели домашние работники выполняют инструментальную и символическую статусную функции «подставной праздности» (Веблен [1899] 1984). С одной стороны, персонал необходим для ведения сложного домашнего хозяйства: «Домработницы, горничные, повара, садовники для дачи – лишь малая часть помощников, необходимых нынче москвичу» (Завьялова б. д.). С другой стороны, сам факт найма домашних работников становится признаком привилегированного статуса, для которого характерно сочетание свободного времени, *полученного за счет делегирования подчиненному грязной работы*, и демонстративного потребления, о котором писал Веблен. Третьей особенностью таких отношений является стремление нанимателей превратить домашнего работника в личную прислугу, которая «знает свое место».

Последние две характеристики – решающие для создания границ между двумя формами проявления неравенства. Поясним, что имеется в виду, обращаясь к тому, каким образом позиционируются такие отношения в текстах интервью с участниками рынка: «“Мои наниматели – люди, которые привыкли к тому, что за ними убирают, и отучились делать простые вещи. Моя хозяйка оставляла мне трусы с неоторванной прокладкой”, – жалуется Татьяна, работающая в трехэтажном загородном доме, который она обслуживает одна» (Лонская 2011). Сами нанимательницы осознают, что для них покупка труда домашних работников является свидетельством престижа, а не насущной необходимостью: «“Я в принципе не работаю и могла бы сама все делать, но у многих моих подруг есть прислуга, а я чем хуже?” – говорит молоденькая Аня, – “Это престижно и ненужно: мне маникюр дороже обходится, чем приход уборщицы”» (Черненко 2007).

Ключевыми характеристиками прислуги работодатели считают не только добросовестность в выполнении работы, но и «знание своего места». Одним из примеров теста на овладение навыками подчинения является сценарий стресс-интервью при кастинге, приведенный в журналистском репортаже:

Молодой богатый мужчина знакомится с будущей домработницей в офисе агентства по подбору домашнего персонала. Соискательница – женщина в возрасте, в платочке, скромная, явно верующая.

– И все вы уме-е-е-те, – растягивает слова будущий наниматель, развалившись на кожаном диване. – И с парогенератором работали, и постные блюда готовите. – Он пристально смотрит на ее христианский платок. – Я одного не понимаю: вы в последний раз, когда сексом занимались?

Домработница – божий одуванчик – скукоживается в жалкий комочек и вылетает за дверь, закрыв пунцовое лицо.

Мужчина смеется. Сотрудники агентства делают вид, что ничего не произошло. Это нормальный вопрос для стресс-интервью. Другие кандидатки иногда срубаются на вопросах про лишний вес или «слишком старый возраст»: начинают пререкаться, вместо того чтобы повернуть ситуацию в позитив (Лонская 2011).

Стресс-интервью создает ситуацию полевого эксперимента при тестировании пригодности домашнего персонала. Демонстрируя агрессию и пренебрежительный стиль общения на уровне первичного собеседования, «хозяева» проверяют потенциальных работников на умение подчиняться, эмоциональную выносливость, готовность к уступкам, терпению. Соответственно, агентства учат потенциальный персонал быть готовым к проявлениям неуважения, так же как и к провокационным проверкам на честность и терпение. Таким образом, ситуация кастинга превращается в испытание на соответствие культурной модели, предполагающей демонстрацию классовой иерархии в отношениях.

Такие работодатели видят себя эффективными домашними менеджерами авторитарного типа. Они позиционируют себя как хозяева и распорядители сложного и престижного домашнего предприятия. Для этого сегмента обеспеченного класса дом является местом для демонстративного потребления и показной праздности¹², которые обеспечиваются за счет подчиненной «прислуги». В нарративах «хозяев» присутствует страх «развратить няню» – испортить «прислугу» неуместно мягким обращением. Среди практик «развращения» упоминаются ослабление контроля, недопустимое сближение, неформальные акты благодарности в виде подарков и помощи:

Вопрос: Бывали ли случаи, когда Вы ей помогали, ну, допустим, когда, грубо говоря, давали в долг деньги?

Ответ: Да, я ей помогала и в принципе об этом жалела. Я могу сказать, что это неправильно в корне: благотворительность нельзя смешивать с работой. Это мы уже выяснили, исходя уже из работы [...] уже сейчас. То есть благотворительность должна идти другими путями и через другие каналы. Вот это развращает людей, благотворительность. Такая помощь развращает. Вот, поэтому я, как бы [...] то есть человеку помогаешь один раз, да, помогаешь, но он как бы начинает думать, что ты ему уже обязана эту помощь оказывать. Вот в этом я строгость проявляю дополнительную (работодательница, 37 лет).

«Хозяева» диктуют условия найма, которые не являются предметом переговоров. Подобный командный стиль проблематизируется домашними работниками,

¹² Праздность в данном случае предполагает освобождение от домашних работ.

вызывает их недовольство как несоответствующий «цивилизованной» модели контрактных трудовых отношений:

Она сразу же, еще не видела меня, не поговорив, ничего, она мне начинает расписывать свои, значит, какие у нее планы на будущее [...]. «Вот, Вы знаете, значит так, летом Вы едете с нами на дачу, значит, вот там-то у нас дача, ага, вот, там то-то, то-то, вот столько-то там будете. Зимой мы все едем за город в выходные на лыжах, берем лыжи все. Так, мы с мужем катаемся, а Вы, значит, на саночках [...]». То есть, простите меня, а меня спросил кто-нибудь об этом? Меня кто-нибудь спросил? [...] Вот в такую семью я бы не пошла никогда, что я и сделала, не пошла бы. Все, просто не пошла, меня это не устраивает! (няня, 50 лет).

Этнизация и гендеризация классовых различий используется нанимателями, чтобы продемонстрировать и усилить существующие классовые границы. В номинации на лучшую работницу выигрывает тот, кто проявляет лучший навык демонстративного подчинения. Привычка к подчинению, умение быть невидимым, безропотным приписывается мигранткам из Центральной Азии и с Филиппин как воспитанным в патриархальной культуре. Персонализм в межрасовых отношениях позволяет таким нанимателям увеличить дистанцию и создать пространство эксплуатации (см. также: Polese and Rollins 1985; Romero 1992). В этой культурной модели «хозяева» стремятся объективировать домашнего работника, как товар позиционируется личность, а не услуга: «“На самом деле мы – биоприложение к пылесосу”, – отмечает домработница, одна убирающая трехэтажный элитный загородный дом. Или “Мой [работодатель], например, вообще брезгует мне деньги в руки давать и в глаза никогда не смотрит. В день зарплаты молча подходит и кидает конверт под ноги”» (Боброва 2006).

Демонстративное неравенство имеет низкую степень легитимности (что было видно в цитатах, приведенных выше). Среди его критиков – не только эксперты, но и сами работники. Они описывают такого нанимателя как несправедливого эксплуататора:

И когда вдруг слышишь-таки несуразные вещи, думаешь, как же так можно еще? Такие вещи [...] ну, то есть, ну, масса [...]. Ну, допустим, [...] пришла отработать пять часов, а ушла – сутки прошли. Ну, как вот так можно? И плюс тоже очень отношения плохие, допустим, хамские. Человек, там, работает, а ему, там, не платят зарплату [...]. Или, там, накричал кто-то, или, там, сказал, помой, допустим, сегодня полы, а завтра окна. Тебе же делать нечего, вот, ребенок спит (няня, 57 лет).

Произвол нанимателя описывается как «бессовестное поведение», которое проявляется в нарушении условий контракта (чаще в форме устных соглашений) о времени работы, объеме заданий и оплаты. Наиболее уязвимыми в таких отношениях являются работники с проживанием: они чувствуют себя объектами эксплуатации, изолированными и бесправными. У них нет приватного пространства, их автономия ограничена постоянным контролем и растущими требованиями «хо-

зьев». Практики дарения со стороны таких нанимателей расцениваются получателями как проявление покровительственного отношения, артикуляция и символическое усиление социальной иерархии. Если домработница или няня ощущают на себе постоянный и мелочный жесткий контроль «хозяев», сталкиваются с признаками недоверия, они также считают себя объектами эксплуатации и угнетения.

Кризис легитимности этой модели подчеркивается экспертами: «У нас ведь помощница по дому – человек второго сорта, прислуга, как бы красиво ее ни называли – гувернанткой или экономкой» (Завьялова б. д.). Домашние работники стараются избегать «бессовестных» работодателей, разрывают контракт с ними (если могут себе это позволить), но фактически никогда не борются за свои права (Варшавская 2015; Полетаев 2015). В наших исследованиях мы также находим подтверждение подобного отношения работодателей к домашним работникам:

Сложно работать там, где тебя считают, вот [...] служанкой. «Вот, мы вам платим деньги». Тебя считают не помощником, не сотрудником [...], няня – это ведь для их ребенка! А вот, то, что «мы вам платим, и вы должны...» [...]. И потом чисто человеческий фактор. Тоже бывают всякие огрехи. Котлеты, там, подгорели. Не уследишь, там [...]. Некоторые с юмором, а некоторые могут скандал устроить. Потом это создает постоянное напряжение, когда ты чувствуешь, что ты на должности постоянного прислужника. И бывает, что пойдешь даже за меньшую сумму, лишь бы без этого (няня, домработница, 57 лет).

Однако сами «хозяева» либо не признают за собой феодальных установок и практик, либо оправдывают свои действия рисками, ненадежностью и своеволием современной российской «прислуги», которая пока еще не освоила модель поведения цивилизованного домашнего персонала.

Модель демонстративного неравенства описывается всеми участниками рынка; в нарративах экспертов и наемных работников она является устойчивой темой. Однако ее редко примеряют на себя наниматели – в общем-то, никто не хочет признать себя откровенным эксплуататором, демонстрирующим нелегитимную модель отношений с домашним персоналом. В рамках этой модели устанавливается и поддерживается демонстративная иерархия и социальная дистанция между «хозяевами» (которые не занимаются домашней работой, недостойной их позиции) и теми, кого именуют «прислужой».

ЭГАЛИТАРНАЯ КУЛЬТУРА НЕРАВЕНСТВА: ПРОФЕССИОНАЛЫ И ИХ «ПОМОЩНИЦЫ»

На другом полюсе модель эгалитарного стиля отношений домашнего персонала с нанимателями. Эта модель описывается участниками рынка как культурная или цивилизованная. Наниматели представлены в ней как профессионалы, дорожащие в равной степени и своей работой, и своим домом. В повседневной жизни женщины-представительницы этого класса имеют тройную нагрузку – оплачиваемую работу, домашний труд и воспитание детей, испытывая нехватку помощи и заботы со стороны своих мужей и других родственников. Сложности баланса оплачиваемого труда и домашних обязанностей в условиях постсоциалистическо-

го общества создают инструментальную потребность (спрос) в тех помощниках, которые смогут выполнять ряд задач, стоящих перед этими женщинами в домашней сфере. Оплачиваемый домашний труд позиционируется как незаменимый для формирования городского среднего класса предпринимателей и профессионалов. Необходимость в домашнем персонале многократно аргументируется и таким образом легитимизируется в рассказах наших информантов.

Сигнификация отношений между работодателями и их «помощниками» варьируется в диапазоне от очень близких (дружески-родственных) до исключительно деловых (деперсонализированных). В случае долгосрочного найма няни или сиделки эти отношения описываются обеими сторонами как приятельские, дружеские, родственные, интимные, семейные¹³. В случае разовых услуг уборщицы или бебиситтера отношения рассматриваются как дистанцированные, ограниченные точно определенными условиями контракта (Ткач 2009). Действующие лица подчеркивают общность задач и разделение труда в ведении домашнего хозяйства между нанимателями и работницами. Уважение чувства собственного достоинства и ориентация на справедливость и переговорный стиль в отношениях, совместные скоординированные усилия в построении благополучного домохозяйства – ключевые характеристики эгалитарного стиля управления социальным неравенством: «Ну, у нас получается, вот, практически уже какие-то или [...] – скажем так – пусть не дружеские, но хорошие приятельские отношения. Или же [...] ну, прямо вот, как с Наташей (домработницей) сложились почти родственные. То есть она, конечно, [...] для меня стала человеком, который, [...] ну, со мной пуд соли съел» (работодательница, 40 лет).

Термин «прислуга» и его производные полностью исключены из релевантных коммуникативных практик. Для обобщенной характеристики наемной домашней работницы используется термин «помощница» или прямо указывается специализация домашней работы – няня, уборщица, гувернантка, сиделка. Эксперты позитивно оценивают такую модель отношения к домашним работницам. Их работа связана не с удовлетворением капризов работодателей, а с насущными домашними делами. Объем и график их работы прозрачны и предсказуемы: «Надо учитывать то, что хозяева не держат Татьяну Викторовну за прислугу. Ей не приходится убирать разбросанные вещи или отмывать тонны посуды после вечеринок. Ее работа – пылесосить, протирать пыль, мыть окна и лестницы [...]. Такая домработница чувствует себя свободным человеком. Она не зависит ни от государства, ни от домохозяев» (Левина и Иванова 2005).

В подобных отношениях домашние работники позиционируются как необходимые помощники по дому, подчеркивается их незаменимость для поддержания баланса ролей работающей женщины. Они выступают как репрезентанты хозяйки в одной из домашних ролей, а не как ее личная обслуга. Нанимательница чаще идентифицируется с работающей женщиной, активной на рынке труда, нежели с

¹³ Отметим, что здесь информанты имеют в виду позитивные родственные отношения, предполагающие отношения взаимопомощи и взаимопонимания. Домашние работники даже могут подчеркивать, что их основную мотивацию составляет стремление помочь, а не заработать.

гламурной домохозяйкой. Даже если она не работает, она активно занимается домом и детьми, лишь по необходимости прибегая к услугам помощников.

Такие наниматели проблематизируют классовые границы, они чувствуют неловкость, боятся быть воспринятыми как высокомерные нувориши, стараются сгладить во взаимодействиях статусное и экономическое неравенство. Эффект сглаживания достигается практиками переговоров об условиях работы, предоставлением рабочей и досуговой автономии, интеграции квазичлена семьи в домашнее пространство, совместных трапезах, проявлениях доверия и благодарности. Условия трудового контракта – режим работы, задания, размер и формы вознаграждения – также становятся предметом обсуждений и договоренности сторон. В рассказах о работе повторяются формулировки «у нас договоренность», «мы договорились», «мы согласились»¹⁴.

Такие нанимательницы позиционируются как социально-ответственные ответственные работодатели, способные «войти в положение», «вступить в переговоры». От своих помощников они также ожидают проявления симметричного отношения в сложных ситуациях. Так, например, в условиях экономического кризиса, когда наниматели задерживают оплату труда, они рассчитывают на понимание няни:

[Мне] нерегулярно платят зарплату [...]. Вот, кстати, Оля [няня] как-то более-менее нормально к этому относится. То есть иногда можно сказать: «Вы знаете, вот, денег нет, подождите, пожалуйста». Обычно даже, если мы ей должны [...]. Но я, опять же, пытаюсь за этим следить, чтобы этого не было. Но она: «Да, я все понимаю, я должна подождать» (работодательница, 34 года).

Нанимательницы подтверждают символическую значимость услуг и собственную добрую волю регулярными подарками. Зачастую работодатели предоставляют няням услуги неформального характера, используя свои собственные ресурсы. Так работает *механизм компенсации и сглаживания неравенства*. Няни могут получить годовую прописку в домохозяйстве работодателей, «совсем почти новые» вещи, помощь в оформлении юридических документов, доступ к надежному врачу, учителей для своих внуков и детей и прочее. Все это рассматривается сторонами как проявление ответственного отношения работодателей к наемным работникам, лишенным преимуществ социальных гарантий в условиях теневой занятости.

У меня просто есть ответственность как у работодателя за человека [...], то есть, например, если я, там, месяц не пользуюсь ее услугами, я понимаю, что должна что-то компенсировать. Ну, и если у нее какие-то проблемы, там [...]. Случались несколько раз случаи, что у нее, там, родственники заболели, или она очень хотела куда-то поехать [...]. Я стараюсь с этим согласовать, потому что у меня есть чувство, что она от меня зависит (работодательница, 29 лет).

¹⁴ Аналогично Ольга Ткач (2009) описывает контракт «помощницы» по хозяйству.

Наемные работницы испытывают также чувство ответственности, выражают понимание того, что от них зависят члены семьи, диапазон их автономии достаточно широк, а контроль их деятельности не является навязчивым – и это создает у них чувство удовлетворенности.

В семье С. комфортно было многое [...]. Я не боялась сделать чего-нибудь, ну, вот, совсем не того с ребенком. У меня была какая-то такая внутренняя уверенность, что я, во-первых, авторитет, что я могу [...], что я имею какое-то влияние [...] ну, естественно, ограниченное разумными какими-то пределами. Вот, и в этих рамках я могу сама строить этот процесс взаимодействия с ребенком. Меня не регламентируют. Я знаю, что есть определенные табу [...] ну, понятно, ребенка не бьют, на ребенка не орут и ребенку уступают (няня, 47 лет).

Итак, эгалитарная модель классового неравенства в отношениях предполагает установку на отношения относительно равных участников трудового контракта, сокращение социальной дистанции, отказ от демонстративного проявления иерархии. Эта установка нанимателей находит выражение в разнообразных практиках сглаживания неравенства. Среди них практики переговоров об условиях, интеграции в домашнее хозяйство, демонстрации доверия.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Взаимодействия нанимателей и оплачиваемых домашних работников в пространстве домохозяйства являются арендой создания классового неравенства на уровне повседневности (быта). Межличностные отношения, складывающиеся в процессе найма домашних работников, строятся на основе диалектики контроля, диалектики автономии и зависимости в структуре неравенства. Такое понимание неравенства предполагает, что у домашних работников существуют ресурсы контроля и влияния на условия занятости, которые определяют наниматели. В ходе взаимодействия нанимательниц с домашним персоналом создается классовое, гендерно маркированное, а в ряде случаев этнизированное (расово окрашенное) неравенство.

Мы выделяем два варианта культуры неравенства. Первая модель демонстративного неравенства – это отношения между «хозяевами» и «прислугой», для которых характерна четкая субординация. Имущие классы подчеркивают свое превосходство, усиливают дистанцию при помощи командного стиля, мелочного контроля, высокомерного отношения к домашним работникам. К ним относятся как к «личным слугам», требуют овладения навыками демонстрации подчиненного положения. Для «хозяев» важнейшая функция найма домашнего персонала – демонстрация статуса, социальной иерархии, воспроизводство классовой позиции, которая предполагает наличие «прислуги». У этой модели низкая легитимность, она ассоциируется с гламурным потреблением, потенциалом эксплуатации, неуважительным отношением к труду и личному достоинству работников. Ее исторические корни критики видят в отношениях господина и крепостного слуги.

Вторая модель эгалитарного неравенства характеризуется следующими признаками. оплачиваемая домашняя работа позиционируется как насущная потребность нового среднего класса профессионалов и управленцев. Работающие женщины, ориентированные на карьерный рост, сталкиваются со сложностями баланса полной занятости и интенсивных семейных забот. В отличие от первой модели в данном случае найм домашнего персонала необходим для воспроизводства домашней сферы, семьи и гендерной эмансипации хозяйки дома. Женщине нужна помощь, чтобы не оставлять работу, а семье в целом – чтобы нормально функционировать. Следовательно, работодательницы остро ощущают свою зависимость от наемных работниц и чувствуют по отношению к ним гендерную солидарность. Они проблематизируют неравенство и стараются во взаимодействиях сократить социальную дистанцию, сгладить иерархию. Рефлексируя по поводу потенциала эксплуатации и собственной зависимости от домашних помощников, они стараются компенсировать неравенство неформальной поддержкой, обеспечивают высокую степень автономии наемному работнику. Отношения балансируют между глубоко персонализированными и отстраненно-формальными. Однако обе стороны контракта стремятся к взаимопониманию, основанному на персонализированном доверии. Сигнификация отношений подчеркивает независимость наемной работницы. Она позиционируется как «домашняя помощница» «работающей матери», занятой в профессиональной сфере. Подобные отношения описываются информантами и экспертами как культурные, цивилизованные. Их референции видят в развитых странах, где отношения найма с домашними работниками в большей степени, чем в России, институционализированы и формализованы.

Данные наших исследований пока не дают ответа на вопрос, каким образом выявленные нами модели проявления неравенства связаны с объективными характеристиками социального положения нанимателей и/или наемных работников. В интервью и других источниках домашние работники часто высказывают мнение о том, что крупные, стремительно разбогатевшие собственники обнаруживают склонность к иерархической демонстративной модели классового неравенства. Однако с уверенностью сделать такие выводы мы не можем. Люди разного достатка, занятые в разных профессиях, руководствуются различными культурными паттернами. Жертвами дискриминационного неважного отношения чаще бывают мигранты из стран ближнего зарубежья, нежели другие категории домашних работников: иерархия усиливается антимигрантскими и расистскими установками. Каковы дальнейшие перспективы развития моделей неравенства? На наш взгляд, в российском контексте обе описанные нами модели воспроизводятся параллельно, создавая разные социальные среды, передаваясь из поколения в поколение. Однако перспективы ослабления демонстративного неравенства связаны с профессионализацией домашнего наемного труда и его выходом из тени, ростом самосознания и социальной защищенности домашних работников.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Андреева, Татьяна. 2009. «Ремонт как строительство нового быта: демонстративное потребление и экономия ресурсов». С. 262–286 в *Новый быт в современной России: гендерные исследования повседневности*, под ред. Елены Здравомысловой, Анны Роткирх и Анны Темкиной. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.
- Ахундзаде, Умай. 2015. «Наемный домашний труд в Баку: филиппинки vs. азербайджанки». С. 54–64 в *Домашние работницы в странах Центрально-Восточной Европы и бывшего СССР: постсоциалистические миграции и неравенства*, сост. Ольга Ткач. Материалы Международной конференции, Центр независимых социологических исследований, Санкт-Петербург, Россия, 24–26 апреля 2015 г. Просмотрено 12 июня 2016 г. (<http://cisr.ru/files/DOMESTIC-WORKERS.pdf>).
- Боброва, Ирина. 2006. «Раба без любви. Прислугу из Юго-Восточной Азии подбирают к комнатному интерьеру». *Московский комсомолец*, 18 апреля. Просмотрено 13 июня 2016 г. (<http://www.mk.ru/editions/daily/article/2006/04/18/183613-raba-bez-lyubvi.html>).
- Бурдые, Пьер. [1980] 2001. *Практический смысл*. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя.
- Варшавская, Елена. 2015. «Домашние работницы-мигрантки: социально-демографические характеристики и особенности трудовых отношений». С. 38–51 в *Домашние работницы в странах Центрально-Восточной Европы и бывшего СССР: постсоциалистические миграции и неравенства*, сост. Ольга Ткач. Материалы Международной конференции, Центр независимых социологических исследований, Санкт-Петербург, Россия, 24–26 апреля 2015 г. Просмотрено 12 июня 2016 г. (<http://cisr.ru/files/DOMESTIC-WORKERS.pdf>).
- Веблен, Торстейн. [1899] 1984. *Теория праздного класса*. М.: Прогресс.
- Галиндабаева, Вера. 2010. «Любовь к детям как профессия: организация оплачиваемых услуг по уходу за детьми в Бурятии». С. 128–159 в *Практики и идентичности: гендерное устройство*, под ред. Елены Здравомысловой, Вероники Пасынковой, Анны Темкиной и Ольги Ткач. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.
- Гидденс, Энтони. 2005. *Конституирование общества*. М.: Академический проект.
- Гладарев, Борис и Жанна Цинман. 2009. «Дом, школа, врачи и музеи: потребительские практики среднего класса». С. 189–221 в *Новый быт в современной России: гендерные исследования повседневности*, под ред. Елены Здравомысловой, Анны Роткирх и Анны Темкиной. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.
- Градскова, Юлия. 2010. «Когда отдавать ребенка в детский сад?» *Laboratorium: журнал социальных исследований* 3:44–57.
- «Домохозяйка как профессия». Б. д. Мастерская Зои Маклашевской. Просмотрено 14 июня 2016 г. (<http://www.prisluga.com/domohozyaika-kak-professiya.html>).
- Евдокимова, Елена. 2004. *Женская ниша на рынке труда*. СПб.: Издательство Санкт-Петербургского Политехнического университета.
- Завьялова, Виктория. Б. д. «Слуга для маленького господина». Няни.ру. Просмотрено 14 июня 2016 г. (<http://www.nannies.ru/index2-27.php>).
- Здравомылова, Елена. 2009. «Няни: коммерциализация заботы». С. 94–136 в *Новый быт в современной России: гендерные исследования повседневности*, под ред. Елены Здравомысловой, Анны Роткирх и Анны Темкиной. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.
- Здравомылова, Елена, Анна Роткирх и Анна Темкина. 2009. «Введение. Создание приватности как сферы заботы, любви и наемного труда». С. 2–29 в *Новый быт в современной России: гендерные исследования повседневности*, под ред. Елены Здравомысловой, Анны Роткирх и Анны Темкиной. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.
- Здравомылова, Елена и Анна Темкина. 2014. «Феминистские рефлексии о полевым исследованиям». *Laboratorium: журнал социальных исследований* 6(1):84–112.

- Карачурина, Лилия, Дмитрий Полетаев, Юлия Флоринская и Эльвира Ватлина. 2014. *Домашние работники в России и Казахстане*. Алматы: Ex Libris.
- Клоц, Алиса. 2012. «Домашняя прислуга как социальный феномен эпохи сталинизма». Автореферат диссертации кандидата исторических наук. Пермский государственный национальный исследовательский университет.
- Левина, Анна и Екатерина Иванова. 2005. «Пыльная работа». *Новая газета*, 10 марта. Просмотрено 14 июня 2016 г. (<http://2005.novayagazeta.ru/nomer/2005/17n/n17n-s17.shtml>).
- Лонская, Алеся. 2011. «Она – прислуга». *Русский репортер*, 1 декабря. Просмотрено 11 октября 2016 г. (<http://rusrep.ru/article/2011/11/30/prisluga>).
- «Основные правила поведения домработницы в семье работодателя». Б. д. Кадровый центр DOMHELPER. Просмотрено 14 июня 2016 г. (<http://www.domhelper.ru/articles/35-osnovnye-pravila-povedeniya-domrabortnitsy-v-seme-rabotodatelaya>).
- Полетаев, Дмитрий. 2015. «Домашние работники в России и Казахстане: защита прав, конфликты, безопасность». С. 176–191 в *Домашние работники в странах Центрально-Восточной Европы и бывшего СССР: постсоциалистические миграции и неравенства*, сост. Ольга Ткач. Материалы Международной конференции, Центр независимых социологических исследований, Санкт-Петербург, Россия, 24–26 апреля 2015 г. Просмотрено 12 июня 2016 г. (<http://cisr.ru/files/DOMESTIC-WORKERS.pdf>).
- Портнягина, Мария. 2016. «Кто в доме за хозяина?». *Огонек*, 1 февраля. Просмотрено 14 июня 2016 г. (<http://www.kommersant.ru/doc/2900602>).
- Практика использования патентов на осуществление трудовой деятельности иностранными гражданами в Российской Федерации (результаты исследования)*. 2012. М.: Международная организация по миграции (IOM). Просмотрено 12 июня 2016 г. (http://moscow.iom.int/russian/publications/Practica_patent.pdf).
- Симонова, Ольга. 2012. «Концепция эмоционального труда Арли Р. Хохшильд». С. 75–96 в *Антропология профессий: границы занятости в эпоху нестабильности*, под ред. Павла Романова и Елены Ярской-Смирновой. М.: ООО «Вариант».
- Темкина, Анна и Анна Роткирх. 2002. «Советские гендерные контракты и их трансформация в современной России». *Социологические исследования* 11:4–15.
- Ткач, Ольга. 2009. «Уборщица или помощница? Вариации гендерного контракта в условиях коммерциализации быта». С. 137–188 в *Новый быт в современной России: гендерные исследования повседневности*, под ред. Елены Здравомысловой, Анны Роткирх и Анны Темкиной. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.
- Ткач, Ольга. 2011. «Профессионализация домашней уборки: очерчивая границы». С. 304–334 в *Антропология профессий, или Посторонним вход разрешен*, под ред. Павла Романова и Елены Ярской-Смирновой. М.: ООО «Вариант».
- Ткач, Ольга, сост. 2015. *Домашние работники в странах Центрально-Восточной Европы и бывшего СССР: постсоциалистические миграции и неравенства*. Материалы Международной конференции, Центр независимых социологических исследований, Санкт-Петербург, Россия, 24–26 апреля 2015 г. Просмотрено 12 июня 2016 г. (<http://cisr.ru/files/DOMESTIC-WORKERS.pdf>).
- Тюрюканова, Елена, ред. 2011. *Женщины-мигранты из стран СНГ в России*. М.: МАКС Пресс.
- Флоринская, Юлия, Елена Тюрюканова и Жанна Зайончковская. 2011. *Трудовая миграция в Россию: как двигаться дальше*. М.: МАКС Пресс.
- Черненко, Елена. 2007. «Хозяйка мятой горы». *Newsweek*, 16–22 апреля. Просмотрено 14 июня 2016 г. (<http://www.sk-m.ru/stati/hozeika.html>).
- Черных, Ирина. 2015. «Домашние работники-мигрантки в Казахстане: дискурсивное поле повседневных практик и стратегий». С. 13–24 в *Домашние работники в странах Центрально-Восточной Европы и бывшего СССР: постсоциалистические миграции и неравенства*, сост. Ольга Ткач. Материалы Международной конференции, Центр независимых социологических исследований, Санкт-Петербург, Россия, 24–26 апреля 2015 г. Просмотрено 12 июня 2016 г. (<http://cisr.ru/files/DOMESTIC-WORKERS.pdf>).

- Шаповская, Лариса. 2009. «“Мой дом — моя крепость”. Обустройство жилья нового среднего класса». С. 222–261 в *Новый быт в современной России: гендерные исследования повседневности*, под ред. Елены Здравомысловой, Анны Роткирх и Анны Темкиной. СПб.: Издательство Европейского университета в Санкт-Петербурге.
- Anderson, Bridget. 2002. “Just Another Job? The Commodification of Domestic Labor.” Pp. 104–114 in *Global Women: Nannies, Maids, and Sex Workers in the New Economy*, edited by Barbara Ehrenreich and Arlie Russell Hochschild. London: Granta Books.
- Chang, Grace. 2000. *Disposable Domestic: Immigrant Women Workers in the Global Economy*. Cambridge, MA: South End Press.
- Dahl, Hanne Marlene, Marja Keränen, and Anne Kovalainen, eds. 2011. *Europeanisation, Care and Gender: Global Complexities*. Basingstoke, UK: Palgrave Macmillan.
- Ehrenreich, Barbara, and Arlie Russell Hochschild. 2003. *Global Woman: Nannies, Maids, and Sex Workers in the New Economy*. London: Granta Books.
- Finch, Janet, and Jennifer Mason. 1993. *Negotiating Family Responsibilities*. London: Routledge.
- Flick, Uwe. 2009. *An Introduction to Qualitative Research*. 4th ed. London: Sage Publications.
- Graham, Hilary. 1983. “Caring: A Labour of Love.” Pp. 13–30 in *A Labour of Love: Women, Work and Caring*, edited by Janet Finch and Dulcie Groves. London: Routledge & Kegan Paul.
- Gregson, Nicky, and Michelle Lowe. 1994. *Servicing the Middle Classes*. London: Routledge.
- Hochschild, Arlie R. 1983. *The Managed Heart: The Commercialization of Human Feeling*. Berkeley: University of California Press.
- Hochschild, Arlie R. 2000. “Global Care Chains and Emotional Surplus Value.” Pp. 130–146 in *On the Edge: Living with Global Capitalism*, edited by Will Hutton and Anthony Giddens. London: Jonathan Cape.
- Hrženjak, Majda. 2011. “The Regulation of Paid Domestic Work: A Win-Win Situation or a Reproduction of Social Inequalities?” Pp. 59–74 in *Europeanisation, Care and Gender: Global Complexities*, edited by Hanne Marlene Dahl, Marja Keränen, and Anne Kovalainen. Basingstoke, UK: Palgrave Macmillan.
- Kovács, Borbála. 2014. “Nannies and Informality in Romanian Local Childcare Markets.” Pp. 67–85 in *The Informal Post-Socialist Economy: Embedded Practices and Livelihoods*, edited by Jeremy Morris and Abel Polese. London: Routledge.
- Kremer, Monique. 2007. *How Welfare States Care: Culture, Gender and Parenting in Europe*. Amsterdam: Amsterdam University Press.
- Lutz, Helma, ed. 2008. *Migration and Domestic Work*. Farnham, UK: Ashgate.
- Lutz, Helma. 2011. *The New Maids: Transnational Women and the Care Economy*. London: Zed Books.
- Magyar-Vincze, Eniko. 2006. “Romanian Gender Regimes and Women’s Citizenship.” Pp. 21–37 in *Women and Citizenship in Central and Eastern Europe*, edited by Jasmina Lukic, Joanna Regulska, and Daria Zvirsek. Farnham, UK: Ashgate.
- Morris, Jeremy, and Abel Polese. 2014. “Introduction: Informality—Enduring Practices, Entwined Livelihoods.” Pp. 1–19 in *The Informal Post-Socialist Economy: Embedded Practices and Livelihoods*, edited by Jeremy Morris and Abel Polese. London: Routledge.
- Parreñas, Rhacel Salazar. 2001. *Servants of Globalization: Women, Migration, and Domestic Work*. Stanford, CA: Stanford University Press.
- Pfau-Effinger, Brigit. 2009. “Varieties of Undeclared Work in European Societies.” *British Journal of Industrial Relations* 47(1):79–99.
- Pine, Frances T., and Haldis Haukanes, eds. 2005. *Social Security, Vulnerability and People at Risk: Gender and Generation in the Former Socialist Countries of Europe and Central Asia*. Bergen, Norway: University of Bergen.
- Polese, Abel. 2008. “‘If I Receive It, It Is a Gift; If I Demand It, Then It Is a Bribe’: On the Local Meaning of Economic Transactions in Post-Soviet Ukraine.” *Anthropology in Action* 15(3):47–60.
- Rollins, Judith. 1985. *Between Women: Domesticity and Their Employers*. Philadelphia, PA: Temple University Press.

- Romero, Mary. 1992. *Maid in the U.S.A.* New York: Routledge.
- Rotkirch, Anna, Olga Tkach, and Elena Zdravomyslova. 2012. "Making and Managing Class: Employment of Paid Domestic Workers in Russia." Pp. 129–148 in *Rethinking Class in Russia*, edited by Suvi Salmenniemi. Farnham, UK: Ashgate.
- Salmenniemi, Suvi. 2012. "Introduction: Rethinking Class in Russia." Pp. 1–22 in *Rethinking Class in Russia*, edited by Suvi Salmenniemi. Farnham, UK: Ashgate.
- Sekeráková Búriková, Zuzana. 2015. "Employing Paid Domestic Work in Slovakia." Pp. 146–154 in *Domestic Workers in the Countries of Central Eastern Europe and Former Soviet Union: Post-socialist Migrations and Inequalities*, compiled by Olga Tkach. Proceedings of the International conference at the Centre for Independent Social Research, Saint Petersburg, Russia, April 24–26, 2015. Retrieved June 12, 2016 (<http://cistr.ru/files/DOMESTIC-WORKERS.pdf>).
- Skeggs, Beverley. 2004. *Class, Self, Culture*. Routledge: London.
- Stiell, Bernadette, and Kim England. 1997. "Domestic Distinctions: Constructing Difference among Paid Domestic Workers in Toronto." *Gender, Place and Culture* 4(3):339–359.
- Swidler, Ann. 1986. "Culture in Action: Symbols and Strategies." *American Sociological Review* 51(2):273–286.
- Tolstokorova, Alissa. 2014. "Mary Poppins Comes Back: The Revival of Paid Domestic Work in the Informal Labour Market in Ukraine." *Südosteuropa* 62(4):479–499.
- Trimikliniotis, Nicos, and Mihaela Fulas-Souroulla. 2013. "Informalization and Flexibilization at Work: The Migrant Women Precariat Speak." Pp. 59–78 in *Paradoxes of Integration: Female Migrants in Europe*, edited by Floya Anthias, Maria Kontos, and Mirjana Morokvasic-Müller. Dordrecht, Germany: Springer.
- Zdravomyslova, Elena. 2010. "Working Mothers and Nannies: Commercialization of Childcare and Modifications in the Gender Contract (a Sociological Essay)." *Anthropology of East Europe Review* 28(2):200–225.

CULTURAL PATTERNS OF CLASS INEQUALITY IN THE REALM OF PAID DOMESTIC WORK IN RUSSIA

Elena Zdravomyslova, Olga Tkach

Elena Zdravomyslova is a professor of sociology in the Faculty of Political Science and Sociology at the European University at St. Petersburg and project coordinator at the Centre for Independent Social Research (CISR). Address for correspondence: European University at St. Petersburg, Gagarinskaia ul., 3, Saint Petersburg, 191187, Russia. zdrav@eu.spb.ru.

Olga Tkach is a researcher at the Centre for Independent Social Research (CISR). Address for correspondence: Centre for Independent Social Research, PO Box 193, Saint Petersburg, 191040, Russia. tkach@cistr.ru.

This article, based on interviews and mass media data, analyzes the formation of class inequality in the course of employer-employee relationships between domestic workers and their employers in Russian households. The concept of the dialectics of control enables us to examine how two variants of the culture of inequality are formed in the private sphere. The first model of "conspicuous inequality" appears and is maintained in

the course of interactions between modern “masters” and their “servants.” In such interactions the status of the domestic worker is constructed as subordinate to the employer. This status is formed through mechanisms of distancing, control, verbal signification, and exploitation. The second model of “egalitarian inequality” is maintained by the new middle class of professionals and managers and their domestic helpers. This model presumes dialogue and feedback in employer-employee relationships, as well as a reduction of social distance and smoothing of the hierarchy between them. Both parties in the contract display a mutual understanding based on personalized trust. The study takes into account gendered structural characteristics of domestic work and family division of labor, as well as the peculiarities of the market of domestic workers in Russia connected to intra- and intercountry migration flows in the post-Soviet space.

Keywords: Class Formation; Cultures of Inequality; Paid Domestic Labor; Employer-Employee Relationships; Russia

REFERENCES

- Akhundzade, Humay. 2015. “Hired Domestic Labour in Baku: Filipina vs. Azerbaijanian Women.” Pp. 54–64 in *Domestic Workers in the Countries of Central Eastern Europe and Former Soviet Union: Postsocialist Migrations and Inequalities*, compiled by Olga Tkach. Proceedings of the International conference at the Centre for Independent Social Research, Saint Petersburg, Russia, April 24–26, 2015. Retrieved June 12, 2016 (<http://cisr.ru/files/DOMESTIC-WORKERS.pdf>).
- Anderson, Bridget. 2002. “Just Another Job? The Commodification of Domestic Labor.” Pp. 104–114 in *Global Women: Nannies, Maids, and Sex Workers in the New Economy*, edited by Barbara Ehrenreich and Arlie Russell Hochschild. London: Granta Books.
- Andreeva, Tat’iana. 2009. “Remont kak stroitel’sтво novogo byta: Demonstrativnoe potreblenie i ekonomiiia resursov.” Pp. 262–286 in *Novyi byt v sovremennoi Rossii: Gendernye issledovaniia povsednevnosti*, edited by Elena Zdravomyslova, Anna Rotkirkh, and Anna Temkina. Saint Petersburg: Izdatel’sтво Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge.
- Bobrova, Irina. 2006. “Raba bez liubvi: Prislugu iz Iugo-Vostochnoi Azii podbiraiut k komnatnomu inter’eru.” *Moskovskii komsolets*, April 18. Retrieved June 13, 2016 (<http://www.mk.ru/editions/daily/article/2006/04/18/183613-raba-bez-lyubvi.html>).
- Bourdieu, Pierre. [1980] 2001. *Prakticheskii smysl*. Moscow: Institut eksperimental’noi sotsiologii; Saint Petersburg: Aleteia.
- Chang, Grace. 2000. *Disposable Domesticity: Immigrant Women Workers in the Global Economy*. Cambridge, MA: South End Press.
- Chernenko, Elena. 2007. “Khoziaika miatoi gory.” *Newsweek*, April 16–22. Retrieved June 14, 2016 (<http://www.sk-m.ru/stati/hozeika.html>).
- Chernykh, Irina. 2015. “Female Migrant Domestic Workers in Kazakhstan: A Discursive Field of Everyday Practices and Strategies.” Pp. 13–24 in *Domestic Workers in the Countries of Central Eastern Europe and Former Soviet Union: Postsocialist Migrations and Inequalities*, compiled by Olga Tkach. Proceedings of the International conference at the Centre for Independent Social Research, Saint Petersburg, Russia, April 24–26, 2015. Retrieved June 12, 2016 (<http://cisr.ru/files/DOMESTIC-WORKERS.pdf>).
- Dahl, Hanne Marlene, Marja Keränen, and Anne Kovalainen, eds. 2011. *Europeanisation, Care and Gender: Global Complexities*. Basingstoke, UK: Palgrave Macmillan.
- “Domokhoziaika kak professiia.” N. d. Masterskaia Zoi Maklashevskoi. Retrieved June 14, 2016 (<http://www.prisluga.com/domohozyaika-kak-professiia.html>).
- Ehrenreich, Barbara, and Arlie Russell Hochschild. 2003. *Global Woman: Nannies, Maids, and Sex Workers in the New Economy*. London: Granta Books.
- Evdokimova, Elena. 2004. *Zhenskaia nisha na rynke truda*. Saint Petersburg: Izdatel’sтво Sankt-Peterburgskogo Politehnicheskogo universiteta.
- Finch, Janet, and Jennifer Mason. 1993. *Negotiating Family Responsibilities*. London: Routledge.

- Flick, Uwe. 2009. *An Introduction to Qualitative Research*. 4th ed. London: Sage Publications.
- Florinskaia, Iuliia, Elena Tiuriukanova, and Zhanna Zaionchkovskaia. 2011. *Trudovaia migratsiia v Rossiiu: Kak dvigat'sia dal'she*. Moscow: MAKSS Press.
- Galindabaeva, Vera. 2010. "Liubov' k detiam kak professiia: Organizatsiia oplachivaemykh uslug po ukhodu za det'mi v Buriatii." Pp. 128–159 in *Praktiki i identichnosti: Gendernoe ustroistvo*, edited by Elena Zdravomyslova, Veronika Pasyukova, Anna Temkina, and Olga Tkach. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge.
- Giddens, Anthony. 2005. *Konstituirovaniye obshchestva*. Moscow: Akademicheskii proekt.
- Gladarev, Boris, and Zhanna Tsinman. 2009. "Dom, shkola, vrachi i muzei: Potrebitel'skie praktiki srednego klassa." Pp. 189–221 in *Novyi byt v sovremennoi Rossii: Gendernye issledovaniia povsednevnosti*, edited by Elena Zdravomyslova, Anna Rotkirkh, and Anna Temkina. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge.
- Gradskova, Iuliia. 2010. "Kogda otдавat' rebenka v detskii sad?" *Laboratorium: Russian Review of Social Research* 3:44–57.
- Graham, Hilary. 1983. "Caring: A Labour of Love." Pp. 13–30 in *A Labour of Love: Women, Work and Caring*, edited by Janet Finch and Dulcie Groves. London: Routledge & Kegan Paul.
- Gregson, Nicky, and Michelle Lowe. 1994. *Servicing the Middle Classes*. London: Routledge.
- Hochschild, Arlie R. 1983. *The Managed Heart: The Commercialization of Human Feeling*. Berkeley: University of California Press.
- Hochschild, Arlie R. 2000. "Global Care Chains and Emotional Surplus Value." Pp. 130–146 in *On The Edge: Living with Global Capitalism*, edited by Will Hutton and Anthony Giddens. London: Jonathan Cape.
- Hrženjak, Majda. 2011. "The Regulation of Paid Domestic Work: A Win-Win Situation or a Reproduction of Social Inequalities?" Pp. 59–74 in *Europeanisation, Care and Gender: Global Complexities*, edited by Hanne Marlene Dahl, Marja Keränen, and Anne Kovalainen. Basingstoke, UK: Palgrave Macmillan.
- Karachurina, Liliia, Dmitrii Poletaev, Iuliia Florinskaia, and El'vira Vatlina. 2014. *Domashnie rabotniki v Rossii i Kazakhstane*. Almaty, Kazakhstan: Ex Libris.
- Klots, Alisa. 2012. "Domashniaia prisluga kak sotsial'nyi fenomen epokhi stalinizma." Avtoreferat dissertatsii kandidata istoricheskikh nauk. Permskii gosudarstvennyi natsional'nyi issledovatel'skii universitet, Russia.
- Kovács, Borbála. 2014. "Nannies and Informality in Romanian Local Childcare Markets." Pp. 67–85 in *The Informal Post-Socialist Economy: Embedded Practices and Livelihoods*, edited by Jeremy Morris and Abel Polese. London: Routledge.
- Kremer, Monique. 2007. *How Welfare States Care: Culture, Gender and Parenting in Europe*. Amsterdam: Amsterdam University Press.
- Levina, Anna, and Ekaterina Ivanova. 2005. "Pyl'naia rabota." *Novaia gazeta*, March 10. Retrieved June 14, 2016 (<http://2005.novayagazeta.ru/nomer/2005/17n/n17n-s17.shtml>).
- Lonskaia, Alesia. 2011. "Ona – prisluga." *Russkii reporter*, December 1. Retrieved October 11, 2016 (<http://rusrep.ru/article/2011/11/30/prisluga>).
- Lutz, Helma, ed. 2008. *Migration and Domestic Work*. Farnham, UK: Ashgate.
- Lutz, Helma. 2011. *The New Maids: Transnational Women and the Care Economy*. London: Zed Books.
- Magyar-Vincze, Eniko. 2006. "Romanian Gender Regimes and Women's Citizenship." Pp. 21–37 in *Women and Citizenship in Central and Eastern Europe*, edited by Jasmina Lukic, Joanna Regulska, and Daria Zavrsek. Farnham, UK: Ashgate.
- Morris, Jeremy, and Abel Polese. 2014. "Introduction: Informality—Enduring Practices, Entwined Livelihoods." Pp. 1–19 in *The Informal Post-Socialist Economy: Embedded Practices and Livelihoods*, edited by Jeremy Morris and Abel Polese. London: Routledge.
- "Osnovnye pravila povedeniia domrabotnitsy v sem'e rabotodatelia." N. d. Kadrovyi tsentr DOMHELPER. Retrieved June 14, 2016 (<http://www.domhelper.ru/articles/35-osnovnye-pravila-povedeniya-domrabotnitsy-v-seme-rabotodatelya>).
- Parreñas, Rhacel Salazar. 2001. *Servants of Globalization: Women, Migration, and Domestic Work*. Stanford, CA: Stanford University Press.

- Pfau-Effinger, Brigit. 2009. "Varieties of Undeclared Work in European Societies." *British Journal of Industrial Relations* 47(1):79–99.
- Pine, Frances T., and Haldis Haukanes, eds. 2005. *Social Security, Vulnerability and People at Risk: Gender and Generation in the Former Socialist Countries of Europe and Central Asia*. Bergen, Norway: University of Bergen.
- Polese, Abel. 2008. "If I Receive It, It Is a Gift; If I Demand It, Then It Is a Bribe': On the Local Meaning of Economic Transactions in Post-Soviet Ukraine." *Anthropology in Action* 15(3):47–60.
- Poletaev, Dmitry. 2015. "Domestic Workers in Russia and Kazakhstan: Rights Protection, Conflicts, Security." Pp. 176–191 in *Domestic Workers in the Countries of Central Eastern Europe and Former Soviet Union: Postsocialist Migrations and Inequalities*, compiled by Olga Tkach. Proceedings of the International conference at the Centre for Independent Social Research, Saint Petersburg, Russia, April 24–26, 2015. Retrieved June 12, 2016 (<http://cistr.ru/files/DOMESTIC-WORKERS.pdf>).
- Portniagina, Mariia. 2016. "Kto v dome za khoziaina?" *Ogonek*, February 1. Retrieved June 14, 2016 (<http://www.kommersant.ru/doc/2900602>).
- Praktika ispol'zovaniia patentov na osushchestvlenie trudovoi deiatel'nosti inostrannymi grazhdanami v Rossiiskoi Federatsii (rezul'taty issledovaniia)*. 2012. Moscow: Mezhdunarodnaia organizatsiia po migratsii (MOM). Retrieved June 12, 2016 (http://moscow.iom.int/russian/publications/Practica_patent.pdf).
- Rollins, Judith. 1985. *Between Women: Domesticity and Their Employers*. Philadelphia, PA: Temple University Press.
- Romero, Mary. 1992. *Maid in the U.S.A.* New York: Routledge.
- Rotkirch, Anna, Olga Tkach, and Elena Zdravomyslova. 2012. "Making and Managing Class: Employment of Paid Domestic Workers in Russia." Pp. 129–148 in *Rethinking Class in Russia*, edited by Suvi Salmenniemi. Farnham, UK: Ashgate.
- Salmenniemi, Suvi. 2012. "Introduction: Rethinking Class in Russia." Pp. 1–22 in *Rethinking Class in Russia*, edited by Suvi Salmenniemi. Farnham, UK: Ashgate.
- Sekeráková Búriková, Zuzana. 2015. "Employing Paid Domestic Work in Slovakia." Pp. 146–154 in *Domestic Workers in the Countries of Central Eastern Europe and Former Soviet Union: Postsocialist Migrations and Inequalities*, compiled by Olga Tkach. Proceedings of the International conference at the Centre for Independent Social Research, Saint Petersburg, Russia, April 24–26, 2015. Retrieved June 12, 2016 (<http://cistr.ru/files/DOMESTIC-WORKERS.pdf>).
- Shpakovskaia, Larisa. 2009. "Moi dom – moia krepost' ': Obustroistvo zhil'ia novogo srednego klassa." Pp. 222–261 in *Novyi byt v sovremennoi Rossii: Gendernye issledovaniia povsednevnosti*, edited by Elena Zdravomyslova, Anna Rotkirch, and Anna Temkina. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge.
- Simonova, Ol'ga. 2012. "Kontseptsiiia emotsional'nogo truda Arli R. Khokhshil'd." Pp. 75–96 in *Antropologiia professii: Granitsy zaniatosti v epokhu nestabil'nosti*, edited by Pavel Romanov and Elena Iarskaia-Smirnova. Moscow: OOO "Variant."
- Skeggs, Beverley. 2004. *Class, Self, Culture*. Routledge: London.
- Stiell, Bernadette, and Kim England. 1997. "Domestic Distinctions: Constructing Difference among Paid Domestic Workers in Toronto." *Gender, Place and Culture* 4(3):339–359.
- Swidler, Ann. 1986. "Culture in Action: Symbols and Strategies." *American Sociological Review* 51(2):273–286.
- Temkina, Anna, and Anna Rotkirch. 2002. "Sovetskie gendernye kontrakty i ikh transformatsiia v sovremennoi Rossii." *Sotsiologicheskie issledovaniia* 11:4–15.
- Tiuriukanova, Elena, ed. 2011. *Zhenshchiny-migranty iz stran SNG v Rossii*. Moscow: MAKSS Press.
- Tkach, Olga. 2009. "Uborshchitsa ili pomoshchnitsa? Variatsii gendernogo kontrakta v usloviakh kommersializatsii byta." Pp. 137–188 in *Novyi byt v sovremennoi Rossii: Gendernye issledovaniia povsednevnosti*, edited by Elena Zdravomyslova, Anna Rotkirch and Anna Temkina. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge.

- Tkach, Olga. 2011. "Professionalizatsiia domashnei uborki: Ocherchivaia frontiry." Pp. 304–334 in *Antropologiya professii, ili Postoronnim vkhod razreshen*, edited by Pavel Romanov and Elena Iarskaia-Smirnova. Moscow: OOO "Variant."
- Tkach, Olga, comp. 2015. *Domestic Workers in the Countries of Central Eastern Europe and Former Soviet Union: Postsocialist Migrations and Inequalities*. Proceedings of the International conference at the Centre for Independent Social Research, Saint Petersburg, Russia, April 24–26, 2015. Retrieved June 12, 2016 (<http://cistr.ru/files/DOMESTIC-WORKERS.pdf>).
- Tolstokorova, Alissa. 2014. "Mary Poppins Comes Back: The Revival of Paid Domestic Work in the Informal Labour Market in Ukraine." *Südosteuropa* 62(4):479–499.
- Trimikliniotis, Nicos, and Mihaela Fulas-Souroulla. 2013. "Informalization and Flexibilization at Work: The Migrant Women Precariat Speak." Pp. 59–78 in *Paradoxes of Integration: Female Migrants in Europe*, edited by Floya Anthias, Maria Kontos, and Mirjana Morokvasic-Müller. Dordrecht, Germany: Springer.
- Varshavskaya, Elena. 2015. "Migrant Female Domestic Workers: Socio-Demographic Characteristics and Specificities of Labour Relation." Pp. 38–51 in *Domestic Workers in the Countries of Central Eastern Europe and Former Soviet Union: Postsocialist Migrations and Inequalities*, compiled by Olga Tkach. Proceedings of the International conference at the Centre for Independent Social Research, Saint Petersburg, Russia, April 24–26, 2015. Retrieved June 12, 2016 (<http://cistr.ru/files/DOMESTIC-WORKERS.pdf>).
- Veblen, Thorstein. [1899] 1984. *Teoriia prazdnogo klassa*. Moscow: Progress.
- Zav'ialova, Viktoriia. N. d. "Sluga dlia malen'kogo gospodina." Niani.ru. Retrieved June 14, 2016 (<http://www.nannies.ru/index2-27.php>).
- Zdravomyslova, Elena. 2009. "Niani: Kommertsializatsiia zaboty." Pp. 94–136 in *Novyi byt v sovremennoi Rossii: Gendernye issledovaniia povsednevnosti*, edited by Elena Zdravomyslova, Anna Rotkirkh, and Anna Temkina. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge.
- Zdravomyslova, Elena. 2010. "Working Mothers and Nannies: Commercialization of Childcare and Modifications in the Gender Contract (a Sociological Essay)." *Anthropology of East Europe Review* 28(2):200–225.
- Zdravomyslova, Elena, Anna Rotkirkh, and Anna Temkina. 2009. "Vvedenie: Sozdanie privatnosti kak sfery zaboty, liubvi i naemnogo truda." Pp. 2–29 in *Novyi byt v sovremennoi Rossii: Gendernye issledovaniia povsednevnosti*, edited by Elena Zdravomyslova, Anna Rotkirkh, and Anna Temkina. Saint Petersburg: Izdatel'stvo Evropeiskogo universiteta v Sankt-Peterburge.
- Zdravomyslova, Elena, and Anna Temkina. 2014. "Feministskie refleksii o polevom issledovanii." *Laboratorium: Russian Review of Social Research* 6(1):84–112.

HISTORICAL LEGACIES: POSTSOCIALISM, TRADE UNIONS, AND ORGANIZING DOMESTIC WORKERS IN THE CZECH REPUBLIC

Lisa-Marie Heimeshoff

Lisa-Marie Heimeshoff is a research fellow in the Department of Migration and Society at the Institute for Migration Research and Intercultural Studies (IMIS) of the University of Osnabrück, Germany. Address for correspondence: Institute for Migration Research and Intercultural Studies, University of Osnabrück, Neuer Graben 19/21, 49076 Osnabrück, Germany. liheimeshoff@uos.de.

Research for this article was conducted with funding from the International Center for Development and Decent Work, University of Kassel, Germany.

After the adoption in 2011 of ILO Convention 189 on Decent Work for Domestic Workers, national campaigns for ratification took different organizational forms in different countries. While in some cases trade unions organized domestic workers, in others domestic workers were represented by NGOs, and in yet others alliances between different organizational forms developed. Based on Shireen Ally's classifications of domestic worker organizing, this article defines the case of the Czech Republic as following an associational model. The article explains the lack of union involvement in demanding ratification by referring to the postsocialist legacies of trade union organizing, but also by the fact that domestic workers do not feel that trade unions can represent their rights. This is not only because of a lack of knowledge about trade unions or of not seeing trade unions as being able to represent self-employed or informal workers, but because their identity aligns better with organizing based on migration status and gender than on class.

Keywords: Domestic Work; Representation; Organizing; Czech Republic; Migration; Postsocialism; Trade Unions

After several years of campaigning by domestic workers and their organizations at a transnational level (Schwenken 2006, 2016), on June 16, 2011, the International Labor Organization (ILO) in Geneva adopted the Decent Work for Domestic Workers Convention with a significant majority of the votes (396 in favor, 16 against, 63 abstentions), also known as ILO Convention 189. The transnational campaign that accompanied the negotiations at the ILO had to continue at the national level after the adoption of C189 in order to convince ILO member states to ratify the Convention and to implement it domestically. However, mobilization around the Convention and campaigns for ratification took very different forms in different

countries. So far, 22 countries have ratified the Convention, but not the Czech Republic.

Because of the specific characteristics of their field of work, domestic workers often encounter problems enforcing their labor rights. Common rights violations include workdays of more than eight hours (Anderson 2004), no days off, being on call even at night, not having clear work hours, and insufficient pay (Piper 2005:101). As domestic workers are isolated in private households, they can fall victim to physical and sexual abuse and exploitation (Anderson 2004). Because of the informal character of much domestic work (Bonner and Spooner 2011), domestic workers often are not part of existing social security schemes and not covered by regulations regarding maternity protection and paid holidays. Claiming existing labor rights can be difficult due to the emotional character of the work as well as the relationship of dependency between employer and employee (Piper 2005:101). Undocumented domestic workers, for fear of legal consequences or because they are dependent on their income, cannot always demand existing rights either (Heimeshoff and Schwenken 2013). Because the private household is often conceptualized as being separated from the public, domestic work has not been regulated to the same degree as other kinds of work by labor laws (Günther 2011:4), depriving domestic workers, in many cases, of the rights enjoyed by other workers. Due to these issues, the Domestic Workers Convention aims to ensure basic labor rights for domestic workers, many of them migrants, and to grant them the same labor standards as other workers.

This article looks at the Czech Republic as a postsocialist country and investigates the role that different types of organizations have played in advancing demands for ratification of the Convention. It discusses why trade unions have remained minimally involved in supporting demands for domestic workers' rights, whereas a nongovernmental organization, *Sdružení pro integraci a migraci* (SIMI, Association for Integration and Migration), has been vocal in calling for the ratification of ILO Convention 189 in the Czech Republic. I argue that the position of the trade unions within a postsocialist, corporatist setting plays a significant role in explaining their lack of involvement in the domestic ratification procedure. Additionally, domestic workers' ideas about trade unions and their own identities correspond better to the framings advanced by NGOs.

This article is based on a total of 12 interviews conducted with domestic workers, civil society organizations such as the trade union federation and migrant organizations, and academic experts in the Czech Republic in 2010–2011. These interviews were conducted within the framework of several research projects at the International Center for Development and Decent Work (ICDD) at the University of Kassel on the organizing of domestic workers worldwide. The research was focused on understanding the role of unions and NGOs in organizing domestic workers. Interviews took place with domestic workers and NGOs in Prague and some small towns in Bohemia. After the completion of fieldwork in 2010–2011, the ratification process of Convention 189 was followed through observational research in the Czech Republic.¹

¹ I would like to thank the domestic workers and all the other interviewees willing to contribute to my research.

First, I give a short introduction to Convention 189 and present an overview of the literature on the domestic work sector in the Czech Republic in order to contextualize my analysis of the representation of domestic workers in a postsocialist environment. Then, I present two models of organizing and locate the Czech Republic within this framework by describing the representation and organizing taking place in that country. I then explain the absence of union organizing and representation of domestic workers as a result of ideas about trade unions under postsocialism as well as the ideas domestic workers have about trade union organizing in the Czech Republic.

"DECENT WORK FOR DOMESTIC WORKERS"—A CONVENTION FOR MARGINALIZED WORKERS

ILO Convention 189 on Decent Work for Domestic Workers, later renamed the Domestic Workers Convention, was adopted June 16, 2011, at the 100th International Labor Conference. Twelve months after an ILO Convention is ratified by two countries, the Convention enters into force. After the ratification of ILO Convention 189 by Uruguay and the Philippines, therefore, the Convention came into effect on September 5, 2013.

Convention 189's adoption was preceded by a transnational movement of domestic workers' organizations and their allies, such as women's rights organizations and trade unions, promoting the development of international legal protections for domestic workers (Schwenken 2010). Helen Schwenken (2016) has described domestic worker organizing and its outcome as "the emergence of an impossible movement," because of the lack of resources for domestic workers but also because trade unions, who represent workers at the ILO level, initially were not interested in this topic and had to be convinced to carry domestic workers' demands to the ILO.

Convention 189 enshrines several basic rights for domestic workers, such as a minimum of 24 hours of rest per week (Article 10(2)) and a minimum wage "where such coverage exists" (Article 11). Domestic workers are supposed to be "informed of their terms and conditions of employment" (Article 7). According to the Convention, member states have to realize the rights of domestic workers to freedom of association and collective bargaining, as well as to work against forced labor, child labor, discrimination, and abuse of domestic workers (Articles 3 and 5). Article 17 calls for workplace inspections in the field of domestic work, an issue that has been controversial both on the transnational level and in the ratification processes in several countries due to the potential conflict between the protection of the private household and the protection of labor rights. The Convention expects governments to regulate employment agencies recruiting and placing domestic workers (Article 15). Importantly, the Convention explicitly refers to the rights of migrant domestic workers, wanting to prevent their exploitation (Article 8). It also defines the terms "domestic work" and "domestic worker," requiring an employment relationship for the Convention to be applicable (Article 2). Throughout the Convention, the ILO establishes that labor rights protections for domestic workers have to be equal to the protections enjoyed by other workers.

As many domestic workers in the Czech Republic work informally or are self-employed, Convention 189 as such does not necessarily apply to them. But the implications of the Convention go beyond a pure legal understanding: labor rights are now being conferred to an often-invisible sector of work that takes place in the private sphere of the household. Domestic work, which has often been essentialized as part of women's obligation and their natural role in society, stripping it of its characteristics as labor, is now publicly conferred the status of work by including it under the framework of international labor law. While in many countries domestic workers do not enjoy the same rights as other workers and are not covered by the labor rights established by ILO Convention 189, considering the existing labor rights in the Czech Republic and other European Union countries, there the labor rights protection of the Convention does not go much further than existing labor laws—an argument put forward by trade unions in the Czech Republic to justify their reluctance in supporting ratification of the Convention. Some provisions of the Convention, however, were debated in the Czech Republic as potentially contradictory to Czech labor law, such as workplace inspections and recognition of time spent on call as work time (Heřmanová and Redlová 2012). Enforcement of international laws such as ILO Conventions and access to these labor rights are not easy for workers either, putting into question the usefulness and significance of the Convention, particularly in the European context. However, it is insufficient to limit analysis of Convention 189 solely to its legal efficacy. During the negotiations, domestic worker organizations were already discussing it as an organizing tool (Prügl 2009, quoted in Schwenken 2010:195), influencing discourses on domestic work by giving the topic publicity and framing it within a labor rights context. In this way, it can serve as a reference point for legitimizing domestic workers' claims irrespective of their formal work status, as well as a legal document around which organizing takes place—for example, to promote ratification, mobilize domestic workers in the ILO member states, and build up new and strengthen existing organizations demanding labor rights for domestic workers (Schwenken 2010:208). As in the international sphere,² the ratification process could serve to develop new alliances between NGOs, trade unions, and domestic workers. In the Czech Republic, however, this was not the case: while an NGO campaigned for ratification, the trade unions remained reluctant to pledge their support.

Before I go into the approaches taken towards representing domestic workers' interests in the Czech Republic, I will give an overview of the domestic work sector in the Czech Republic based on the existing literature on domestic work and on interviews I conducted during my fieldwork.

² Unlike other United Nations bodies, the ILO is a tripartite organization, where governments, workers, and employers are represented and discuss international social and labor standards. Worker representation in the ILO is based on national trade union organizations. Therefore, in order for the ILO Convention to be negotiated and adopted, domestic workers, their organizations, and allies had to convince trade unions to promote labor rights for domestic workers at the ILO.

DOMESTIC WORK: A GENDERED AND RACIALIZED FIELD OF WORK IN THE CZECH REPUBLIC AND WORLDWIDE

Research on domestic work is still a nascent field in the Czech Republic. Some studies have emerged, especially in the fields of anthropology, gender, and migration studies, looking at the distribution of reproductive work, the role of women in society, and female identity that considers the societal role of domestic work in the Czech Republic. Many studies conducted on domestic work in Western Europe see the countries of Central and Eastern Europe as “sending” countries of domestic workers; fewer studies analyze these countries’ own sector of domestic work. The Czech Republic is, however, interesting in that it is simultaneously a country from which domestic workers emigrate to the richer countries to the South and West *and* a country to which people immigrate for work in private households (Ezzeddine and Semerák 2014:26).

The processes leading to the expansion of the domestic work sector, the positioning of the country in the global market of care work, and the problems associated with commodification of emotional labor have all become visible in the Czech Republic. Women have entered the labor force, while at the same time care and domestic work is now sold on the market (Uhde 2012:12). The commodification of domestic work (Anderson 2004; Bosniak 2009; Apitzsch and Schmidbauer 2010; Uhde 2014) is characterized by the transformation of domestic work, previously performed unpaid in the private sphere mostly by women, “into objects of economic exchange” (Redlová 2013:191), becoming subject to market norms (Uhde 2016). All over the world, paid domestic work is one way of enabling middle-class women to pursue a career and alleviate the burdens of reproductive work, often without challenging the unequal distribution of reproductive work within families, such as household chores and childcare (Young 2001:318–319; Anderson 2004). In the Czech Republic “the market for a domestic worker, who cleans just once per week, it is more and more common. There are also more and more agencies. This is a sign that something is changing. A lot of people have somebody, but it is informal work” (D., academic expert). Particularly in the postsocialist societies of Central and Eastern Europe, where domestic work (in the sense of cleaning and similar services in the private household) has not been externalized to the same degree as in Western countries over the past decades, the commodification process involves agencies brokering domestic work services and reductions to welfare provisions (Redlová 2013).

One aspect of domestic work—childcare—was externalized in socialist societies, removed from the private sphere and provided by the state in order to integrate women into the labor market (Uhde 2016:4). Societal changes, such as urbanization, which lead to families not being able to rely as much on extended family members for childcare, and a rise in the number of single parents contribute to the growing demand for domestic workers (Ezzeddine and Pavelková 2014), as did the cutbacks to government provision of childcare after 1989. The Czech Republic currently does not provide sufficient places for children in daycare, particularly for children under the age of three, and in 2009 there were only 1,419 spots in 46 daycare centers (*jesle*) for this age group (Vláda České republiky 2011). By contrast, in 1990 1,043 daycare centers existed in the territory of today’s Czech Republic, with places for 39,829 children

(Formánková 2010; Jiříčka 2014). The postsocialist transition has led to a significant proportion of public daycare centers being shut down because with the abolishment of mandatory employment daycare for children under the age of three lost its legitimacy (Formánková 2010). By reducing public childcare, Lenka Formánková argues, the Czech government indirectly supported the ideal of the stay-at-home mother for small children (2010:82). With the welfare state in crisis and childcare privatized, in order for middle-class women to work, they must hire domestic workers (Young 2001:318), often from abroad. In the Czech Republic, around 1–2 percent of the population “seek[s] individual private child care” (Souralová 2013:257). As daycare for young children is so limited, many women opt to stay at home. In 2008 the Czech Republic had the EU’s lowest rate of labor market participation of women of the childbearing age (29–45 years) with children under the age of six (Formánková 2010:24). Women who want or need to work in order to provide an income for their family have to rely on relatives, friends, or paid nannies to ensure childcare during working hours. As the majority of households need a second income but also cannot afford to hire a nanny, the commodification of childcare and the dismantling of the welfare state put parents in a bind. While in postsocialist Central European countries the commodification of domestic work takes place both in the field of childcare and in other fields of paid domestic work (such as cleaning and other household work) and all of it is covered by ILO Convention 189, the empirical research for this article has been limited to non-childcare-oriented domestic work, such as cleaning, ironing, and organizing the household.

In the Czech Republic, as in many other countries, domestic work is a sphere in which many foreigners are employed, including Filipina, Ukrainian, and Slovakian migrants (Ezzeddine 2011; Redlová 2013; Ezzeddine and Semerák 2014). With debates on globalization in the 1990s–2000s, analysis of the relationship between migration and domestic work sharpened. In the process of globalization, reproductive work has been redistributed among women globally, with care work extracted from less developed countries by the global North (Ehrenreich and Hochschild 2004; Hochschild 2004; Bosniak 2009; Apitzsch and Schmidbauer 2010). While equality between some women and some men in the global North is progressing, inequality *among* women is increasing along lines of class and ethnicity—between the “professional woman” and the “maid” who is often an undocumented migrant woman (Young 2001). Zuzana Uhde calls this a “distorted emancipation” of women, because it reproduces cleavages among women (2012:13). Contra the demands of critical feminists, under global capitalism “the personal has not become public” but has instead been incorporated into the market economy, although within the private sphere (Uhde 2016:2–3). This goes along with the feminization of migration, as the percentage of women migrants has increased, in part due to the high global demand for domestic workers (Lutz 2008). To female migrants from less developed and less wealthy countries, sometimes without papers, often without recognized educational credentials, within a gendered labor market jobs as domestic workers are all that is offered (Bosniak 2009). Previous studies on the employment of migrants in the Czech Republic have often overlooked domestic work (e.g.,

Rákoczyová et al. 2007). However, one study by the nongovernmental organization La Strada, researching the role of agencies in exploitation, forced labor, and trafficking, addresses the situation of Russian-speaking domestic workers and describes their working conditions, providing important insights into the domestic work sector in the Czech Republic (Aleinik 2010:65ff.).

In domestic work, an ethnic hierarchy has been observed; domestic workers from the Philippines are often hired for status reasons and earn more than migrant domestic workers from other places (Anderson 2004). Racist ideas about Filipina and Ukrainian domestic workers are in evidence in the Czech Republic (Brabcová 2014; H., academic expert). Katia, who is originally from Ukraine, owner of an agency and a domestic worker herself, talks about her experiences with Czech employers:

It is this way, they give the foreigners the work that is really the worst. The behavior towards people, they don't have the same level as Czech citizens [to them] or other citizens. With respect to Slovaks, it is something different. There it [the behavior] is normal. If it is a Pole, it is something different [from treating Ukrainians] as well. It is probably related to that being the EU and that Ukraine ... I'd want the Czechs to behave differently, not "You are here, so you will work hard."

Her quote illustrates the hierarchization of different countries of origin in the eyes of employers. This hierarchization is interwoven not just with ethnicized ideas of who makes a good domestic worker—an English-speaking, "exotic" Filipina or a Ukrainian—but also includes feelings of entitlement by Czechs and differential othering of immigrants according to their origin. In this hierarchy of migrant workers, Ukrainian domestic workers are at the bottom and experience prejudice and disrespect. Another Ukrainian worker interviewed explains that many employers choose to hire domestic workers from Ukraine because they will not quit when problems appear, while Czech domestic workers change employers frequently (Ania, domestic worker). In this, she hints at the larger dependency of migrant domestic workers on their jobs and their exploitability; Ania also commented that when she did not get paid and complained, the employer threatened to have her deported.

Migrant domestic workers in the Czech Republic who have left their children in their country of origin often experience feelings of guilt, as also described in the literature on transnational motherhood, for not fulfilling expectations of mothers (Ezzeddine 2012). Fifty-five percent of Ukrainian female migrants, many of them domestic workers, live in the Czech Republic without their children; they develop practices, such as building houses in their home country and buying expensive presents for their children, to help cope with these feelings (Ezzeddine 2012:24). The politics of race, ethnicity, and migration are intertwined with the current welfare regime, alongside the politics of gender and class (Günther 2011:5) in the Czech Republic as well.

In the following section, I give an overview of the domestic work sector in the Czech Republic, where it is a growing field of employment as in other postsocialist countries (Fassmann 2008:69). While contrary to myth, domestic work did exist un-

der socialist rule, with emerging class differences after 1989³ paid domestic work has grown. Data indicates that there were 2,500–3,000 domestic workers in 2008 (Heimeshoff 2011:52; ILO 2013). If one compares these statistics to neighboring Austria, with a slightly smaller population and 11,800 persons employed in private households (Heimeshoff 2011:51), one notices that domestic work, according to official statistics, is not as widespread in the Czech Republic. However, there are estimates of at least 17,000 undocumented migrant workers in the Czech Republic (Drbohlav and Medová 2009:24), and Magda Faltová, head of an NGO for migrants (SIMI) working with domestic workers, argues that almost every female migrant worker works in private households for some time after arriving in the Czech Republic (Česká televize 2012). Pavla Redlová suggests there are least 50 and as many as 120 Filipina domestic workers in the Czech Republic (2013:190; Česká televize 2012). Nevertheless, the Czech minister of labor claims that there are exactly 49 (!) foreign domestic workers in the Czech Republic (Redlová 2013:190); of these, 15 are EU citizens (Česká televize 2012). Considering the number of both registered and undocumented migrants, the number of migrant domestic workers is likely to be much higher than the estimate of the Czech government. Immigrants from developed countries, often working as managers in corporations in the Czech Republic, have helped increase the domestic work sector (H., academic expert). From experiences in their home countries, they may be already accustomed to hiring domestic workers. They have a comparatively high income and can make use of the wage gap. The domestic workers interviewed by Maryna Aleinik talk about employers from the Czech Republic but also from Russia, Hungary, Germany, and Italy (2010:65). In an interview, Martina, a Czech nonmigrant domestic worker, described the beginning of her job as a domestic worker:

There are many foreigners here. They come, stay for a certain time, and leave again. In the meantime, they say, "Martina, I have a friend for you, who'll be here".... Today I almost have no foreigners [as clients] anymore, because most have moved away. And the ones who were connected to me want a domestic worker for the whole day, every day. That's not for me, because I already have agreements for the future.

Here, it becomes clear that foreign employers' expectations have been changing, but also that there are now more Czech clients for domestic workers as well.

The domestic work sector in the Czech Republic comprises a heterogeneous group of workers and employment situations. In one interview, a full-time domestic worker said: "Here a lot of retirees are doing it. They earn something on the side. Well, they clean the household, watch children ... Many students watch children or clean" (Martina). Domestic work is, in this respect also, a way to compliment the meager government benefits to students, mothers, and retirees (H., academic expert). Adéla Souralová (2015) analyzes how Czech retirees work as nannies. While in

³ According to the Organization for Economic Cooperation and Development, the Czech Republic is among countries where income disparity has increased the most since the 1980s (OECD 2011:66).

many Western countries (e.g., the United States and Germany), domestic work is performed almost exclusively by an immigrant workforce, in the Czech Republic both migrants and nonmigrants are employed in private households. Some domestic workers, such as my interviewee Martina, work full-time, others only part-time, like interviewee Elayna, a former asylum seeker. In the case of many domestic workers, domestic work is a temporary and often part-time job. These women, therefore, often do not identify themselves as domestic workers, which negatively influences their interest in organizing as domestic workers (I will discuss this more below). While domestic workers are a very diverse group in the Czech Republic—and one of my interviewees was a former asylum seeker—this is not the norm.

I know that in the past a few clients from asylum seekers' homes found such work. I know that that might be because there are foreigners here who got Czech citizenship and because they came from the same country [gave them this work], maybe it was also to help the people from the asylum seekers' homes. I think that it is rather an exception [for asylum seekers to have this job]. (R., charity worker)

Domestic work in the Czech Republic is characterized by the existence of different types of work relationships. Domestic workers are sometimes self-employed with a business license (*živnostenský list*),⁴ which is easy to apply for; there are also many agencies that connect domestic workers with employers, and sometimes in these cases the domestic workers hold a business license as well. One employee from a public migration counseling office explains: "The Czech women, when they are working, they work for themselves. When you meet people who are not employed, they are self-employed ... The foreigners tend to work with agencies" (M., employee, public migration counseling office). Instead of having regular formal employment, domestic workers are often employed informally. Ania complains that many migrant domestic workers work informally and cheaply, suppressing the average wage; however, she too usually enters into verbal agreements with employers when she is not working through an agency.

CHALLENGES FOR DOMESTIC WORKER ORGANIZING

Historically, organizing within trade unions has been a way for workers to claim their rights, but the domestic work sector has been difficult to organize. Michele Ford (2004) has famously referred to domestic workers as "unorganizable." Reasons for the difficulties in organizing domestic workers include the fact that their workplaces are located in private households and the informal nature of the work. Many domestic workers are migrants and work with short-term contracts or no con-

⁴ For some time, migrant domestic workers from third countries could enter the labor market through obtaining a business license and work formally with one. Recently, however, the Czech Republic has tightened migration legislation, making access to employment for migrant domestic workers more difficult and their employment status, in cases of disagreement with their employers, more precarious (Uhde 2014).

tracts at all (see Ford 2004:101). From the resource mobilization perspective (see McCarthy and Zald 1977; McAdam, McCarthy, and Zald 1996), these workers, who are often female and undocumented migrants in a low-wage sector, have limited resources, which has been suggested as a reason for their limited participation in labor unions (Smith 2000; Schwenken 2003, 2016; Günther 2011). Problems with collecting membership fees or union dues from domestic workers can hamper organizing as well (Fish 2006:121). Domestic work is also not always recognized as work, making organizing based on a worker identity and on a labor-movement identity sometimes difficult. This is especially true if it is only performed as a side job or when domestic work is undertaken as a temporary solution until the worker can find a better job.

Despite these challenges in organizing domestic workers, some examples of successful organizing attempts exist: by trade unions in the Netherlands (Günther 2011), South Africa (Fish 2006), and the United Kingdom (Anderson 2000; Schwenken 2003:50), and by civil society organizations in the United States (Boris and Nadasen 2008). On the transnational level, domestic workers in the International Domestic Workers Network (IDWN), now International Domestic Workers Federation (IDWF), supported by the International Union of Food, Agricultural, Hotel, Restaurant, Catering, Tobacco and Allied Workers' Association (IUF) and WIEGO (Women in Informal Employment: Globalizing and Organizing), lobbied successfully for a Convention, enshrining labor rights for domestic workers (Schwenken 2012, 2016).

Explanations for why these instances of organizing succeeded—at least for some time—in bringing domestic workers together and campaigning for their rights have noted that organizing based on class and ethnicity or work and migration status, sometimes interrelated with gender and family, seems to be fruitful (Boris and Nadasen 2008:415; Günther 2011). In the successful case of the Netherlands, the trade union defined its task broadly, including providing services specifically to migrant domestic workers, such as giving out ID cards and calling for migrants' rights (Günther 2011:24–26). Workers' centers and community organizing have been important in the United States for organizing domestic workers because they are rooted in neighborhoods and not workplaces, which can change quite often for domestic workers. As hiring is often a racialized process structured by ethnicity, organizing in cases where migration and work are closely intertwined has to take ethnicity into account as well (Boris and Nadasen 2008:426).

Strategies that were successful in organizing domestic workers often included forms of social movement organizing, even when organizing took place in a trade union frame—for example, hiring a migrant organizer (Günther 2011). Framing approaches that focused on a rights perspective for workers instead of emphasizing the victimization of domestic workers through a trafficking frame have been part of the campaign in the RESPECT network across the European Union (Schwenken 2003); the transnational campaign for the ILO Convention also spoke of “rights” and did not frame domestic workers as victims. In the following section, I present Shireen Ally's (2005) model of domestic worker organizing.

TWO MODELS OF ORGANIZING: THE UNION MODEL AND ASSOCIATION MODEL

In her analysis of the organizing of domestic workers, Shireen Ally distinguishes between the association model and the union model as a “bipolar structure of representation” (2005:186; see also Schwenken 2011, 2012:15, 2016; Heimeshoff 2014). The association model, on the one hand, “recognises and utilises transnationalism’s re-formulation of the calculus of race and gender, and has pursued a new politics of identity around migrancy. On the other hand, a ‘union model’ has attempted to recover the traditional mobilising identity of class, reconfigured to recognise the significance to the labour movement of gendered care work under globalisation” (Ally 2005:187). Domestic worker organizing is, accordingly, based on different identities: a class identity in the case of union organizing, whereas the association model is based on other identities, such as gender, origin, migratory experience, and ethnicity. Additionally, the differing strategies of the two models, not included initially in the distinction between the union model and the association model, can complement our understanding of the bipolar structure of representation suggested by Ally. Linked to different identities, different forms of organizing and strategies can be identified. Traditional forms of organizing and mobilizing in the union model are strikes and collective bargaining. On the other hand, associations often focus on alternative strategies of organizing, such as community organizing. Some trade unions in the field of domestic work (for example in the Netherlands) have tried to combine some of the strategies of the association model and engage in what has been termed “social movement unionism” (for an outline of the concept see von Holdt 2002).

Both in research and in the political organizing of domestic workers, opinion varies on which model to follow. Some organized representatives of domestic workers demand that the organizing be done by unions in order to strengthen organizing based on labor rights, whereas others see advantages to organizing in associations (Ally 2005; Schwenken et al. 2011). The advantages of trade union organizing are that in many countries trade unions have access to governmental decision-making structures and can provide trade union resources. Associations, in contrast, offer independence from an often patriarchally constituted trade union, in which domestic workers, as women, migrants, and low-income members, have a weak position. Additionally, the strategies commonly pursued by trade unions, such as strikes and collective bargaining, are difficult to carry out in a sector like domestic work, where, due to individualized workplaces, a strike is not as visible and results of collective bargaining are easy to undercut.⁵ On the other hand, the founding of an association or an informal group does not require as many prerequisites as the founding and the development of a more formal organization such as a union. At the same time, organizing through the association model can be a basis for future organizing by unions and strengthen the role of trade unions. However, Ally also warns that organizing in the form of the association model can lead to a replacement of unionization, because

⁵ For instance, in Germany a collective-bargaining agreement exists in the field of domestic work, but employers and domestic workers often do not know about it. Informal workers are usually paid less and do not receive the benefits outlined in the collective-bargaining agreement.

organizing that is based on a gender and immigrant identity can reproduce the idea of domestic work as a task for women and migrants (2005:188, 197).

Some criticism of the association model also applies to organizing by trade unions. Although trade unions in industrialized countries may take up organizing migrant workers and other marginalized workers, their involvement is often based on a service-oriented dimension: they provide counseling services for undocumented workers, but participation and unionization remains difficult (Heimeshoff and Schwenken 2013). While an understanding of domestic workers as “unorganizable” is widespread, some unions have realized that they can mobilize additional members and thus increase their membership by including domestic workers (Ally 2005:199; Schwenken et al. 2011:441). For instance, in Brazil and Chile domestic workers have been part of union organizing for quite some time (Schwenken 2012); as mentioned above, in South Africa and the Netherlands domestic workers have also been included in trade unions. Nevertheless, domestic workers continue to be organized mostly outside of trade unions, in associations (Ally 2005).

THE CZECH REPUBLIC: A MIGRANT NGO DEMANDS RATIFICATION

While in some countries trade unions advanced the demand for ratification (for example, in Germany the trade unions, supported by NGOs, took on this task), in the Czech Republic, a postsocialist country, an NGO working with migrants, SIMI, represented domestic workers’ demands for rights and the ratification of the Convention. Many of SIMI’s clients are migrant domestic workers. After the adoption of the Convention in Geneva in June 2011, SIMI, in a press statement, explained the problems that their domestic worker clients were facing and demanded ratification of the Convention in the Czech Republic.⁶ Immediately after the adoption, SIMI started a project informing domestic workers about their rights (SIMI Press Release, June 30, 2011). In the relevant Senate committee, representatives of the NGO, supported by academics, demanded ratification of the Convention, albeit unsuccessfully (Heřmanová and Redlová 2012). The argument of the Czech government against ratification was the supposed lack of significance of domestic work in the Czech labor market that could not justify the changes to Czech labor law required for it to conform to the ILO Convention (Heřmanová and Redlová 2012). As mentioned above, the Czech government claimed that only 49 migrants were employed as domestic workers in the Czech Republic; however, other estimates of the number of domestic workers are significantly higher (Česká televize 2012; Redlová 2013; Ezzeddine 2014, Uhde 2014).

Aside from its activity in the discussion about the Convention with the Czech government, SIMI also campaigned⁷ for the rights of domestic workers by various

⁶ In a different text, I describe this as a successful downscaling of organizing from the transnational scale, as SIMI picked up the topic from the international debate (Heimeshoff 2014).

⁷ Campaign website: <http://www.migrace.com/cs/pracovni-migrace/kampan-domaci-pracovnice>.

means. For instance, they produced a TV spot⁸ that aired in 2012, aimed at raising awareness of the rights of domestic workers. The organization prepared leaflets and handouts in different languages that listed the rights of domestic workers and advertised counseling services. In 2013 SIMI led a campaign that focused on the precarious working conditions of domestic workers and the dangers of ethnic stereotyping. As part of the campaign, SIMI set up a website of a fake employment agency for domestic workers, which a famous Czech moderator promoted. The agency advertised fake domestic workers and working conditions that violated Czech labor laws. Despite this, over 150 interested employers wanted to hire a domestic worker via this agency. At the official launch of the agency, the NGO revealed that it was part of a campaign for domestic workers' rights. While SIMI does address government institutions with its campaign for ratification, the campaign is interesting in that SIMI does not limit its target to the government. While in some other countries, such as Germany, the campaign focus (in that case by trade unions) was mainly the government, which is responsible for ratification, SIMI's campaign specifically targets employers as well. Not only did the organization innovatively present a fake employment agency to raise awareness of working conditions and ethnic stereotyping, it also published "Ten Commandments of a Fair Employer" (Uhde 2014).⁹ In those "Ten Commandments," SIMI explains labor rights, referring also to the key theme of the ILO Convention 189 that "domestic work is work like any other," demanding respectful treatment of domestic workers and pushing for formal employment.

For SIMI, in keeping with the association model, organizing is based on issues such as migration and ethnicity. With the association model, migrant identity takes precedence over class identity. SIMI of course refers to the legal framework and labor laws in their demands for improvements of domestic workers but defines itself as a human rights organization with a focus on migrants: "We are a nonprofit human rights organization defending the rights of foreigners in the Czech Republic," as it says on their website.¹⁰ SIMI limits its advocacy to a specific subsection of domestic workers—migrant domestic workers—in their campaigns. By doing so, it reduces the difficulties associated with organizing a heterogeneous groups of workers that trade unions would be faced with in this sector. I will later discuss the challenges that organizing migrants have posed for trade unions.

SIMI also uses strategies associated with new kinds of campaigns and social movements. Raising awareness in an innovative way by setting up a fake domestic work agency is not a strategy one might imagine a trade union doing—it is associated more with NGO approaches. The following section explains why in the Czech Republic the main actor demanding domestic workers' rights was an NGO in coopera-

⁸ "Víte, kdo Vám doma uklízí?" (http://www.migrace.com/cs/podpora/media/video/6_vite-kdo-vam-doma-uklizi).

⁹ <http://www.pracovnicevdomacnosti.cz/en/en/for-female-migrants/news/ten-commandments-of-a-fair-employer.html>.

¹⁰ "Jsme lidskoprávní nezisková organizace hájící práva cizinců v České republice" (<http://www.migrace.com/cs/organizace/o-nas>).

tion with researchers interested in gender and migration, with the trade unions fairly absent from the campaign. It has to be noted that SIMI is not organized by domestic workers themselves, but it tries to involve domestic workers actively in their projects and to represent their interests.

TRADE UNION ORGANIZING IN THE CZECH REPUBLIC

The organizing of domestic workers in the Czech Republic is based on the association model instead of the union model. I argue that understanding the position of trade unions in postsocialism is necessary in order to explain their reservations about supporting the passing of the Convention. In this section, I will first give some insight into trade unions in the Czech Republic and then present some results from my interviews on domestic workers' ideas about trade union organizing to shed light on the lack of union involvement in the ratification process of C189.

TRADE UNIONS IN POSTSOCIALISM AND MIGRATION

Postsocialism refers to the countries with a previous state socialist system (Verdery 1996; Hann 2002), but it is more than just a time "after" socialism. The concept takes into consideration historical legacies, path dependencies, and the sociocultural impacts of socialism. Postsocialism assumes that there are commonalities among countries that experienced state socialism, and indeed some experiences—such as issues around trust in and legitimacy of institutions—seem common to the whole region. Common experiences in the transformation process of postsocialist countries include liberalization of the economy, property changes via privatization and restitution, legal transformations, changes to norms, and new ideas about ethnicity and identity.

Unions in postsocialist countries are generally considered weak and voiceless compared to their counterparts in Western Europe (Ost 2000; Kideckel 2002; Crowley 2004:395), although varieties of corporatism have been identified in postsocialist corporatism (Avdagic 2006). The newly introduced corporatism was an instrument for the legitimization of capitalism after 1989 and only symbolically integrated trade unions (Ost 2000). In her theorization of the power and policy interests of trade unions and governments, Anke Hassel argues that postsocialist trade unions are interested in power resources, in other words, in the preservation of their resources and existing members; they are therefore most concerned with maintaining institutional security and not so much with the representation of policy interests such as wage increases and labor rights (2009:12). This is because of the organizational capacity of unions—referring to a resource mobilization perspective on corporatism and union organizing—but also because of the position of the government (9). The legitimacy of trade unions was in many cases compromised after 1989 due to their association with the socialist system, resulting in low unionization rates and in some instances in the founding of new unions and union pluralism (Hassel 2009).

In comparison with some other postsocialist countries, trade unions in the Czech Republic are considered more successful, because some strikes and labor strug-

gles have taken place (Stark and Bruszt 1998; Avdagic 2006) and they are less fragmented than in other postsocialist countries (Mansfeldová 2012:764). Although the Bohemian-Moravian Confederation of Trade Unions (Českomoravská konfederace odborových svazů, ČMKOS) can mobilize workers for large demonstrations and the union federation is not under pressure due to competition with other federations to the same degree as in other postsocialist countries (Valterová 2008:248; Císař, Navrátil, and Vráblíková 2011), trade union membership in the past 20 years has nevertheless declined significantly (Tholen et al. 2003; Bauerová 2011:5). Above all, the legitimacy of unions is low (Valterová 2008:248). David Ost argues that the socialist past resulted in "labor's weak class identity, procapitalist predilections, and a consequent undermining conception of self" (2000:505). This can be explained by the role of trade unions under socialism, because socialist trade unions did not represent workers' interests and tripartism did not mediate between the interests of workers and the interests of employers—unions were incorporated into the socialist state, being responsible for the socializing of their members, recruitment for political offices, management of recreation, leisure, and holidays of workers, and providing services, as was the case in socialist Czechoslovakia (Tholen et al. 2003:35; Mansfeldová 2012:755). In this Soviet model of "trade unionism," trade unions did not have the right to strike and bargain for workers' rights either (Mansfeldová 2012:763). With transformation, trade unions lost their proximity to the state and many of their powers (see Tholen et al 2003:35). Dorothée Bohle and Béla Greskovits (2007) show that the neoliberal orientation of the transformation after 1989 has contributed to the weakening of Central and Eastern European trade unions and, in effect, to their loss of legitimacy as well. These aspects suggest an inherent weakness, especially a discursive weakness, of trade unions in postsocialist Czech Republic. Not only have procapitalist attitudes and employer-friendly positions existed in the trade unions since the end of socialism, but also in the larger society trade unions are seen as an unnecessary leftover associated with the previous regime (Mansfeldová 2012:763). Public confidence in unions is rather low (Vašková, Kroupa, and Hála 2005:135), and workers often see no reason for joining them (Myant 2007). The unions are therefore located in an antiunion discourse that denies them legitimacy as representatives of workers' interests, which limits their scope of action (Crowley 2004).

A representative of the Trade Union Federation ČMKOS described in an interview the situation of the trade unions in the Czech Republic as follows:

We win over neither the employees nor the companies, for union organization to work within those companies. This proves to be very problematic, let alone convincing people in private households.... But I would say that the question is what our possibilities even are. As unions, we are currently in a very difficult situation, in which we just have a very strong right-wing government that is socially very noticeable in our opinion. It [the government] is preparing steps in the area of pension reform, health care reform, and so on. It limits the social sector, is amending the labor law, which limits the rights of employees, limits the right of trade unions. We are now really in a situation in which we are struggling for survival.

Additionally, the interviewee from ČMKOS mentioned as challenges for trade union organizing of domestic workers “that image, that people do not know anything about us, not [even] that the possibility [that trade unions] even exist. Or it is too far away, and if they wanted to, nobody is addressing them. And they also do not know by themselves how to do that.” Here he addresses several issues: The “image” of trade unions among “people” prevents trade union organizing and demonstrates ignorance of what trade unions are about. He argues that the unions are in a position that makes expanding trade union activity and organizing challenging. Organizing domestic workers who work in private households is understood by the trade union official as being more difficult than including company workers with a specific workplace—and even the latter, which is considered a central task for a trade union, is rarely successful in the Czech Republic. Among the causes of this situation, the interviewee sees the policies the (at that time) right-wing government had implemented and the activities the trade union was undertaking to prevent cuts to social welfare. The trade unions see these government approaches as a more immediate threat to trade unions “struggling for survival” than the difficult expansion of their membership to domestic workers. The organizing of domestic workers in private households he sees as outside of the realm of “possibility” considering the resources needed and the trade unions’ precarious position.

Applying Hassel’s (2009) model to this, one can say that the loss of resources, such as the declining membership and low legitimacy in the postsocialist system, makes it difficult for Czech trade unions to go beyond their power interest and raise additional demands or use new strategies, such as organizing approaches, which in the literature have been described as successful in organizing domestic workers (Günther 2011). Their strategy is therefore to maintain the status quo. The trade union position in a postsocialist environment adds an extra layer of difficulty to organizing an already difficult-to-organize workforce.

When organizing domestic workers, trade unions face an additional dilemma at the national level. Trade unions ideologically refer to international workers’ solidarity and class identity, but are then organized nationally and often limit their focus to the interests of national workers; workers often fear migrants as competitors for jobs (Günther 2011:7; Čaněk 2012, 2016). If migrants are included in trade unions, unions have to decide whether to treat them the same as nonmigrant workers or differently (Günther 2011:8; see also Penninx and Roosblad 2000). This might be achieved by providing different services to them that they need as migrants, have migrant representation within the union, or include them not as migrant workers but as members with the same services and procedures as for nonmigrants. Including migrants can be an extra financial and personnel burden and might require additional resources, especially in the initial organizing; for example, in the Netherlands a migrant organizer was hired for migrant domestic workers (Günther 2011). For these reasons, trade unions have had a very ambivalent stance on organizing migrants for a long time (see Penninx and Roosblad 2000; Günther 2011). This is a barrier to union organizing of domestic workers.¹¹

¹¹ The precedence that the international labor identity takes over the national labor market protection idea at the international level might be a reason the organizing of domestic workers for Convention 189 was so successful at the ILO.

In the Czech Republic trade unions give priority to ensuring labor standards for local workers, favoring restrictive migration policies for third-country nationals and larger controls on informal labor (Čaněk 2012:4–6). Trade unions have even taken the side of the state in fighting against undocumented migration, calling informal migrants “scammers” (8). This position affects exactly the sphere in which domestic work takes place. Czech trade unions therefore do not take a global union perspective based on an international labor-movement identity. Ethnic divisions are more important to trade unions than the class division within society, in contrast to Western European countries, according to Marek Čaněk, where the focus of trade unions is to ensure equal working condition but not to critique immigration as such (5–6). For domestic workers’ organizing, it has been shown that combining aspects of migration and class by trade unions is beneficial for organizing (Günther 2011). In the case of the Czech Republic, because trade unions are against migration, trade union organizing seems utopian.

As the relationship between trade unions and domestic workers is not a one-sided process, I will refer in the following section to the perspectives of domestic workers on trade unions.

TRADE UNION ORGANIZING FROM THE PERSPECTIVE OF DOMESTIC WORKERS

While trade unions did not try to represent domestic workers’ rights during the debates around ratification, domestic workers in the Czech Republic in my interviews did not express interest in unionization either. In this section, I will present domestic workers’ explanations for their hesitancy about trade union organizing. Based on my interviews, I can identify three reasons: lack of knowledge, the perception that trade unions do not represent self-employed and informal employees, and migrant identity.

Asked about her opinion on domestic worker organizing within a trade union, Katia, domestic worker and agency owner, replied: “My personal opinion is that no organization, no trade union, can clean for somebody.... An organization wouldn’t change anything.... Something like that we don’t have. That doesn’t pay off. One can go to the normal employment office if one doesn’t have work.” Katia, in general, does not believe in the organizing of domestic workers. For her, the main objective is to do her job, which takes precedence over additional aspects like having an organization responsible for domestic worker representation and demanding labor rights. It becomes clear from this interview excerpt that she does not know about the mandate of trade unions. She assumes its purpose is to connect unemployed domestic workers with employers, as indicated by her statement that “[o]ne can go to the normal employment office.” A trade union would, in her understanding, just duplicate an existing institution. Another Ukrainian worker, Ania, explains that the only thing that could help domestic workers would be legal counsel, a contract, or good acquaintances—knowing the right people, as she claims that employers with access to lawyers have threatened her. In contrast to Katia, Ania, who works mostly informally, stresses the need for support for domes-

tic workers and their rights; however, she does not believe trade unions to be good providers of legal support or advocates for a contract. While she names some services, such as legal counsel, that trade unions actually perform, she does not see this as a function of trade unions.

Here another aspect comes in: the status of domestic workers who are often working informally or are self-employed. The daughter of domestic worker Elayna translated her mother's words from Mongolian: "Mom worked for a private person, so she had no contract, nothing. If she was told 'come,' she came. It is not tied to any law or any policy." Because of the informality and insecurity of her work situation, the domestic worker in this case does not consider the trade union as an organization to turn to but sees her situation as being outside of legal and political institutions. She accepts this status. Another domestic worker explains, "I would say that unions are good for the public sector ... I cannot imagine that I as a self-employed person would go to the trade unions and would ask for something. I cannot imagine how it would look" (Martina). Here the argument against turning to trade unions is not that the work is informal, but also the character of the work relationship is important; in this case, it is one's status as a self-employed person.

Apart from the lack of knowledge about trade unions and the employment status of many domestic workers, the migrant identity of many domestic workers seems to play a role in preventing trade union organizing. Ania, a migrant domestic worker from Ukraine, says that domestic worker organizing "does not make sense" either, because few actually want to stay for a longer period of time (as a migrant) in the Czech Republic and most will at some point want to work for a company (and leave domestic work). Domestic work, according to Ania, is never the goal of migrant domestic workers. She highlights that she—and many others like her—has a university degree in economics that is not recognized in the Czech Republic. Domestic work is, for many, only a stopgap measure until they can make use of their education and find a better job. Here she addresses an important issue: in order for organizing to be effective, domestic workers need to have a shared identity as workers. This worker identity is missing in most cases; therefore, organizing with a focus on this identity, which the trade union model is based upon (Ally 2005), is likely to be unsuccessful.

Asked about the possibility of self-organizing as domestic workers beyond unions and ethnic networks, interviewee Katia responds:

To support domestic workers? That's more like—that it is the cheapest work there is. Domestic work is the cheapest. And if there is an organization, that would also not be logical, because they really have the minimum as a salary. Anyone who wants to have an organization has to have resources.

In this way, she hints at the problem of low resources in domestic worker organizing, even outside of trade unions, questioning the viability of other types of organizations as well. Overall, trade unions in the Czech Republic have a poor image and little legitimacy among domestic workers.

The character of domestic work and the nonstandard work relationship that makes trade union organizing difficult become visible in these statements by domestic workers. As domestic work is often carried out by self-employed people or informally, sometimes for multiple employers with different employment statuses, trade union organizing remains difficult, especially given a general lack of knowledge about trade unions and their mandate.

CONCLUSION

The domestic work sector in the Czech Republic displays many features common to other countries worldwide. It stands out, however, when compared to many Western countries, in that domestic workers are such a heterogeneous workforce with different types of work relationships. There are migrant and nonmigrant domestic workers; self-employed, informal, and employee work relationships; and part-time and full-time domestic work arrangements. This heterogeneity makes organizing difficult.

In this article I gave an overview of the domestic work sector in the Czech Republic and the organizing of domestic workers specifically in order to understand how domestic workers are represented and what barriers to organizing exist that contribute to an absence of union involvement in demands for ratification of Convention 189. Instead, an NGO active in the migration sector lobbies for the rights of domestic worker.

In order to understand the absence of trade union interest in the issue of domestic work, one has to take into account several issues. For the Czech Republic the postsocialist perspective on trade unions is one factor that helps explain the lack of trade union organizing. Trade unions are under pressure due to a lack of legitimacy as an institution; they lack resources and are focused on defending their own interests and maintaining their minimal power base (Hassel 2009). Trade unions in the Czech Republic are not opening up to migrants because they focus on protecting the labor market for Czech workers. In this way, they avoid broader ideals of international worker solidarity. Nor do domestic workers see unions as representing their labor rights—both due to a lack of knowledge and not seeing trade union organizing as fitting their status as self-employed or informal workers but also because their identity is not based on class and work status. In that sense, representation and possibly organizing by a migrant NGO like SIMI better fits their identity if one refers to the bipolar model of representation outlined above (Ally 2005). SIMI's campaign was built upon a combination of organizing based on migrant identity, women's rights, and labor rights demands, employing strategies of organizing and representation associated with social movement organizing—for example, the innovative public launch of a fake domestic work agency. While demands for labor rights obviously refer to all workers, as an organization working on the migration issue, SIMI also focused on one group of workers: migrant domestic workers. Nevertheless, SIMI filled a gap in the representation of domestic workers' rights, as trade unions remained quiet on the issue of Convention 189 and its ratification.

INTERVIEWS (PSEUDONYMS)

- Ania, domestic worker from Ukraine; Prague, Czech Republic, March 9, 2011
 Elayna, domestic worker from Mongolia; small town, Czech Republic, January 11, 2011
 Katia from Ukraine, agency owner and domestic worker; small town, Czech Republic, January 10, 2011
 Martina, domestic worker from the Czech Republic; Prague, Czech Republic, December 3, 2010
 ČMKOS, trade union federation; Prague, Czech Republic, February 22, 2011
 D., academic expert; Brno, Czech Republic, February 21, 2011
 H., academic expert; Prague, Czech Republic, February 22, 2011
 M., employee, public migration counseling office; small town, Czech Republic, January 10, 2011
 R., migration charity worker; small town, Czech Republic, January 11, 2011

REFERENCES

- Aleinik, Maryna. 2010. *Employment Agencies—The Open Door for Migrant Workers: Recruitment Mechanisms and Working Conditions of Russian Speaking Female Migrants in the Czech Republic*. Prague: Open Society Institute.
- Ally, Shireen. 2005. "Caring about Care Workers: Organising in the Female Shadow of Globalisation." *Travail, capital et société* 38(1/2):184–207.
- Anderson, Bridget. 2000. *Doing the Dirty Work?: The Global Politics of Domestic Labour*. London: Zed Books.
- Anderson, Bridget. 2004. "Just Another Job? The Commodification of Domestic Labor." Pp. 104–114 in *Global Woman: Nannies, Maids, and Sex Workers in the New Economy*, edited by Barbara Ehrenreich and Arlie Russell Hochschild. New York: Metropolitan Books/Holt.
- Apitzsch, Ursula, and Marianne Schmidbauer, ed. 2010. *Care und Migration: Die Ent-Sorgung menschlicher Reproduktionsarbeit entlang von Geschlechter- und Armutsgrenzen*. Opladen, Germany: Budrich.
- Avdagic, Sabina. 2006. "One Path or Several? Understanding the Varied Development of Tripartism in New European Capitalisms." Discussion Paper No. 06/5, Max Planck Institute for the Study of Societies, Cologne.
- Bauerová, Jaroslava. 2011. *Entwicklung der tschechischen Gewerkschaften in 2010*. Prague: Friedrich-Ebert-Stiftung.
- Bohle, Dorothee, and Béla Greskovits. 2007. "Neoliberalism, Embedded Neoliberalism and Neocorporatism: Towards Transnational Capitalism in Central-Eastern Europe." *West European Politics* 30(3):443–466.
- Bonner, Chris, and Dave Spooner. 2011. "Organizing in the Informal Economy: A Challenge for Trade Unions." *Internationale Politik und Gesellschaft* 2:87–105.
- Boris, Eileen, and Premilla Nadasen. 2008. "Domestic Workers Organize!" *WorkingUSA: The Journal of Labor and Society* 11(4):413–437.
- Bosniak, Linda. 2009. "Citizenship, Noncitizenship, and the Transnationalization of Domestic Work." Pp. 127–156 in *Migrations and Mobilities: Citizenship, Borders, and Gender*, edited by Seyla Benhabib and Judith Resnik. New York: New York University Press.
- Brabcová, Eva. 2014. "Nečistě praktiky čistých domácností: mediální analýza instituce nájemní práce v domácnosti v České republice." Pp. 14–25 in *Migrantky a nájemná práce v domácnosti v České republice*, edited by Petra Ezzeddine. Prague: Sdružení pro integraci a migraci.
- Čaněk, Marek. 2012. "Když chybí politický zájem o rovnoprávné postavení pracovních migrantů a migrantek: Prístupy odboru a inspekce práce v České republice." *Migraceonline.cz*, January 31. Retrieved February 6, 2016 (<http://www.migraceonline.cz/cz/e-knihovna/kdyz-chybi-politicky-zajem-o-rovnopravne-postaveni-pracovnich-migrantu-a-migrantek-pristupy-odboru-a-inspekce-prace-v-ceske>).
- Čaněk, Marek. 2016. "Migrant Rights Activism in the Czech Republic." Pp. 85–105 in *Just Work?: Migrant Workers' Struggle Today*, edited by Aziz Choudry and Mondli Hlatshwayo. London: Pluto Press.

- Česká televize. 2012. "Organizace pro migranty: Vláda zlehčuje problém domácích prací." August 8. Retrieved February 26, 2016 (<http://www.ceskatelevize.cz/ct24/domaci/1152829-organizace-pro-migranty-vlada-zlehcuje-problem-domacich-praci>).
- Císař, Ondřej, Jiří Navrátil, and Kateřina Vráblíková. 2011. "Staří, noví, radikální: Politický aktivismus v České republice očima teorie sociálních hnutí." *Czech Sociological Review* 47(1):137–167.
- Crowley, Stephen. 2004. "Explaining Labor Weakness in Post-Communist Europe: Historical Legacies and Comparative Perspective." *East European Politics and Societies* 18(3):394–429.
- Drbohlav, Dušan, and Lenka Medová. 2009. "Undocumented Migration: Counting the Uncountable; Data and Trends across Europe." European Commission Country Report. Retrieved October 9, 2013 (http://clandestino.eliamep.gr/wp-content/uploads/2009/10/clandestino_report_czech-rep_final_3.pdf).
- Ehrenreich, Barbara, and Arlie Russell Hochschild, ed. 2004. *Global Woman: Nannies, Maids, and Sex Workers in the New Economy*. New York: Metropolitan Books/Holt.
- Ezzeddine, Petra. 2011. "Ztráty a nálezy transnacionálního mateřství (reflexe genderu v migraci)." PhD dissertation, Faculty of Humanities, Charles University Prague.
- Ezzeddine, Petra. 2012. "Mateřství na dálku: Transnacionální mateřství ukrajinských migrantek v České Republice." *Gender, rovné příležitosti, výzkum* 13(1):24–32.
- Ezzeddine, Petra. 2014. *Migrantky a nájemná práce v domácnosti v České republice*. Prague: Sdružení pro integraci a migraci.
- Ezzeddine, Petra, and Lenka Pavelková. 2014. "Migrantky a nájemná práce domácnosti: Úvod do problematiky." Pp. 6–11 in *Migrantky a nájemná práce v domácnosti v České republice*, edited by Petra Ezzeddine. Prague: Sdružení pro integraci a migraci.
- Ezzeddine, Petra, and Vilém Semerák. 2014. "Situace migrantek na českém trhu nájemné práce v domácnostech." Pp. 26–59 in *Migrantky a nájemná práce v domácnosti v České republice*, edited by Petra Ezzeddine. Prague: Sdružení pro integraci a migraci.
- Fassmann, Martin. 2008. "Charakter trhu práce na černo a situace v Česku." Pp. 68–81 in *Nelegální ekonomické aktivity migrantů (Česko v evropském kontextu)*, edited by Dušan Drbohlav. Prague: Karolinum.
- Fish, Jennifer. 2006. "Engendering Democracy: Domestic Labour and Coalition-Building in South Africa." *Journal of Southern African Studies* 32(1):107–127.
- Ford, Michele. 2004. "Organizing the Unorganizable: Unions, NGOs, and Indonesian Migrant Labour." *International Migration* 42(5):99–117.
- Formánková, Lenka. 2010. "Ideály péče v kontextu nových sociálních rizik." *Sociální studia* 10:69–92.
- Günther, Sylvia. 2011. "Struggling for Recognition: The Unionization of (Un-)Documented Migrant Domestic Workers in the Netherlands." MA thesis, Department of Social Sciences, University of Amsterdam.
- Hann, C. M., ed. 2002. *Postsocialism: Ideals, Ideologies, and Practices in Eurasia*. London: Routledge.
- Hassel, Anke. 2009. "Policies and Politics in Social Pacts in Europe." *European Journal of Industrial Relations* 15(1):7–26.
- Heimeshoff, Lisa-Marie. 2011. "Europe." Pp. 45–56 in *Domestic Workers Count: Global Data on an Often Invisible Sector*, edited by Helen Schwenken and Lisa-Marie Heimeshoff. Kassel, Germany: Kassel University Press.
- Heimeshoff, Lisa-Marie. 2014. "Prekäre Organisation – Haushaltsangestellte in der Tschechischen Republik." Pp. 159–176 in *Prekariisierung transnationaler Carearbeit: Ambivalente Anerkennung*, edited by Johanna Krawietz and Stefanie Visel. Münster, Germany: Westfälisches Dampfboot.
- Heimeshoff, Lisa-Marie, and Helen Schwenken. 2013. "Three Different Things: Having, Knowing, and Claiming Rights: Undocumented Immigrant Domestic Workers in Germany." Pp. 71–94 in *Irregular Migrant Domestic Workers in Europe: Who Cares?*, edited by Anna Triandafyllidou. Burlington, VT: Ashgate.

- Heřmanová, Marie, and Pavla Redlová. 2012. "Proc odmítla česká vláda ratifikovat Úmluvu o pracovnících v cizích domácnostech a jaké to má souvislosti?" Migraceonline.cz, September 13. Retrieved October 9, 2013 (<http://www.migraceonline.cz/cz/e-knihovna/proc-odmitla-ceska-vlada-ratifikovat-umluvu-o-pracovnicich-v-cizich-domacnostech-a-jake-to-ma-souvislosti>).
- Hochschild, Arlie Russell. 2004. "Love and Gold." Pp. 34–46 in *Global Woman: Nannies, Maids, and Sex Workers in the New Economy*, edited by Barbara Ehrenreich and Arlie Russell Hochschild. New York: Metropolitan Books/Holt.
- Holdt, Karl von. 2002. "Social Movement Unionism: The Case of South Africa." *Work, Employment & Society* 16(2):283–304.
- ILO. 2013. *Domestic Workers across the World: Global and Regional Statistics and the Extent of Legal Protection*. Geneva: International Labour Office.
- Jiříčka, Jan. 2014. "Jesle zůstaly ve vzduchoprázdnu: Na část dohlíží ministerstvo průmyslu." *iDnes*, January 28. Retrieved April 4, 2016 (http://zpravy.idnes.cz/jesle-nemaji-jasne-postaveni-di2-/domaci.aspx?c=A140127_081721_domaci_jj).
- Kideckel, David A. 2002. "The Unmaking of an East-Central European Working Class." Pp. 114–132 in *Postsocialism: Ideals, Ideologies, and Practices in Eurasia*, edited by C. M. Hann. London: Routledge.
- Lutz, Helma. 2008. "Introduction: Migrant Domestic Workers in Europe." Pp. 1–10 in *Migration and Domestic Work: A European Perspective on a Global Theme*, edited by Helma Lutz. Burlington, VT: Ashgate.
- Mansfeldová, Zdenka. 2012. "Tschechische Republik: Zivilgesellschaft, Verbände und Interessengruppen." Pp. 753–782 in *Verbände und Interessengruppen in den Ländern der Europäischen Union*, edited by Werner Reutter. 2nd ed. Wiesbaden, Germany: Springer VS.
- McAdam, Doug, John D. McCarthy, and Mayer N. Zald, ed. 1996. *Comparative Perspectives on Social Movements: Political Opportunities, Mobilizing Structures, and Cultural Framings*. Cambridge: Cambridge University Press.
- McCarthy, John D., and Mayer N. Zald. 1977. "Resource Mobilization and Social Movements: A Partial Theory." *American Journal of Sociology* 82(6):1212–1241.
- Myant, Martin. 2007. "Trade Unions in the Czech Republic." Pp. 335–346 in *Trade Union Revitalisation: Trends and Prospects in 34 Countries*, edited by Craig Phelan. Oxford: Peter Lang.
- OECD. 2011. *Society at a Glance 2011: OECD Social Indicators*. Paris: OECD.
- Ost, David. 2000. "Illusory Corporatism in Eastern Europe: Neoliberal Tripartism and Postcommunist Class Identities." *Politics & Society* 28(4):503–530.
- Penninx, Rinus, and Judith Roosblad, ed. 2000. *Trade Unions, Immigration, and Immigrants in Europe, 1960–1993: A Comparative Study of the Attitudes and Actions of Trade Unions in Seven West European Countries*. New York: Berghahn Books.
- Piper, Nicola. 2005. "Rights of Foreign Domestic Workers—Emergence of Transnational and Trans-regional Solidarity?" *Asian and Pacific Migration Journal* 14(1–2):97–119.
- Prügl, Elisabeth. 2009. "Processes of Empowering and Disempowering Domestic Workers." Paper given at the workshop "Strategies for Empowerment of (Migrant) Domestic Workers," November 30–December 1, International Center for Development and Decent Work, University of Kassel.
- Rákoczyová, Miroslava, Robert Trbola, Jiří Vyhřídál, and Pavel Kofroň. 2007. *Zaměstnavatelé zahraničních pracovníků v České republice a jejich role v procesu sociální integrace (analýza poptávky po zahraniční pracovní síle)*. Prague: VÚPSV.
- Redlová, Pavla. 2013. "Employment of Filipinas as Nannies in the Context of Post-Socialist Czech Republic." *Urban People* 15(2):185–215.
- Schwenken, Helen. 2003. "RESPECT for All: The Political Self-Organization of Female Migrant Domestic Workers in the European Union." *Refuge* 21(3):45–52.
- Schwenken, Helen. 2006. *Rechtlos, aber nicht ohne Stimme: Politische Mobilisierungen um irreguläre Migration in die Europäische Union*. Bielefeld, Germany: Transcript.

- Schwenken, Helen. 2010. "Transnationale und lokale Organisationsprozesse." Pp. 195–210 in *Care und Migration: Die Ent-Sorgung menschlicher Reproduktionsarbeit entlang von Geschlechter- und Armuts Grenzen*, edited by Ursula Apatzsch and Marianne Schmidbauer. Opladen, Germany: Budrich.
- Schwenken, Helen. 2011. "Organisationsprozesse illegalisierter Hausarbeiterinnen." Paper presented at the Seventh Annual Conference on Illegality, March 3, Berlin.
- Schwenken, Helen. 2012. "From Maid to Worker." *Queries* 1(7):14–22.
- Schwenken, Helen. 2016. "The Emergence of an Impossible Movement: Domestic Workers Organize Globally." In *Transnational Struggles for Recognition: New Perspectives on Civil Society since the 20th Century*, edited by Dieter Gosewinkel and Dieter Rucht. New York: Berghahn.
- Schwenken, Helen, Elisabeth Prügl, Rebeca Pabon, Claire Hobden, and Shireen Ally. 2011. "Conversations." *International Feminist Journal of Politics* 13(3):437–461.
- Smith, Peggie R. 2000. "Organizing the Unorganizable: Private Paid Household Workers and Approaches to Employee Representation." *North Carolina Law Review* 79:45–110.
- Souralová, Adéla. 2013. "'She Gave Us Life': Vietnamese Immigrant Families and Their Czech Nannies Redefining Relatedness." *Lidé města* 15:257–287.
- Souralová, Adéla. 2015. *New Perspectives on Mutual Dependency in Care-Giving*. Burlington, VT: Ashgate.
- Stark, David, and László Bruszt. 1998. *Postsocialist Pathways: Transforming Politics and Property in East Central Europe*. Cambridge: Cambridge University Press.
- Tholen, Jochen, Ludovit Czírja, Eike Hemmer, and Zdenka Mansfeldová. 2003. "EU Enlargement and Labour Relations: New Trends in Poland, Czech and Slovak Republic." Working paper 3, Institute Labour and Economy, University of Bremen.
- Uhde, Zuzana. 2012. "Slepá ulička instituce nájemní domácí péče." *Gender, rovné příležitosti, výzkum* 13(1):12–23.
- Uhde, Zuzana. 2014. "Market Model of Care and Transnational Care Practices." Background paper prepared for the international workshop "Global Care Chains: Why Should We Care?," October 22–23, Friedrich-Ebert-Stiftung, Berlin.
- Uhde, Zuzana. 2016. "From Women's Struggles to Distorted Emancipation." *International Feminist Journal of Politics* 18(3):1–19.
- Valterová, Aneta. 2008. "Manifestations of Corporatism in the Czech Republic." *Acta academica karviniensia* 2:239–254.
- Vašková, Renata, Aleš Kroupa, and Jaroslav Hála. 2005. "Možnosti a bariéry členství v odborech." Pp. 129–157 in *Participace a zájmové organizace v České republice*, edited by Zdenka Mansfeldová and Aleš Kroupa. Prague: SLON.
- Verdery, Katherine. 1996. *What Was Socialism, and What Comes Next?* Princeton, NJ: Princeton University Press.
- Vláda České republiky. 2011. "Analýza podmínek a možností zařazení dětí od dvou let věku do mateřských škol a vyhodnocení dalšího řešení rozšíření péče o děti do tří let." Retrieved April 4, 2016 (http://www.vlada.cz/assets/media-centrum/aktualne/Analýza-podmínek-a-možnosti-deti.pdf_ATbQ).
- Young, Brigitte. 2001. "The 'Mistress' and the 'Maid' in the Globalized Economy." *Socialist Register* 37:315–327.

ВЛИЯНИЕ ИСТОРИИ: ПОСТСОЦИАЛИЗМ, ПРОФСОЮЗЫ И ДРУГИЕ ТИПЫ ОРГАНИЗАЦИИ ДОМАШНИХ РАБОТНИКОВ В ЧЕШСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ

Лиза-Мари Хаймесхофф

Лиза-Мари Хаймесхофф – научный сотрудник кафедры миграции и общества в Институте исследований в области миграции и межкультурных отношений (IMIS) Оснабрюкского университета в Германии. Адрес для переписки: Institute for Migration Research and Intercultural Studies, University of Osnabrück, Neuer Graben 19/21, 49076 Osnabrück, Germany. liheimeshoff@uos.de.

Исследования, использованные при написании этой статьи, финансировались Международным центром развития и достойной работы Кассельского университета в Германии.

После принятия в 2011 году Международной организацией труда Конвенции № 189 «О достойном труде домашних работников» национальные кампании по ее ратификации в разных странах принимали разные организационные формы. В одних случаях домашних работников организовывали профсоюзы, в других их представляли неправительственные ассоциации, в третьих были образованы альянсы между группами, имеющими разнообразные организационные формы. Исходя из классификации моделей организации домашних работников, предложенной Ширин Элли, автор статьи определяет принятую в Чешской Республике модель как ассоциационную. Статья объясняет неучастие чешских профсоюзов в принятии Конвенции постсоциалистическим наследием профсоюзной организации, а также тем, что домашние работники не считают профсоюзы способными адекватно представлять их права и интересы. Это объясняется прежде всего не недостаточностью их знаний о профсоюзах и неверием в то, что профсоюзы могут защищать интересы индивидуальных предпринимателей или работников неформального сектора, а тем, что самоидентификация домашних работников побуждает их объединяться скорее на основе миграционного опыта и гендерных характеристик, нежели классовой принадлежности.

Ключевые слова: домашний труд; представительство; организация; Чешская Республика; миграция; постсоциализм; профсоюзы

Alissa Klots

Dirk Hoerder, Elise van Nederveen Meerkerk, and Silke Neunsinger, eds. *Towards a Global History of Domestic and Caregiving Workers*. Leiden, Netherlands: Brill, 2015. 568 pp. ISBN 978-90-04-28013-7.

Alissa Klots. Address for correspondence: Department of History, Rutgers University, 111 Van Dyck Hall, 16 Seminary Place, New Brunswick, NJ 08901, USA. alissaklots@yandex.ru.

Towards a Global History of Domestic and Caregiving Workers is an ambitious book that sets out to write domestic and caregiving work into the global history of labor. The authors define the subject of their research as “[w]ork in the households of others [which] includes all tasks concerning *household* work such as cooking, washing, cleaning as well as *care* work such as taking care of children, elderly and sick persons” (p. 2, emphases in the original) thus encompassing a wide spectrum of arrangements, from domestic slavery to the wage labor of unionized workers.

The edited volume contains 22 chapters based on papers presented at the 49th Linz conference organized by the International Conference of Labor History and Social Movements in 2013. The contributions are organized in four sections. The introductory section provides readers with a useful overview of existing literature on domestic and caregiving workers and a historical outline of paid domestic labor. Each part opens with a brief introduction that brings together the most important themes of the sections, making the volume more coherent and easier to navigate.

The opening chapter of the volume clearly shows that even though it is a history book, it is very much grounded in the present. Elise van Nederveen Meerkerk, Silke Neunsinger, and Dirk Hoerder passionately argue for the need to better the labor conditions of domestic workers today. Calling for dismantling the boundary between productive and unproductive work in scholarly analysis, they state that domestic work always produces “surplus value”—be it economic, social, or cultural. Rafaella Sarti’s historiographical essay analyzes the way social scientists’ belief in the inevitable disappearance of domestic service with the development of housekeeping technology and social services has shaped scholarship on domestic labor over the past 50 years. Sarti highlights its most important aspects, such as the role of domestic workers in cultural exchange between upper and lower classes, the place of domestic service in the life cycle of Western Europeans, the migration of mostly female domestic workers as part of bigger processes of urbanization and industrialization, questions of race and ethnicity of domestics and their employers in the colonial context, and so on. One thing I would have liked to see in this impressive overview is a discussion of how the transformation of history as a discipline over the last half century, with its turn away from social history to questions of culture, has affected the way we study paid domestic labor. Dirk Hoerder’s review of the global history of domestic and caregiving work through the lens of migration and gender strikes a good balance between outlining macrotendencies and doing justice to the regional

specificities of paid and unpaid domestic labor. He makes a strong case for the fluidity of “service” as a concept and its embeddedness in gender, class, racial, ethnic, and religious hierarchies. At the same time, he argues that domestic and caregiving workers should not be viewed only as victims of structures of inequality. In many circumstances, working “in service” is a choice and a manifestation of domestic workers’ agency. Hoerder calls for scholars to take women’s reasons for opting for caregiving and household work seriously, respecting the choices they and their families make even when we examine such problematic practices as self-sale or sale/pawning of family members. Domestic service can be an effective strategy for social mobility, while domestic workers’ cultural “otherness,” often analyzed within the frame of stigma and exclusion, can be a valuable resource and a source of self-assertion.

Agency is the overarching frame that unites articles in the first part of the volume. Majda Hrženjak challenges the notion that the global care chain is a recent phenomenon by showing that Slovenian women have been traveling to Italy since the mid-nineteenth century, choosing domestic work abroad as a way to improve their families’ economic status and become more independent. Elizabeth Hordge-Freeman and Jaira J. Harrington compare how Brazilian nonunionized women formally employed in domestic service and girls from poor families performing household services for their “adoptive parents” make sense of their experiences and resist exploitation. Marta Kindler and Anna Kordasiewicz trace the development of domestic service in Poland from the eighteenth to the twenty-first century. Adéla Souralová uses the fascinating case of Czech nannies for Vietnamese immigrants’ children to argue that emotional satisfaction from childrearing could play an important role in the decision to take up caregiving jobs. Lokesh analyzes the history of domestic workers’ organizations in Puna, India, to examine the potential of the domestic workers’ union movement to challenge gender- and caste-based hierarchies. Yukari Takai and Mary Gene De Guzman show how Philippine domestic workers in Canada strategize their careers and build a home away from home.

The second part of the volume deals with the history of domestic and caregiving work in colonial and postcolonial contexts. Shireen Ally uses three cases from the history of domestic service on the territory of today’s South Africa to demonstrate the coexistence of violence and intimacy in domestic service. Robyn Allyce Pariser complicates the history of African servants as powerless victims with her study of the multiple ways they influenced their masters’ domestic life in colonial Tanganyika. Andrew Urban’s contribution shows how ideas about race and gender as well as notions of egalitarianism perpetuated the stereotyping and exclusion of Chinese servants in the Anglophone Pacific. Victoria K. Haskins’s novel approach to the history of “outing”—the placement of Native American girls into white families as maids—uncovers the symbolic meanings wages had for the parties involved. Bela Kashyap traces the way precolonial gender norms, colonial rule, and the policies of postcolonial governments shaped domestic workers’ migration routes in Southeast Asia. Sabrina Marchetti’s contribution, based on analysis of oral interviews with Eritrean domestic workers in Italy and Afro-Surinamese caregivers in the Netherlands, argues that the way they make sense of their experience is shaped by the particularity of the relations between their countries of origin and former colonial metropolises.

The third section of the book focuses on the transformation of working conditions for domestic and caregiving workers in the modern world at the local, national, and international levels. It opens with R. David Goodman's chapter on the abolition of slavery in Morocco that shows how limited the effect of declarative legislation can be when there is no political will to enforce it. Magaly Rodríguez García examines the role of international organizations, especially the League of Nations, in the campaign against the *mui tsai* system—the practice of transferring girls to wealthy families in exchange for payment in China and Hong Kong. Dimitris Kalantzopoulos's contribution deals with the influence of colonial legislation on domestic service in Cyprus. Marina de Regt explores the role of migrant domestic workers in the construction of social hierarchies in contemporary Yemen. Jessica Richter depicts the construction of domestic work as a formalized employment category by legislators, courts, and domestic workers themselves within the context of building a welfare state in Austria. Elizabeth Quay Hutchison emphasizes the role social workers and unions played in the struggle for domestic workers' labor rights in Chile. The book concludes with Eileen Boris and Jennifer N. Fish's chapter on the International Labor Organization's long road to acknowledging domestic workers as laborers.

As is often the case with edited volumes, the contributions are of uneven quality. What I found surprising was that, although the editors position the volume as a book on history, a significant number of contributions deal with contemporary issues of domestic work, turning to history only as background, if at all. Tellingly, only half of the contributors are historians by training, the rest are working in the fields of sociology, anthropology, political science, or migration studies. While, as Rafaella Sarti shows, historians were the first ones to "discover" domestic service as an object of scholarly investigation, the "return" of paid household labor in the late twentieth century led to a boom in research by social scientists (pp. 48–49). As a result, the history of domestic service turned into a search for a "usable past" for champions of domestic workers' rights today.

There is also one glaring omission in the "global" scope of the book: a complete absence of chapters on domestic and caregiving work under socialism. Even those authors who deal with socialist periods in the histories of countries like Poland and Yugoslavia do not problematize the relation between paid domestic labor and socialism.¹ This is no fault of the editors, who acknowledge the gap (pp. 56–57). Rather, it points to the problem within the scholarly community working on paid domestic labor. Whether analyzing domestic service and the making of industrial capitalism in the nineteenth and early twentieth centuries or studying the effects of neoliberalism in the global care chain today, researchers who are very much influenced by feminist scholarship and hold left-leaning political views appear to be trapped in their vision of society, in which inequality and exploitation so characteristic of paid domestic labor are associated with capitalism while socialism remains its default alternative. Only once we overcome this "blind spot" can we write a truly global history of domestic and caregiving work.

¹ Hrženjak's section "Domestic Work during the Socialist Period in Former Yugoslavia" focuses on Slovenian women working as domestics outside of socialist Yugoslavia (pp. 129–131), while Kindler and Kordasiewicz, writing on domestic service in Poland, spend one paragraph on domestic workers in socialist Poland that boils down to the statement that "(c)ommunist approaches to domestic work were ambivalent" (p. 168).

Veronika Bajt

Maria Kontos and Glenda Tibe Bonifacio, eds. *Migrant Domestic Workers and Family Life: International Perspectives*. Basingstoke, UK: Palgrave Macmillan, 2015. XI + 341 pp. ISBN 978-1-137-32354-5.

Veronika Bajt. Address for correspondence: Peace Institute–Institute for Contemporary Social and Political Studies, Metelkova 6, 1000 Ljubljana, Slovenia. veronika.bajt@mirovni-institut.si.

Throughout Western Europe live-in domestic workers such as cooks, housekeepers, and nannies were quite common until the second half of the twentieth century. The postwar period of socioeconomic rebuilding brought social welfare and publicly funded care facilities that effectively reduced the demand for live-in domestic workers, and until quite recently only the wealthy upper social strata could (and would) still employ full-time carers. Yet, recent trends show that the need for private care work is again increasing across Europe, caused especially by the growing demand for elder care. Research has already confirmed the return of the live-in domestic care work model in some European countries, coupled with the dismantling of the welfare state, as well as closure of state-funded childcare facilities and other forms of public care infrastructure. Moreover, as pointed out by Dorothee Frings in her contribution to *Migrant Domestic Workers and Family Life: International Perspectives*, emphasizing the private provision of care has actually become the official strategy of the European Commission. And because European women have, in the postwar period, increasingly left the confines of the private sphere and entered the labor market, the question of “who will do the caring” has now resurfaced with renewed vigor. Meanwhile, the policies on work-family balance have enacted an exclusionary vision of gender equality that marginalizes all but “white” heterosexual middle-class mothers who live in dual-career families. Ample research has therefore highlighted the effects of the rising demand for migrant domestic and care workers, whose lack of opportunities drives them to migrate from the so-called global South to global North (e.g., Parreñas 2001; Lutz 2008; Slany, Kontos, and Liapi 2010).

Maria Kontos and Glenda Tibe Bonifacio have edited an ambitious book that addresses the timely issue of migrant domestic workers’ right to family life, a topic that has long remained undertheorized. It is important to emphasize the novelty of the volume, which represents its strong side. Whereas current debates on domestic workers have thus far focused mainly on research about domestic workers through the employer-employee relationship, thus neglecting the aspects irrelevant to work, in this volume the migrants’ right to family life gets some long-overdue attention. Moreover, domestic workers’ family life has predominantly been studied through the concept of transnationalism, focusing on migrant family (members) as those who have been abandoned, left behind, and suffering—without giving their experiences any visibility for researchers and readership. With this volume, however, families

have finally become the core of the research, and domestic workers and their families are treated as agents trying to do their best to continue living together.

Adopting both a rights-based and an agency-based perspectives, the 16 chapters tackle the question of how migrant care workers cope with long-term separation from their families, looking at the complexity of relationships that they experience, especially the employer-worker relationship that often gets complicated by intimate situations of physical proximity and the blurry lines of the "fictive kin" mechanism (being "like a family member" to the employer). Bringing new qualitative empirical evidence from countries as diverse as Argentina, Canada, Germany, Italy, Lebanon, Norway, the Philippines, Slovenia, South Korea, Spain, the United Arab Emirates, the United States of America, and Ukraine, the book will no doubt attract a wide readership. While the quality and originality of the individual chapters vary slightly, the volume on the whole demonstrates interesting and wide-ranging routes for examining the topic through narrative or semistructured interviews, oral history, participant observation and ethnographic research, as well as policy analysis of parliamentary debates, governmental bills, official policy plans, and reports. Read together, the contributions are particularly powerful as a compendium that can reflect on the consequences of global economic restructuring and its multifaceted class-related, gendered, and racialized effects. Women from developing countries are in demand in the global North not only because their willingness to work for low wages represents an affordable alternative to a "successful" reconciliation of work and family for middle-class families, but also due to stereotypes about their allegedly docile nature and traditional values. Filipina workers, for example, are expected to perform care work with particular "natural" affinity and skill.

Divided into four thematic parts, the book starts by framing legalities, employment, and family rights. The first section delves into how international and European laws treat transnational domestic work(ers) and the(ir) right to family life. Dorothee Frings analyzes how migrant domestic workers lose touch with their own families due to standby time and long working hours related to care work, highlighting that the particular working conditions of persons who work abroad are not covered by any specific regulation under European labor law. What this means is that there will always be a risk of exploitation and that it is therefore imperative to raise awareness on the validity of the standards of employment for domestic work. Continuing the analysis of particular national policies in Norway and the Philippines, Mariya Bikova describes Norway's *au pair* arrangement as a transnational organization of care actively involving Philippines' immigration authorities. She analyzes the consequences of the Norwegian immigration authorities' definition of *au pairs* as neither students nor workers but as "guests" of the "host family" on this particular group of migrant domestic workers. This managed and regulated migration of mostly Filipina women prevents them from having a family life, awards them only the very minimum of rights, and effectively serves the host country's needs while limiting the agency of migrant women. They are reduced to noncitizen, nonmigrant, and even nonworker status, whereas the global care chain and transnational "redistribution of care happens at the expense of the children in the South" (p. 70). In the first of four case

studies of Spain that appear in this volume, Elin Peterson shows that domestic workers' labor rights have recently become a part of the country's political agenda. After the Franco regime, Spain has gone through interesting changes in the area of women's labor market participation. Putting forward the working mother as the subject of conservative governmental policies, it became emphasized that mothers should be able to have both children and careers, making work-family balance an important national goal. Yet due to an imbalance of shared unpaid work and care burden between men and women, domestic work remained associated with women, reproducing the gendered division of labor—which, however, is rendered unproblematic when externalized to working-class and migrant women. And while cheap migrant domestic labor has filled a need, it has also “become a valid solution to the care deficit” (pp. 84–85). Continuing the focus on Spain, Gabriela Poblet Denti's contribution is one of the best chapters in the book. Analyzing different strategies that migrant Latina domestic workers employ in order to exercise their right to family life in Barcelona, she argues that the live-in care work regime represents an absolute exploitation of these women. Moreover, “domestic and care services operate according to the logic of a precarious, sexist, and segmented global labor market sustained by immigration policies” (p. 93). The state is complicit in this ongoing marginalization and exploitation of migrant domestic workers, whose right to family life is entirely absent since they are not even imagined as having a family of their own.

The second section deals with public discourses, family separation, and reunification. Olena Fedyuk writes about the shifting roles and responsibilities of transnational families of Ukrainian care workers in Italy. Namely, in Ukraine migration to Italy gained much publicity in terms of moral panic, which framed the feminized migration as producing “social/Euro orphans.” In this way, by strongly reproducing traditionalist family standards of mothers as carers and fathers as economic providers, such nationalist discourses have put much blame and guilt onto migrant women. Fedyuk unpacks such preconceived notions by laying out the multifaceted nature of migrant experiences and showing how the migration of Ukrainian women to Italy is in fact a “familial migration project that spans across generations” (p. 127). Magdalena Díaz Gorfinkiel's chapter is the third dealing with Spain as the host country, highlighting the one-dimensional construction of female migrant domestic workers as solely workers, without any social policies to help them cope with the requirements of a long-distance family life. She importantly notes that policies and legislation are never neutral but generate life conditions unfavorable to migrant domestic workers. Glenda Tibe Bonifacio further brings this point home when discussing the situation of live-in caregivers and the so-called Live-In Caregiver Program (LCP) in Canada. The LCP is a unique pathway to permanent residence, and the chapter dissects its many problematic aspects, revealing it as discriminatory and susceptible to abuse and exploitation. Entry into Canada is deemed a privilege, and the employer of a caregiver becomes the state's extension (i.e., “the guardian” of the migrant worker), through which state control over the foreign worker can be constantly exerted. This situation breeds a neoliberal strategy for regulating migrant workers and a process of selection of desirable residents. All the while, the migrants subject them-

selves willingly to a relationship of servitude in the hope of “promissory citizenship” (p. 146). Needless to say, live-in caregivers were not allowed to bring in their families at the time of the writing (2014), though attempts at LCP reform were underway.

The third part of the book revolves around remote mothering, survival strategies, and mobilization. Julia Lausch writes about the coping strategies used by Filipina live-in domestic workers in Dubai. Like Tibe Bonifacio, she is also interested in the context of neoliberal economies, noting how global cities like Dubai can prosper precisely due to their exclusion of migrant (domestic) workers from any labor rights. Their consequent low social status makes them perfect subjects of abuse and exploitation, especially since they are not allowed to form unions in order to protect their rights. Again, their right to family life in Dubai is nonexistent. Aranzazu Recalde’s analysis of Paraguayan and Peruvian women in Argentina is another chapter that stands out. Critically reflecting on the predominant Euro-Atlantic focus of the existing literature about migrant care and domestic workers, it shows how the transnationalization of social reproduction increasingly also means South–South migration in Latin America. It also importantly argues that nonrecognition of the right to family life is not exclusive to live-in labor regimes, while migrant domestic and care workers may suffer also from mistreatment by their own compatriots—a fact that is usually neglected due to the emphasis on migrant solidarity and support as a coping strategy. Majda Hrženjak and Mojca Pajnik write about local and migrant domestic workers in Slovenia. Their chapter represents another theoretically excellent and empirically fresh perspective, since in Slovenia most domestic workers are live-out and the decision to work in the informal domestic work market is often tied to individualized strategies of enabling work-family balance. The prevalence of national over migrant domestic workers and live-out forms of care work, as well as the emphasized agency of Slovenian domestic workers who perform this work in neighboring Italy, make Slovenia distinct in comparison with other European countries presented in this volume (although resembling other postsocialist states, such as Slovakia for example). The overall conclusions still point to a “disposable domestic workforce in the grey economy” (p. 227) and confirm the fact that certain groups of women are marginalized in debates about work-family reconciliation. Valerie Francisco concludes this section by focusing on the transnational family as a resource for political mobilization. In yet another excellent contribution, she analyzes the conditions under which Filipino domestic workers form bonds of solidarity and political mobilization. Importantly recognizing migrant motherhood as a socially constructed and historically specific concept, she also considers single women as atypical mothers who see it as their maternal duty to support their extended families back home, in this way recognizing—and giving credit to—social mothering.

The metaphor of the “family member” takes up the fourth and final section of the book, where the defamilialized work of domestic workers is analyzed in three chapters that interrogate the varied applications of this metaphor. Seong-gee Um’s analysis is about Chinese institutional care workers in South Korea. The discourse of migrant care workers as “one of the family” is prevalent in the Korean institutional care sector, thus their employment in long-term care facilities is directly related to

the refusal of their basic labor rights as well as, expectedly, family rights. In Korea, care workers were not recognized as workers on account of traditionalist perceptions of care work as “too private” to be regulated. Yet the current immigration system for low-skilled ethnic Koreans with Chinese citizenship only allows them to work in “personal care” provision that is based on a contract between a care worker and a care service user—perceived by the state as the guardian. The continued rejection of the legal status of care workers as employees allows employers to avoid any legal responsibilities, creating a new arrangement of institutional care work: “24/7 continuous labor as live-in hospital care workers” (p. 272). Serving another person’s family, these care workers’ right to their own family life remains heavily restricted. The chapter by Simone Tappert and Marianne Dobner returns the focus back to Spain to discuss what it means to be considered a member of the family and how this blurs boundaries. The employer’s home being the workplace and the high level of intimacy involved in this type of work introduce a complexity of relationships between the private and the public. Social relationships and boundaries are constantly in flux and renegotiated through banal practices such as eating (together or apart). “Being a family member” thus has a different meaning for employers than for employees. It does not represent a break in existing hierarchies but reproduces social inequalities and asymmetrical power relations along lines of gender, class, and ethnicity. Amrita Pande’s chapter then provides an insightful glimpse of domestic workers’ lives in Lebanon, focusing on what she terms “weekend families.” These are formed by women and are usually based on shared occupation, sense of isolation, work comradeship, and possibly—although not always—ties of ethnicity, nationality, or place of residence. More than Filipina domestic workers, whose position she describes as being better and more protected (they tend to meet up in cafes and malls on Sundays), the chapter analyzes the weekend families of Black African and South Asian migrants, who face harsher restrictions and therefore resort to more clandestine support networks. Since some are literally locked inside their employers’ apartments, they build families across balconies and in war-damaged apartments. These familial ties “challenge institutional efforts to classify these women as temporary residents, actively discouraged from forming or extending their families” (p. 313). Maria Kontos concludes the final section with an analysis of the prospects for care of aging migrant carers. Since there is very little research on migrant women once they return to their country of origin, their needs, as well as their (lack of) access to informal family care and social security rights and pensions, are rarely considered. Kontos rightly highlights the need for addressing this gap and succinctly illustrates these questions with the method of a biographical narrative interview. The chapter brings together the themes of all the previous chapters and shows how the idea of a migrant domestic worker as a “family member” in fact does not fulfill the promises implicitly entailed in such arrangements, since no actual reciprocity exists that would be comparable to intergenerational informal family care. Actual family members, on the other hand, may hold resentment due to seeing a woman’s migration as her own individual, egoistic choice. Applying the concept of the socio-emotional commons, the chapter shows how the erosion of such commons dimin-

ishes the prospects for care in old age, hindering migrant women's plans for the future and leading to insecurity in old age.

The diversity—and yet imperative comparability—of migrant domestic workers' experiences presented in this book allows us to understand that boundaries such as private/public and migrant/native are often blurred. The right to family life should take account of gendered power relations and be accepted as an important part of the right to self-determination and autonomy. Enabling migrant care and domestic workers with this right would no doubt imply large economic contributions by society, as well as the transformation of current economic structures based on neoliberal globalization. Kontos and Tibe Bonifacio are well aware of the caveats that such demands may represent for the immediate options for migrant women, who may lose their employability and be denied access to the only jobs open to them. And yet their call for a shift in the understanding of care as a public task to be supported by the state stems from a deep conviction that the right to family life of migrant domestic and care workers is in fact "grounded on the basic humanity of individuals as persons, and hinges not on their work" (p. 335).

REFERENCES

- Lutz, Helma, ed. 2008. *Migration and Domestic Work: A European Perspective on a Global Theme*. Farnham, UK: Ashgate.
- Parreñas, Rhacel Salazar. 2001. *Servants of Globalization: Women, Migration, and Domestic Work*. Stanford, CA: Stanford University Press.
- Slany, Krystyna, Maria Kontos, and Maria Liapi, eds. 2010. *Women in New Migrations: Current Debates in European Societies*. Krakow, Poland: Jagiellonian University Press.

Сергей Абашин

Helma Lutz, ed. Migration and Domestic Work: A European Perspective on a Global Theme. Farnham, UK: Ashgate, 2008. 224 pp. ISBN 978-0-7546-4790-4.

Сергей Абашин. Адрес для переписки: Европейский университет в Санкт-Петербурге, ул. Гагаринская, 3А, Санкт-Петербург, 191187, Россия. s-abashin@mail.ru.

С момента публикации книги, которой посвящена настоящая рецензия, прошло уже восемь лет (а с момента проведения конференции, материалы которой легли в ее основу, – одиннадцать). Это большой срок в современной науке, за который многие работы превращаются в широко цитируемую классику или, обратив на себя недолгое внимание, складываются на полки книжных шкафов. Почему стоит сегодня вернуться именно к данной книге? Почти десять лет назад международный и междисциплинарный коллектив исследователей решил сфокусировать свое внимание на одной из множества миграционных тем. Цель, по мнению редактора сборника и автора введения Хельмы Луц, заключалась в том, чтобы, во-первых, внимательнее посмотреть на женщин-мигранток в такой особой сфере, как домашний труд, которая отличается интимностью и эмоциональностью отношений работодателя и наемного работника; во-вторых – проанализировать на примере этой сферы взаимосвязи или пересечения (intersection) нескольких режимов: гендерного, миграционного и режима социальной заботы; и в третьих – рассмотреть специфику этих взаимосвязей в Европе, имеющей историю формирования «социального государства» (welfare state).

Такой сфокусированный взгляд на особый сектор миграционной занятости с очень характерным гендерным профилем, одновременно помещенный в определенный политический, социальный и культурный контекст и порядок, оказался очень важным шагом в понимании и миграционных процессов в целом, и многообразия их тенденций, этапов, региональных и других специфик. Это было одним из шагов в переосмыслении на рубеже 1990–2000-х годов миграции как быстро меняющегося явления, которое не укладывается в привычную линейную формулу притягивания – отталкивания (pull – push) и показывает многосоставный и многоуровневый характер трудовой мобильности. Пример проделанной работы, на мой взгляд, очень важен сегодня для понимания миграции в России и в постсоветских странах, где также наметился переход от общих споров о том, как мигранты интегрируются и адаптируются, к более нюансированным, секторальным, этнически, классово и гендерно сфокусированным оптикам и к осознанию специфики постсоветской/евразийской миграции в сравнении с Европой и другими регионами мира.

Книга поделена на три раздела, каждый из которых посвящен разным аспектам взаимодействия режимов гендера, миграции и заботы. В первой части «Домашний труд: обычный бизнес?» говорится об упадке «социального государства» в Европе на рубеже XX–XXI веков, что вместе с интенсификацией между-

народных миграций способствовало формированию особой ниши занятости на рынке труда – работы по дому, которой все больше занимаются женщины-мигрантки, приезжающие из более бедных регионов мира. В разных странах этот процесс имеет, как показано в исследовании, свои особенности. В главе «Пересечение режимов заботы о детях и миграционных режимов: исследование в трех странах» Фионы Вильямс (Fiona Williams) и Анны Гаванас (Anna Gavanas) анализируются различия между ситуациями в Лондоне, Стокгольме и Мадриде, где местным женщинам предлагается различный пакет социальной заботы, наибольший в шведском случае и наименьший – в испанском. В главе «Миграции и перестройка государства всеобщего благосостояния в Италии: изменение и преемственность в секторе домашнего труда» Франциска Скринци (Francesca Scrinzi) рассматривается случай Италии, где уход государства из социальной сферы также означал обращение к частному сектору найма домашних работников, причем внимание здесь уделяется в частности большой неформальной роли католической церкви в формировании миграционных потоков в исследуемой сфере. Глава «Восприятие работы в свидетельствах албанских иммигрантов: структура домашнего труда в Греции» Потити Ханцароула (Pothiti Hantzaroula) рассказывает об аналогичном процессе в Греции, где переход местных женщин на рынок труда потребовал найма домашних работниц, что сопровождалось возникновением в этой сфере новых разграничительных линий по этническому, классовому и гендерному профилю.

В, пожалуй, наиболее концептуально интересной главе «Когда дом становится рабочим местом: домашний труд как обычная работа в Германии», написанной Хельмой Луц (Helma Lutz), предлагается, отталкиваясь от примера Германии, взглянуть на миграционный режим в контексте трансформации западного общества из индустриального в общество услуг, создания неформального рынка с нерегулярной работой, без графика труда и формализации найма. Автор отмечает, что выход европейской женщины на работу не привел, как ожидали феминисты, к распределению домашнего труда между мужчинами и женщинами, произошло его перераспределение «в пользу» женщин-мигранток, то есть домашний труд до сих пор является той областью, где образуются гендерные различия. Эмансипация западных женщин привела парадоксальным образом к продолжению практик гендерного неравенства, но уже расово и этнически окрашенных. Хельма Луц также подчеркивает, что домашний труд по-прежнему остается частной сферой с персонализированными и эмоционально насыщенными отношениями, в которых работницы принимают семейный габитус с его гендерными иерархиями. На примере этнографического описания жизни одной уругвайской женщины автор рассказывает, как мигрантка находит работу, как контролирует время, как понимает рабочую этику, осознает свою роль (в том числе и как друга, члена семьи, работника), как пытается приспособиться к ритмам, управлению временем и требованиям работодателя. С точки зрения автора, эту ситуацию следует описывать не только как отношения эксплуатации, но скорее как «пограничную работу» (*boundary work*) по определению социальной иерархии, распределяемую между нанимателем и нанимаемым.

Вторая часть книги («Транснациональные миграционные пространства: курс политики, семьи и управление домашним хозяйством») посвящена различным планам домашних работниц-мигранток, связанным со страной происхождения. В главе «Вечные иностранки: филиппинские домашние работницы-мигрантки в Риме» Расели Салазар Парреньяс (Rhacel Salazar Parreñas) рассматриваются траектории филиппинок в Риме, большинство из которых, как видно из приведенных автором примеров, не интегрируются в итальянское общество, а возвращаются домой, обеспечив своим семью. Их место занимают дочери или родственницы, что выгодно и родственникам, и стране приема. Такие женщины остаются в позиции *displacement*, «не будучи дома, но и не имея возможности вернуться домой» (с. 110). Глава «Домашний труд и транснациональные цепочки заботы в Испании» Анжелес Эскривы (Angeles Escriba) и Эмелине Скиннер (Emmeline Skinner) рассказывает о перуанцах в Испании, которые, в отличие от филиппинок в Италии, пытаются остаться в стране приема и перевезти туда семью. Они имеют хорошее образование и рассчитывают найти более надежную работу, они культурно больше ощущают свою связь с Испанией. Транснациональная ситуация, как видно из историй двух перуанских женщин, не является для них постоянной, воссоединение с семьей происходит независимо от того, возвращается ли мигрантка домой или переезжает вместе с родными в Испанию. В главе «Непредвиденные обстоятельства у домохозяйства: гендерное разделение труда и транснациональное устройство домохозяйства. Случай украинцев в Австрии» Беттины Хайдингер (Bettina Haidinger) говорится о домохозяйстве как главной единице, арене потребления, производства и инвестирования; автор рассматривает женскую миграцию из Украины, приводя примеры Кристины и Оксаны. Рассматриваемый способ самоорганизации домохозяйств является не столько результатом свободного выбора, сколько стратегией выживания. Любопытно, что автор включает в понятие транснационального домохозяйства не только оставшихся в Украине близких, но и домохозяйства, где женщины работают, а также те домохозяйства, которые организуют мигранты для совместного проживания в Австрии.

Особо выделяется в разделе глава «Глобализация домашнего обслуживания – историческая перспектива» Рафаэллы Сартти (Raffaella Sarti), где рассматривается история трансформации сферы домашнего труда начиная с XVI века до современности, исследователь анализирует ее в основном на примере миграций внутри Европы, европейцев на другие континенты и неевропейцев в Европу. Автор показывает, что разные виды домашнего труда не являются новыми, но не являются и неизменными, она выделяет разные кластеры, которые преобладали в разные эпохи (такие, например, как обслуживание быта колониальных чиновников, иностранные гувернеры в дворянских семьях или домашние работники из числа беженцев). Одни категории сменяли друг друга по ходу расширения империй и передвижения людей в колонии из метрополии и обратно, другие возникли в эпоху континентальных и мировых войн. Начиная с 1970-х годов в числе домашних работников стала расти доля выходцев из Восточной Европы и других стран, многие из них имеют хорошее образование и квалификацию, при этом они работают без документов и не имеют какого бы то ни было легального статуса. Рафаэлла Сартти

подчеркивает преемственности и разрывы, показывает, что нынешнее возрождение наемного домашнего труда имеет аналоги в прошлом, но отличается целым рядом особенностей, в частности – транснациональным характером семейных отношений.

Третья часть книги – «Государства и рынки: миграционные режимы и стратегии» – посвящена миграционным режимам регулирования рынка труда. В главе «Риск и стратегии совладения с ними в миграции: украинские домашние работницы в Польше» Марта Киндлер (Marta Kindler) говорит о рисках и неопределенности в стране, где женщина работает, и о такой же ситуации дома, откуда она уезжает. Эти риски могут быть связаны с регистрацией, визой и разрешением на работу, а также со спецификой домашнего труда. Рассматривая примеры Светланы и Людмилы, автор показывает способы, которыми распространяется это знание о риске; обмен информацией, повседневные практики и сети как способы предотвратить риски; нормализацию ситуации с помощью использования определенного типа одежды, способов стать незаметными в публичном пространстве, изучения языка, установления доверительных отношений с работодателем и т. д. Способом избежать рисков является апелляция к моральным обязательствам работодателя и создание мигрантского мифа успеха. В главе Гая Мундлака (Guy Mundlak) и Хилы Шамир (Hila Shamir) «Между интимностью и статусом иностранца: правовое конструирование домашнего труда в государстве всеобщего благосостояния» анализируется роль правового регулирования домашнего труда в Израиле. Авторы изучают, каким образом судебные решения определяют, что такое рабочее время, публичность и приватность, близость и чуждость. Глава «Быть нелегалом в Европе: стратегии и политики более справедливого обращения с домашними работниками-мигрантами» Норберта Цируса (Norbert Cyrus) говорит о разном понимании «нелегальности» в странах Европейского союза и о том, что миграционная политика сама создает ниши и условия для нелегальной миграции. Анализируя документы ЕС и разных стран/организаций, автор говорит о балансе запретительных мер на границе и смягчающих мер, которые позволяли бы максимально легализовать тех, кто уже находится в стране приема.

Как часто бывает в сборниках статей, каждый из авторов рассказывает о своем материале, со своим особым фокусом, и все это необязательно стыкуется между собой в общей рамке, несмотря на заявленный редактором общий подход. В данном же случае в заключительной главе «Домашний труд, миграция и новый гендерный порядок в современной Европе» (авторы – Гуль Озыегин (Gul Ozyegin) и Пиеретте Хондагней-Сотело (Pierette Hondagneu-Sotelo)) была предпринята попытка соединить разные исследовательские перспективы и дать целостную картину изучаемого поля. Авторы отмечают, что наемный домашний труд возрождается и что это связано с динамикой глобализации и международной миграции. Причем на эту миграцию накладывает отпечаток наследие колониализма, неоколониализма и империализма, на нее воздействует развитие технологий, транспорта и коммуникаций. Это уже результат не только бедности, но и множества экономических, политических и военных отношений. Наняться на работу по дому желают все больше женщин, которые уезжают из своих стран, причем это не столько женщины

из бедных групп, а сколько из более бедных стран. Эти женщины среднего класса, которые зарабатывают меньше представителей рабочего класса постиндустриальных стран, у себя в странах не делают эту работу. Миграция становится более разнообразной, имеет множество разных линий разделения на «мы» и «они». Миграционная политика тоже разнообразна, существует множество способов регулирования и миграции, и сферы домашних работниц. В Европе массовая трудовая миграция сопровождается демонтажем разных режимов социального государства. Возникают новые расовые, этнические и гендерные разделения. Появляются новые динамики классового доминирования, где между нанимателем и нанимаемым нет разницы в образовании, а культуру нанимателя вряд ли можно представить как превосходящую. Возникает глобальный феномен транснационального материнства. Стигма домашнего труда укрепляется не только гендерным, классовыми, но расовыми и этническими разделениями.

Конечно, заявленные в книге идеи вызывают если не критику, то, по крайней мере, желание дальше конкретизировать отдельные направления. Например, не всегда ясно, кого авторы имеют в виду под «домашними работниками». Эта категория охватывает множество разных профессий, начиная занятыми в уходе за детьми и стариками и заканчивая работниками, которые делают уборку в доме, – в разных главах рассматривается своя собственная конфигурация. Недостаточно, по-видимому, уделено внимания и тому, как понимается маскулинность в тех случаях, когда какие-то виды домашнего труда (в том числе у оставшихся «дома» членов семьи) превращаются в «мужское дело». Не всегда транснациональная перспектива обращена к жизни семей мигрантов в странах происхождения, а больше сконцентрирована на жизни самих мигрантов в Европе.

Не всегда отчетливо, на мой взгляд, представляется социалистический или советский опыт построения «социального государства» в Восточной Европе и его влияние, как и влияние распада СССР и социалистического блока, на новейшие миграционные процессы в целом и на формирование заново сферы домашнего труда. Это, конечно, объясняется тем, что авторы больше изучали Западную Европу, хотя Польша и Украина присутствуют в книге. Упрек в этом случае является, скорее, призывом продолжить анализ и пристальнее присмотреться к «другому» европейскому опыту миграции. Последнее касается не только массовой трудовой миграции из стран бывшего социалистического лагеря в Западную Европу и, допустим, в Турцию, о чем идет речь в книге, но и о превращении постсоветских стран, включая Россию и Казахстан, в новое место формирования ниши домашних работников-мигрантов как с постсоветского пространства, так и с глобального рынка труда.

Антон Котенко

Marijeta Bozovic and Matthew D. Miller, eds. Watersheds: Poetics and Politics of the Danube River. Boston: Academic Studies Press, 2016. 414 pp. ISBN 978-1-6181-1487-7.

Антон Котенко. Адрес для переписки: Санкт-Петербургская школа социальных и гуманитарных наук, ул. Промышленная, д. 17, каб. 107, Санкт-Петербург, 198099, Россия. akotenko@hse.ru.

Человечество всегда было связано с водой. Реки, озера, моря, океаны не только давали нам жизнь, но и постоянно вызывали метафизический интерес людей, порождая бесчисленные мифы и легенды. Потому водоемы оставались предметом внимания не только гидрологов, но и представителей гуманитарных дисциплин. Попыткой именно такого анализа реки является рецензируемый сборник под редакцией Мариетты Бозович (Marijeta Bozovic) из Йельского университета и Мэтью Миллера (Matthew D. Miller) – из Колгейтского. Работа над этим сборником объединила литературоведов, культурологов, философов и антропологов. Такая междисциплинарность представляется одновременно и достоинством, и недостатком книги, предлагающей читателю не историю реки, но нечто аморфное под названием «дунайские исследования».

Редакторов привлекло в Дунае то, что его изучение нет необходимости «упаковывать» в рамки австрийских, южнославянских или каких-то других исследований. Дунай интересен им своей многонациональностью и многокультурностью, которые размыкают бывшие и существующие государственные и региональные границы. Карта бассейнов европейских рек с голубой нитью Дуная, соединяющей огромное пятно посередине ее, – вот тот нетеррацентричный мир, о котором пишут авторы сборника. Редакторы даже предлагают для этого несущий, по их мнению, новый эвристический потенциал термин «Дунавия» – территория, которая не совпадает ни с каким политическим образованием, но подрывает и усложняет официальные политические границы. Здесь, конечно, возникает вопрос о том, насколько непроницаемы границы бассейнов отдельных рек и насколько велика роль их «водоразделов» – это слово даже попало в название сборника. Уместно ли говорить о «Дунавии» или «Невадии», если сами же редакторы подчеркивают способность человека пересекать любые, даже самые непреодолимые, водоразделы? И не получим ли мы в таком случае еще одну волюнтаристскую этикетку, не имеющую никакого основания? Особенно если учесть то, что все авторы сборника так или иначе ссылаются и на политические (Австрия, Австро-Венгрия, Румыния), и на региональные (Центральная и Восточная Европа) деления этой территории, причем кажется, что «Дунавия» редакторов – это просто новое именование для империи Габсбургов.

Согласно известной венской шутке, на самом деле Дунай и не красивый, и не голубой. По сути многие авторы рецензируемого сборника предлагают тексты о разных Дунаях и их восприятиях разными героями в разные времена. Например, в сво-

ем эссе Роберт Дассановски (Robert Dassanowsky) пишет о репрезентации Дуная в австрийском, а также центрально- и восточноевропейском кино с 1913-го года по наше время: от «голубого Дуная» как символа романтической Центральной Европы в 1913-м до «ненормального» «красного Дуная» Джорджа Сиднея 1949 года как символа пришествия в Центральную Европу коммунизма, от Дуная как символа ограниченности геополитических возможностей послевоенной Австрии в «Дунайских вальсах» Хавьера Шварценбергера 1984 года до главной артерии Европы в «Дунае» Горана Ребича 2003 года. Подобным образом Микаэла Баранелло (Micaela Baranello) пробует рассказать историю австро-венгерской монархии с помощью анализа либретто популярных венских оперетт конца XIX века: «Венской крови» Иоганна Штрауса (сына) и «Лудильщика» Франца Легара. Тезис автора состоит в том, что, несмотря на знаменитый германоцентричный «Голубой Дунай» Иоганна Штрауса, не особо приветствовавшего распространение венской идентичности на живущих вниз по течению Дуная, не вся венская поп-музыка времен заката империи была шовинистической. Напротив, авторы упомянутых оперетт приветствовали доступность венской идентификации не только для немцев, ориентируясь в своих работах на современное многонациональное население Вены и пытаясь создать настолько же открытый репертуар для жителей столицы многонациональной империи.

Литературоведческая часть сборника, сосредоточенная вокруг фигур Франца Кафки, Эльфриды Елинек и Тибора Череша, кажется, наименее всего соответствует даже настолько междисциплинарному сборнику. Например, в статье Роберта Лемона (Robert Lemon) об «Америке» Кафки Дунай не играет совершенно никакой роли, кроме того, что Дунай – река, которая протекает на родине главного героя романа, привезшего с собой в Новый Свет этнические предрассудки Австро-Венгрии (например, он замечает «венгерские» усы администратора нью-йоркской гостиницы, что почему-то кажется Лемону проявлением презрения). Подобным образом дело обстоит и в эссе Карла Солибакке (Karl Ivan Solibakke) о попытках австрийкой писательницы и драматурга Эльфриды Елинек защищать права ромов в пьесе «Посохе, палке и палаче». В тексте Джесси Лабов (Jessie Labov) Дунай хотя и появляется, но только как место убийства трех с половиной тысяч сербов, евреев и политически подозрительных местных венгров венгерскими фашистами в Нови-Саде в январе 1942 года. Эту историю в своем романе 1960 года «Холодные дни» рассказал ее очевидец, венгерский писатель Тибор Череш; в 1966 году она была экранизирована Андрашем Ковачем. Статья Лабов не о Дунае, но о современном коллективном отрицании венгерского фашистского и сербского титоистского (здесь имеется в виду отрицание сербами убийства тридцати тысяч венгров в Бачке в 1944–1945 годах) прошлого и о существовании параллельных историй южных центральноевропейских «соседей». К этим же событиям возвращается в своем эссе Драган Куянджич (Dragan Kujundžić), в одном из примечаний (с. 257) с негодованием рассказывая о том, как после представления его фильма об этих событиях в нью-йоркском Колумбийском университете в марте 2013 года один из самых известных историков Венгрии Иштван Деак предлагал ему рационализировать ужасы венгров, обратив внимание на вызвавшие их действия сербских партизан.

Приблизительно так же Дунай отсутствует и в статье Аманды Лернер (Amanda Lerner) о претензиях на особую (еврейскую) жертвенность, и в статье Юлианы Максим (Juliana Maxim) о жилищном строительстве и создании музея народной архитектуры в послевоенной Румынии, еще одной части «Дунавии». Заинтересованному в реке читателю предлагают только две статьи. Эссе Роберта Немеша (Robert Nemes) «Уничтоженная империя: вода и власть в довоенной Венгрии» рассказывает о так называемом втором венгерском завоевании родины в конце длинного XIX века – осушении Эчедских болот на границе современных Венгрии и Румынии и о двух нарративах его восприятия в XIX веке (прогрессивном и трагическом). Дунай, конечно, там не течет, а река, о которой идет речь, – Тиса, самый длинный его приток. Но благодаря размытости общей идеи сборника эта статья не кажется в нем лишней. По-настоящему Дунай как река появляется только в конце книги в работе антрополога Тани Ричардсон (Tanya Richardson). В представленном здесь эссе автор пробует заполнить пробел в своей замечательной книге об Одессе как калейдоскопе (Richardson 2008), уделяя внимание одной из самых важных составляющих этого города, а именно – морю. Предмет ее антропологического исследования – конфликты вокруг украинской части Дуная, а именно – судьба озера Сасык (вопрос о том, должно ли оно быть озером или лиманом), а также будущее канала в украинской части дунайского устья Быстрое. Символичен и для последней статьи книги, и для истории о дельте Дуная вопрос, которым задается автор: может ли европейская идентичность быть фрактальной, приглушив значимость национальных интересов и идентификаций, которые до сих играют важную роль в судьбе Дуная? И если так, может ли загрязненный Сасык, связанный с Дунаем, но расположенный вне Европейского союза, быть настолько же значимым для европейской природоохранной политики, как вся дунайская дельта?

Несколько месяцев назад в петербургском «Издательстве Ивана Лимбаха» вышел русский перевод самой известной книги об этой реке – германоцентричного поэтического травелога Клаудิโอ Магриса «Дунай» ([1986] 2016), повлиявшего на каждую книгу о Дунае, изданную после 1986 года (в том числе и на проект Мариетты Бозович и Мэтью Миллера). И хотя одна статья из рецензируемого сборника уже доступна в русском переводе (Куюнджич 2015), его вряд ли ждет успех Магриса, читательский интерес и очередь желающих опубликовать ее издателей. Под одной обложкой здесь собраны статьи, относящиеся к совершенно разным дисциплинам, которые (что еще важнее) достаточно искусственно объединены уж очень общей и размытой темой. Руководствуясь подходом редакторов, можно издавать вместе миллионы работ о «Дунавии», ни разу не упомянув саму реку. Зачем создавать еще один синоним Центральной Европы и при чем здесь Дунай, остается совершенно непонятным.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Куюнджич, Драган. 2015. «Против течения: Дунай, видео и бионеразлагаемое Европы». *Неприкосновенный запас* 6:11–39.
- Магрис, Клаудิโอ. [1986] 2016. *Дунай*. СПб.: Изд-во Ивана Лимбаха.
- Richardson, Tanya. 2008. *Kaleidoscopic Odessa: History and Place in Contemporary Ukraine*. Toronto: University of Toronto Press.

Николай Митрохин

Diego Gambetta and Steffen Hertog. Engineers of Jihad: The Curious Connection between Violent Extremism and Education. Princeton, NJ: Princeton University Press, 2016. 208 pp. ISBN 978-0-6911-4517-4.

Николай Митрохин. Адрес для переписки: Forschungsstelle Osteuropa an der Universität Bremen, Klagenfurter Straße 3, 28359 Bremen, Germany. mitrokhin@uni-bremen.de.

Название книги («Инженеры джихада») очень условно отражает суть этого во многих отношениях примечательного исследования. Несмотря на то, что авторы с самого начала ставят своей задачей найти ответ на вопрос, почему среди исламских радикалов, участвующих в террористической активности, оказалось так много людей, имеющих инженерное образование, книга получилась совсем не о джихаде – фактически этому отчасти посвящена только первая глава, и говорится в ней далеко не только об инженерах. Подзаголовок работы точнее, но не полностью раскрывает ее суть. Если сформулировать максимально кратко – она о характерной для всего человечества последних 100 лет устойчивой связи полученного и даже начатого высшего образования с выбором направления политического радикализма. Книга также наглядно демонстрирует, как можно и нужно применять в современных исследованиях метод просопографии (коллективной биографии, основанной на обобщенных статистических данных), выдвигать на основе полученных данных гипотезы и проверять их, и учит как встраивать свою узкую тему в широкий и долгосрочный общественно важный контекст. Для этого авторы исследования собрали собственный массив данных на 497 исламских террористов и других активных радикалов, а также обобщили данные десятков социологических исследований, проведенных в течение последних сорока лет в таких сферах, как исследования исламского и политического радикализма, политические и ценностные ориентации студенчества и профессионалов в разных странах мира, экономическое и социальное развитие арабских стран.

В первой главе исследования (своевременно переведенной и опубликованной в интернет-журнале «Гефтер» (Гамбетта и Хертог 2016)) авторы на основе огромного объема собранных статистических данных по исламским террористам последних десятилетий, действующим в разных странах и в составе различных группировок, делают несколько важных выводов, которые формируют основной исследовательский вопрос. Авторы убедительно доказывают, что вопреки распространенным и сформированным в своей основе участниками левых движений представлениям исламские террористы не являются «наиболее униженной» «мировым капиталом» или кем-либо еще «темной» массой. Разумеется, речь здесь не идет о массовых движениях, участвующих де-факто в гражданской войне (Афганистан, Йемен, Пакистан). Наоборот, при всей неполноте статистики среди исламских террористов оказывается значительное количество (не менее двух третей) людей с высшим образованием или тех, кто его пытался получить (с. 8–10).

При анализе профессий, которые получали террористы, выясняется, что в этом списке доминируют различные инженерные специальности, «сверхпредставленные» в нем, – 93 (или 44,7%) из 207 лиц, о чьей специализации в сфере высшего образования известно авторам книги. Для сравнения: лица, получившие образование, связанное с изучением ислама, составляют всего 18,3% от всего массива (38 случаев), а если говорить о светских специальностях, то на втором месте, с огромным отставанием – 10,1% (21 случай) – идут медики (с. 11). Диего Гамбетта и Стеффен Хертог проводят сравнение с долей инженеров среди выпускников вузов региона и находят, что количество людей с инженерным образованием в джихаде высоко и с этой точки зрения (с. 15–17). Далее авторы последовательно и несколько занудно, но очень полезно с методологической точки зрения, проверяют полученные результаты. Доказав данный факт окончательно, они начинают перебирать варианты ответов на вопрос о причинах подобной ситуации. Этому, собственно, и посвящена книга.

Первый, казалось бы, очевидный, ответ лежит на поверхности. Инженеры нужны террористическим группировкам для создания взрывных устройств и изготовления других типов вооружений. Однако авторы убедительно показывают, что, с одной стороны, инженеров в движении слишком много для подобных целей и они являются руководителями, а не исполнителями, а с другой стороны – исламские гуманитарии, вовлеченные в террористическую активность, нередко собирают по инструкциям взрывные устройства самостоятельно и даже успешнее, чем инженеры (с. 23–28).

Вторая возможная причина массового участия инженеров в джихаде выглядит более глубокой и рассматривается в отдельной главе. Авторы доказывают, что до 1970-х годов группы исламских террористов формировались преимущественно из числа исламских гуманитариев. Инженеры как профессиональная корпорация были слишком хорошо оплачиваемы и имели с начала своей работы большие карьерные перспективы. Однако бурный экономический рост в регионе МЕНА (Ближний Восток и Северная Африка), связанный с деколонизацией и общим экономическим ростом в послевоенном мире, закончился в начале 1970-х, а число студентов-инженеров, рассчитывающих на высокооплачиваемую и престижную работу, продолжало увеличиваться. Именно фрустрациями этого периода, о которых в своих выступлениях упоминают некоторые из ведущих идеологов террористического джихада, казалось бы, можно объяснить резкий интерес инженеров к исламскому радикализму, а стало быть – к терроризму (с. 34–59).

Тем не менее (и этим вопросом задаются авторы исследования) – почему собственно инженеры, понимающие важность западных технологий для развития, нередко получившие образование в западных вузах, выбрали для своей протестной активности именно исламский радикализм, а не участие в мелких и крупных левых организациях, существовавших в их странах в то же время. Более того – почему, как доказывает собранная авторами статистика, в левых организациях оказались преимущественно гуманитарии, а в организациях радикальных исламистов в основном инженеры и заметная часть юристов?

С этого, казалось бы, частного вопроса авторы начинают обширный экскурс в сферу политических предпочтений различных групп людей с высшим образова-

ем и тех, кто пытался его получить. А это в свою очередь приводит их к обобщениям, далеко выходящим за рамки избранной темы (с. 60–84).

Здесь мне придется оговориться, что термин «гуманитарии» используется в его популярном российском значении – как определение всех не естественнонаучных или технических профессий. Авторы используют более подробную и, на мой взгляд, не всегда обоснованную стратификацию, выделяя в отдельные кластеры экономические науки, юриспруденцию, историю, «гуманитарные науки» (в число которых входит, видимо, филология, журналистика, антропология и социология), творческие специальности, сферу государственного управления и социальной работы. Точно так же, помимо инженеров, они выделяют группы представителей естественных наук и медиков в отдельные категории. Однако для исследования последние не играют значительной роли.

Начав разбираться с политическими воззрениями «инженеров джихада», они быстро устанавливают их значительное сходство с взглядами европейских правых радикалов. У них одна и та же любовь к порядку, те же мечты о восстановлении «потерянного рая» – царства идеальной традиции, конспирология, отсылки к одним и тем же текстам и образам (с. 85–99).

Отвечая на сформировавшийся вопрос о том, что же объединяет этих людей помимо идеологии, авторы приводят впечатляющий и весьма полезный анализ профессиональных предпочтений европейских и североамериканских правых радикалов начиная с 20-х годов XX века. Находится тут место и российским правым террористам, и наци-скинхедам, которых авторы (на мой взгляд – абсолютно справедливо) считают вторыми после ИГИЛ по опасности, жестокости и масштабам политическими убийцами в современном мире (с. 107). Море, ограниченное рамками исследования, – скажем мы – поскольку реально воюющие исламские государства или Черная Африка, или даже Чечня эпохи Джохара Дудаева-Аслана Масхадова в исследовании не учитываются.

Собранная статистика по правым наглядно показывает доминирование инженеров (и в меньшей степени – юристов) во всех исследуемых праворадикальных движениях. Не останавливаясь на этом, авторы последовательно обследуют различные левые радикальные и террористические группировки в том же обширном географическом ареале. Они, как и в случае Ближнего Востока, также оказываются наполнены в основном гуманитариями, причем в значительной мере представителями творческих профессий и медиками.

Систематический перебор группировок и движений сначала правых, а потом левых радикалов и террористов, с обоснованием выбора каждой из них и описанием специфики проведения исследования в отношении каждого случая, безусловно, отдадут должное научной добросовестности авторов (с. 60–84, 100–127). Однако фактически этому отведена столь значительная часть книги, что после вполне динамичных по стилю изложения первых трех глав временами создается впечатление, что авторы не знали, чем еще заполнить отведенный им издательством объем. Иначе достаточно было бы свести полученные данные в таблицы, дополнить их двумя – тремя особенно важными или характерными примерами, а все прочие соображения и описания собранного материала убрать в примечания. В растянутом

же изложении подобный перебор вызывает дополнительные вопросы о том, насколько достоверны привлекаемые данные других авторов и какими критериями те пользовались для своих подсчетов: как в их случаях считалась нацистская верхушка или советские лидеры, почему нет тех же чеченцев или, например, камбоджийских «красных кхмеров» (равно как и всех левых радикалов из стран Дальнего Востока и Южной Азии), как считались послевоенные немецкие левые вооруженные подпольщики – с учетом местной компартии или нет?

Тем не менее авторы книги вполне убедительно доказали, что ориентация на радикалов с противоположными политическими взглядами принципиально зависит от профессиональной ориентации – за исключением корпорации юристов, практически в равной степени представленной и среди правых, и среди левых.

Для ответа на возникающий вследствие этого анализа ключевой вопрос о том, почему же подобное разделение имеет столь всеобъемлющий характер, авторы предлагают перейти к социологическим опросам, направленным на выявление мировоззрения и ценностей у представителей профессиональных групп» (с. 146–150).

Ответ оказывается банальным, и, казалось бы, очевидным. Инженеры по большинству показателей – не самые радикальные среди представителей «правой» части политического спектра. В массе своей они скорее консерваторы, нежели радикалы. Однако они являются сторонниками упрощенного подхода к общественно-политическим вопросам, что резко отличает их от, казалось бы, весьма близких по кругу интересов «естественников», включая представителей физико-математического сообщества. Политика для них одновременно скучна и слишком сложна. Посему они, как и в рамках своей профессиональной деятельности, стремятся к поиску самого простого и оптимального решения любой проблемы. Даже оказываясь в политике – как бывший президент Ирана Махмуд Ахмадинежад, – они стремятся «все рассчитать» заранее и убедить себя, используя в том числе известные им простые математические формулы, в правильности сделанного выбора или принятого решения.

Именно потому небольшая, но значимая часть из них легко становится на путь радикализма или даже терроризма. Они видят в терроризме простые и конкретные решения сложных политических и мировоззренческих проблем. Им кажется возможным решить их серией взрывов или даже одним актом политически значимого суицида. Их консерватизм и любовь к порядку и систематическому устройству мира в свою очередь определяет выбор ими правой части политического спектра, где нет места экспериментам и новаторству.

Если же копнуть еще глубже – наверное, до дна, которое достигается на последних двух страницах последней главы книги, – то оказывается, что, согласно исследованиям, основанным на собранной в разных странах статистике, и профессиональная ориентация не является предметом сознательного выбора. Опять же кажущееся банальным и бытовым соображение, что нелюдимые (а то и аутичные) дети обычно выбирают инженерные и естественнонаучные дисциплины (что еще раз подтвердила книга Маши Гессен (2011) о советском математике Григории Перельмане и советских математических школах в целом), а общительные и открытые дети идут в гуманитарии, находит свое основанное на статистике подтверждение во многих развитых странах и любопытно преломляется в кругу радикалов. Авторы приводят данные исследований, согласно ко-

торым среди джихадистов, рекрутированных ИГИЛ¹ в Европе, исключительно высока доля людей с синдромом Аспергера (выражающимся в привязанности к простым и повторяющимся действиям, играм, практикам), а также аутистов (с. 153–154).

Но так было не всегда и не во всех ситуациях – о чем авторы исследования забывают упомянуть. Известная, если не сказать – классическая, работа Франсуа Фюре ([1995] 2001) и целый список работ других авторов показывают нам инженеров как родоначальников идеи строительства социализма и последовательных ее реализаторов (Шаттенберг [2002] 2011). Если мы обратимся к советской практике, то обнаружим, что в сталинском и особенно в послесталинском обществе правила бал именно инженеры. Именно они (согласно уже моим собственным подсчетам) составляли подавляющее большинство среди членов хрущевского и брежневского Политбюро и секретарей ЦК (например, Аверкий Аристов, Леонид Брежнев, Андрей Кириленко, Алексей Кириченко, Фрол Козлов, Алексей Косыгин, Георгий Маленков, Николай Подгорный, Николай Тихонов, Дмитрий Устинов, Никита Хрущев, Петр Шелест, Владимир Щербицкий) и были среди тех, кто отвечал за идеологические вопросы и международную политику (например, Юрий Андропов, Петр Демичев, Константин Катушев, Екатерина Фурцева). Здесь можно найти серьезное противоречие с основными выводами рецензируемой книги, а можно и воспользоваться ею для серьезного разговора о том, как и почему инженеры принимали столь активное участие в «строительстве социализма», и чем этот социализм, который можно описать как государственный и который часто называют «казарменным», отличается от вариантов построения социализма и коммунизма, существующего в головах и книгах «несистемных» левых радикалов. Можно говорить о том, почему именно им, социалистам-гуманитариям, не удалось захватить власть и построить какой-то жизнеспособный и самостоятельный вариант «творческого» социализма. Или к каким результатам привела реализация их идей в западном обществе, пережившем в первой половине XX века период увлечения «технократией» (Akin 1977; Crabtree 1995). Однако для этого, разумеется, нужны новые и самостоятельные исследования, путь к которым открывают, казалось бы, совершенно непрофильные в этом отношении «Инженеры джихада». Очень хотелось бы увидеть их издание и на русском языке.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Гамбетта, Диего и Стеффен Хертог. 2016. «Инженеры джихада. Инженеры человеческих душ? Социологические кластеры и судьбы...». Гефтер.ру, 8 апреля. Просмотрено 26 ноября 2016 г. (<http://gefter.ru/archive/18112>).
- Гессен, Маша. 2011. *Совершенная строгость: Григорий Перельман. Гений и задача тысячелетия*. М.: Астрель, Corpus.
- Фюре, Франсуа. [1995] 2001. *Прошлое одной иллюзии*. М.: Ad Marginem.
- Шаттенберг, Сюзанна. [2002] 2011. *Инженеры Сталина: жизнь между техникой и террором*. М.: РОССПЭН.
- Akin, William E. 1977. *Technocracy and the American Dream: The Technocrat Movement, 1900–1941*. Berkeley: California University Press.
- Crabtree, James Dowell. 1995. *Progressivism, the New Deal, and the Technocratic Movement of the 1930s*. Dayton, OH: Wright State University.

¹ Организация, запрещенная в России.

Anna Fishzon

Lilya Kaganovsky and Masha Salazkina, eds. *Sound, Speech, Music in Soviet and Post-Soviet Cinema*. Bloomington: Indiana University Press, 2014. 314 pp. ISBN 978-0-253-01095-7.

Anna Fishzon. Address for correspondence: Harriman Institute, Columbia University, 420 W 118th Street, 12th Floor, New York, NY 10027, USA. afishzon@gmail.com.

Sound, Speech, Music in Soviet and Post-Soviet Cinema, declares Masha Salazkina in her bold introduction, is a collection of essays that seeks to bring the “sonic turn” to Russian and Soviet cinema (as its much criticized “logocentrism” has been reproduced unwittingly in scholarship) and to foster an overdue dialogue between the latter and sound studies (pp. 1–3). It is important not to conflate completely these distinct but intimately related aims. The function of sound in film has been treated by influential theorists like Michel Chion (1999), Kaja Silverman (1988), and Mary Ann Doane (1980). While they are interested in sound as a social practice and voices as bearers of materiality and libido (and not merely speech and meaning), their treatment of audition and vocality remains largely cinematic, on the one hand, and ontologically grounded, on the other. For example, Silverman’s frame of analysis is primarily on screen while her assertion of sonic primacy speculatively points to the soothing maternal voice heard in the womb. In contrast, sound studies as elaborated by Jonathan Sterne (2003), Emily Thompson (2002), and James Lastra (2000) explores sonic experience with a relentless historicism, linking auditory practices, corporeality, and spatiotemporal arrangements to evolving technologies and “a new acoustic modernity” (p. 5). Technological innovations inform aural cultures; and what people hear—what *they listen for*—in turn affects the essential architecture of human subjectivity: the visual field, affect, gender practices, embodiment and gesture, perception of space and time, and the organization of emotional experience. A number of chapters in the volume take up the agenda of Chion and Silverman; fewer manage to map Soviet cinema onto the terrain delimited by Sterne and his colleagues. Yet the collection offers a promising beginning that doubtless will stir scholars to redefine and reposition Russian and Soviet cinema studies, expanding its audience and establishing its relevance for other interdisciplinary projects.

The volume’s three main sections assemble fourteen notable contributors from an array of fields: film studies, history, musicology, and literature. The opening chapters in Part One, “From Silence to Sound,” consider early experiments in graphic sound and film scoring. Nikolai Izvolov describes the efforts of the avant-garde composer Arsenii Avraamov, who made sonic art by repeatedly printing geometrical shapes onto the optical soundtrack of the filmstrip, as well as those of Evgenii Sholpo, who invented the Variopone, an optical synthesizer. Joan Titus then examines Dmitry Shostakovich’s score to Grigorii Kozintsev and Leonid Trauberg’s *Novyi Vavilon* (The New Babylon, 1929), the first collaborative attempt to create an “integral” musi-

cal counterpart to the visual elements of a Soviet film (p. 39). The next two essays by Valérie Pozner and Natalie Ryabchikova recreate the personal and ideological feuds, bureaucratic disasters, and technological difficulties entailed in bringing sound to Soviet film in the late 1920s and 1930s. As students of Soviet history might expect, the story of the transition from silent to sound cinema intersects in pedestrian and catastrophic ways with purge campaigns, the Cultural Revolution, and Joseph Stalin's industrialization.

Emma Widdis's last and most compelling chapter in the section analyzes the uses of silence in a number of early sound films, including Aleksandr Macheret's *Chastnaia zhizn' Petra Vinogradova* (The Private Life of Peter Vinogradov, 1934) and Abram Room's *Strogi iunoshia* (A Severe Youth, 1936). Widdis begins with a striking observation: the reproduction and audibility of silence were not possible in the era of silent film. Silence is not an ontological condition but an artifact of cinematic sound reproduction. And in the films Widdis examines sound renders silence visible. Silence literally *appears* to the spectator and directs her gaze, creating states of feeling and space for private contemplation. Macheret and Room deploy silence to heighten the dramatic impact of socialist objects and heroes and to present a model of Soviet subjectivity containing "a place for both sentiment and sensory pleasure" (p. 107). The melodies and rhythms of machines are heard more fully when protagonists grow mute; young, athletic bodies are better seen *and sensed* when viewed in untrammelled quiet. The new Soviet man, the films seemed to suggest, "needed to learn to feel, not just to speak" (p. 107).

The following sections each move diachronically as contributors' themes and methods take them past the initial relatively short period of transition to sound film. The essays in Part Two are, in my view, the most daring in the collection because they go furthest in theorizing cinematic speech and voice as carriers of emergent Soviet subjectivities that stretched aural imaginations and created new modes of perception and feeling. Evgeny Margolit writes about the ways heteroglossia (multilingualism) conceptualized unity in diversity in the early sound era. Jeremy Hicks looks at challenges to acousmatic (off-screen, disembodied) "voice-of-God" narration in Soviet wartime documentaries. He shows, for example, how playwright Vsevolod Vishnevskii in a film about the Leningrad blockade subjectified his voiceover and undermined the official triumphalist perspective by focusing on individual suffering and employing "here" and "this," as well as shifters like "we" and "us"—words that located the narrator temporally within the diegesis and among the victims.

In an exceptionally original and provocative contribution, film scholar Oksana Bulgakowa asks why the desultory, soft, and breathy voices of actors Marlon Brando and Innokentii Smoktunovskii achieved canonical status in the 1950s when ringing timbres were mandatory on stage and film just a decade before. Her answers visit territories beyond cinema history, connecting prevailing sonic expectations to technological inventions, gendered embodiment, and sensory experience. We are reminded that voices and speech patterns, like people, ideas, and technologies, are bearers of historicity. Bugakowa claims that the popular acceptance and critical praise of

Smoktunovskii's muffled inarticulateness were made possible by improvements in sound-on-film technology (better microphones and the advent of magnetic tape recording permitted a wider range of frequencies) and indexed new images of masculinity—more ambivalent, sensual, gentle, and open to intimacy. Elena Razlogova concludes the section with a chapter on the lost Soviet art of simultaneous translation of foreign films.

Part Three, "Music in Film, or the Sound Track," features several strong chapters on film soundtracks as vehicles for political messages and for important aspects of late- and post-Soviet subjectivities. Kevin Bartig inaugurates the section with a lucid if narrowly musicological discussion of the foundational statements of Soviet composers and scholars about the nature and role of film music. A remarkable discursive cohesion emerges: in the 1930s most advocated for the integration of sonic and visual film components along the lines of the Wagnerian *Gesamtkunstwerk* while also insisting that music "amplify" rather than simply illustrate the emotions and actions of characters. In other words, even as Soviet composers and musicologists conceived music as the elaboration of cinema's verbal narrative—an apotheosis of the nineteenth-century operatic synthesis of the arts—they emphasized film music's unique part in "audiovisual counterpoint": the independence of its storytelling function and the potential divergence between sound and image.

Anna Nisnevich's essay on Aleksandr Ivanovskii and Gerbert Rappoport's 1940 *Muzykal'naia istoriia* is one of the more impressive in the volume. Nisnevich argues that the film marks a radical shift in Soviet aesthetic and affective terrains. Whereas 1930s musical comedies like Grigorii Aleksandrov's *Volga-Volga* (1938) told the parable of acoustic and social integration through the use of simple numbers—communal participation, transposition, and the ultimate transcendence of any one style or performance mode (for example, the folksy melody of the Volga song is sung a capella, performed by a full orchestra, and finally jazzed up and improvised upon)—the *kul'turnost'*-driven *Muzykal'naia istoriia*, featuring Bol'shoi Theater star Sergei Lemeshev, stressed inimitable talent, artistic expertise, and emotionally invested listening. According to Nisnevich, *Muzykal'naia istoriia* and comparable films revived the late-Imperial operatic canon in order to elevate audiences and show them new forms of engagement, not merely with music but also with subjectivity. My one disappointment is the author's underexamination of Lemeshev's voice as the chosen object of exalted sensibility and transformative listening. Like his contemporary, the lyric tenor Ivan Kozlovskii, Lemeshev had a plangent and delicate timbre. Both singers liberally employed a legato that was strikingly old-fashioned and feminine, more reminiscent of nineteenth-century bel canto than the heroic phrasing commonly heard in the West in their day. One might well ask a question similar to the one posed in Bulgakova's essay: why *these* specific voice types at *this* particular historical moment? What does the popularity of tenors like Lemeshev and Kozlovskii tell us about postwar notions of masculinity and how could their mannered styles and lachrymose timbres—the very materiality of their voices—be linked to key facets of *kul'turnost'* discourse—for example, pronouncements on hygiene, domestic life, and romantic love?

Following Joan Neuberger's "The Music of Landscape: Eisenstein, Prokofiev, and the Uses of Music in *Ivan the Terrible*," a consideration of the plasticity and contrapuntal manipulation of the film score to communicate multiple, conflicted feelings regarding both Tsar Ivan and official historiography, musicologist Peter Schmelz examines the historical significance of Tengiz Abuladze's polystylistic *Monanieba/Pokaianie* (Repentance, 1984). Schmelz borrows Alfred Schnittke's musical concept to argue that the popularity of the film rests in its reflection of perestroika's "polystylism"—the era's tendency to mix high and low cultures and blend past, present, and future; its penchant for quotation, collage, and allusions to a wide variety of texts and sounds; its openness to shocking and colliding aural and visual experiences. I would have liked Schmelz to develop this claim even further by placing it in a broader political and social context and posing questions for future research. For example, what does it mean that Schnittke first introduced the strictly musical "polystylism" in the early 1970s, long before glasnost and perestroika made it an everyday phenomenon? How might the elastic and citational nature of polystylism—as well as its temporal and generic violence—be linked to the possibilities and limits of reform communism?

Finally, Lilya Kaganovsky's essay on Valerii Todorovskii's 2008 musical *Stiliagi* (The Hipsters), while more conventional in approach than some other contributions to the volume (and her own previous work), is nonetheless unfailingly cogent: it interprets the film's musical attempt to both mourn and reintegrate aspects of the Soviet past, specifically its traditions of dissent and rebellion. Todorovskii utilizes and campily exaggerates the sartorial codes of historical postwar *stiliagi*, who sported Western fashions and listened to Duke Ellington in defiance of the Komsomol's official youth culture. However, and this is particularly important for Kaganovsky, the music in the film is taken not from the counterculture of the Soviet 1950s—which consisted primarily of popular jazz standards rather than the latest rock and roll—but, anachronistically, from the glasnost and post-Soviet periods. Citations of 1980s and 1990s rock bands like Mashina Vremeni (Time Machine), Kino, and Zoopark (Zoo) evoke breathtaking transformations in the Soviet soundscape that signaled tectonic political change and rebirth. *Stiliagi*, therefore, "is not actually the exploration of the Soviet Union's relationship to the West but rather of ... Russia's relationship to itself" (p. 264). As the film celebrates particular nonconformists, it also thematizes the very possibility of social and political nonconformity. The essay concludes with a brief mention of the 2012 performance and trial of the punk-rock collective Pussy Riot, the members of which shared Todorovskii's "utopian vision of unity" in musically dissonant protest (p. 269).

Kaganovsky's chapter is an apt bookend as it returns to the objectives outlined by Salazkina in the introduction and by sound studies generally: chief among them, exploring the role of "the affective and sensory regimes of sound in the formation of historical subjectivities" (p. 10). Indeed, as I suggested already, the volume is at its most exciting when it takes Soviet film sound out of the narrow context of Slavic studies (where previous scholarship has confined it) and locates it on a wider interdisciplinary stage. Like Widdis, Hicks, Bulgakowa, Nisnevich, and Schmelz, Kagan-

ovsky shows cinematic soundscapes to be embedded in and inseparable from larger discursive structures, privatizing ideological imperatives and providing spaces for their refiguration.

REFERENCES

- Chion, Michel. 1999. *The Voice in Cinema*. Translated by Claudia Gorbman. New York: Columbia University Press.
- Doane, Mary Ann. 1980. "The Voice in the Cinema: The Articulation of Body and Space." *Yale French Studies* 60:33–50.
- Lastra, James. 2000. *Sound Technology and the American Cinema: Perception, Representation, Modernity*. New York: Columbia University Press.
- Silverman, Kaja. 1988. *The Acoustic Mirror: The Female Voice in Psychoanalysis and Cinema*. Bloomington: Indiana University Press.
- Sterne, Jonathan. 2003. *The Audible Past: Cultural Origins of Sound Reproduction*. Durham, NC: Duke University Press.
- Thompson, Emily. 2002. *The Soundscape of Modernity: Architectural Acoustics and the Culture of Listening in America, 1900–1933*. Cambridge, MA: MIT Press.

Daria Savchenko

Tung-Hui Hu. *A Prehistory of the Cloud*. Cambridge, MA: MIT Press, 2015. 240 pp. ISBN 978-0-262-33008-4.

Daria Savchenko. Address for correspondence: Hong Mei South Road 5800, East China Normal University, Shanghai, 200062, China. dar-savchenko@yandex.ru.

As cloud technology makes its way into more and more spheres of everyday life—data storage and networks are the most immediate examples—we can expect more and more academic scholarship written on the subject. Tung-Hui Hu explores the cloud as a cultural fantasy, which, as such, is always bigger than its present day technological manifestation. Choosing not to be distracted by the current technical features of what is called the cloud and instead examining the shape of it through its cultural manifestations, the author “turns back the clock to the clumsy moments when the cloud was more of an idea than a smoothly functioning technology” (p. xii).

Nowadays, people know “the cloud” as a symbol for a certain type of network and data storage. We are aware of its virtuality; we are also aware of the materiality behind it, that there are data centers and servers, there are cables, and there are lines of code and people who write them. In this way there are different ways to approach the cloud: you can deal with its virtuality or you can plunge into its materiality. What the author of this book decided to do instead is neither to look too closely at the cables nor to ponder the virtuality of it, but to examine the cloud as a cultural and social phenomenon. With that in mind, three types of sources inform his research: representations of the cloud in American popular media, legal and political records, and corporate advertisements; examples from the world of computer science; and visual culture in the cloud, including photographs, drawings, and videos.

Behind this book is the idea that in order to understand the cloud’s meaning we should realize that the cloud is not about technology as such; rather, it is about space, power, and history. Thus, if we reduce our discussion of the cloud merely to technology, we will fall into the trap of seeing the cloud through an interpretive lens that the cloud itself produced. Instead of exploring the virtual side of the cloud, which in his opinion hides the real landscape of power, Hu locates the cloud within the context of sewers, railroads, televisions, bunkers, and archives. Just as water pipes create a sense of unlimited water resources available to anyone with a turn of a tap, so does the cloud create the illusion of computing power as an unlimited resource. It hides the fact that the cloud, imagined by many as disembodied and invisible, is actually resource intensive, converting water and electricity into computational power. In fact, the cloud consumes so much power that if all data centers constituted a country of their own, it would be the fifth most power-hungry country in the world. It also turns human labor into source: freelancers in Bangladesh or Morocco through manual sweatshop-like labor solve thousands of CAPTCHA problems and screen hundreds of Facebook images to flag them for disturbing content.

Tung-Hui Hu is a former network engineer, now Assistant Professor of English at the University of Michigan, with research interests in the history and politics of new media and in poetry. *A Prehistory of the Cloud* is a product of his knowledge of the technical specificities of the cloud as a network, his ability to reconstruct the genealogy of the system, and a poet's grasp of small things that become meaningful and articulate—especially helpful in the study of the cloud, something considered the epitome of the ethereal, the mute, and the disembodied.

Hu admits from the beginning that his book on the prehistory of the cloud deals only with American examples; he argues that methodologically this makes sense, as the United States exerts significant power over major issues of the internet. More importantly, this serves one of the goals of the book: by using the definite article to talk about his subject, he shows that, despite our reification of “the” internet and “the” cloud, what we have in fact is internets and clouds. By choosing to deal solely with the (American) internet he also aims to explore this belief in American culture.

The book can be placed, if there is such a need, in the field of STS—science and technology studies—and would resonate with the anthropology of technology, the history of technology, and media studies. The cloud is a relatively new topic for these kinds of studies although there have been a few other books published (e.g., Mosco 2014; Peters 2015). Vincent Mosco's *To the Cloud: Big Data in a Turbulent World* gives a mostly historical and cultural overview of “the cloud,” following a rather formulaic path: the concept of the cloud has become potent, and this is why and how. Whereas what makes *A Prehistory of the Cloud* worth attention is that it does not stop at existing views of the cloud, nor does it take the cloud as a starting point for discussion. Quite the opposite: Hu turns back the clock and goes down to pipes, war bunkers, and time sharing to show that the cloud is only an electronic disguise for older and ever more pressing questions of power.

By using “prehistory” in the title, Hu points out that it is not enough to deconstruct the cloud and its prehistory, but it is also necessary to acquire the methodological tools to imagine the cloud in the future. The structure of the book is modeled on the principle of abstraction layers, moving from the least to the most abstract: the cloud as a network (chapter 1), the cloud as virtualization (chapter 2), the cloud as data storage (chapter 3), and the cloud as data mining (chapter 4). “The cloud” is used to denote many different things, and that is often the source of confusion and makes the investigation more demanding. Hu distinguishes (in some ways, arbitrarily, as he admits) the layers of infrastructure, platform, data access, and application and approaches them as archaeological deposits that show what people thought of the cloud at various moments in time and that can serve as sources for understanding all the multiple discourses that form the cloud today.

The cloud as a network has to be understood within bigger debates about network culture, the interface between media and power, which exists against the background of a long-existing “network fever”—a desire to believe that everything is connected. In this way the cloud should be properly seen as a reflection of our own desire to connect everything with everything, and thus the cloud as a desire resides within us.

Before the appearance of personal computers, time-sharing of computers carved out the notion of the “user” that is still relevant today, as it created a sense of personal intimacy with the computer while also disguising the economic mechanism of multitasking and freelancing behind it. Time-sharing anticipated the way that the contemporary cloud encourages its users to take free things. As a consequence, Hu argues, the confusion of personal intimacy for economic intimacy might explain why so much digital culture is powered by user labor and user-generated content: “laboring in a time-shared economy—everything from tagging a photo on Facebook to reviewing businesses on Yelp to answering questions on Amazon—is performed for the love of the task, for personal reasons and during ‘free time,’ even as this labor generates value (if not profit) for the company that administers it” (p. 50).

Dealing with the issue of power, Hu avoids falling into the discussion of the obvious qualities of the cloud as inherently political and contested terrain. Instead he develops an approach to the cloud as a cultural fantasy of shared space and user participation, the cloud that veils the hardware with software and creates the illusion of a medium that is all-encompassing, ever-present, disembodied, and inevitable. He argues that we need to subvert this discourse of the cloud in order to see that, in the end, the cloud does not bring new forms of power but disguises the old architecture and landscapes that have been used for centuries but that are obscured in complex temporalities as we move from physical to electronic spaces.

The cloud’s data centers are housed within repurposed infrastructure, most of it military and from the Cold War era. These centers—as opposed to the ubiquitous displacement and placelessness discourse associated with the cloud—are very much placed within the territory of a certain country; moreover, some data at the highest levels of security is located inside old military bunkers. All of these spaces invoke the feeling of an exterior enemy, a potential threat to data, and the specter of future disaster. Hu argues that “these attempts to shield our data from the flow of time, however, place us in a melancholic relationship to the present, leaving us forever fixated on a loss that is always about to come” (p. 82). Data bunkers demonstrate a kind of explicit power that is rooted in territory rather than in more implicit methods of regulating a population, manifesting a return to what is known as sovereign power.

The final chapter looks at how the idea of the cloud disperses itself in contemporary life. Hu looks at artwork that seems to resist the militarized visual culture of a drone strike that still reifies the categories that it aspires to resist, for example the Dutch radio frequency hackers in the 2011 NATO bombing campaign in Libya, and argues that the cloud constructs a way of perceiving the world that fundamentally constrains our range of actions. In dialogue with Michel Foucault and Gilles Deleuze, Hu writes: “when we gaze at a control society in the hopes of exposing its structure, our gaze ends up acknowledging its right to power.” What would be more effective is to recognize the structural inequality of this relationship and the distance “we have to travel before we reach anything called the truth” (p. 143). Boldly, he concludes that “rather than imagining ourselves as victims of a surveillance state, we are in fact partially complicit with a violence that fails to respect the boundaries between real and virtual space” (p. 115).

The book contains a wide range of stories, pictures, and examples supporting the author's arguments. In my opinion, this movement between different archeological layers of what gets called "the cloud" may sometimes be hard on the reader, but it serves the purpose of not fixating on the material, instead zooming out onto the cultural meanings of the cloud.

REFERENCES

- Mosco, Vincent. 2014. *To the Cloud: Big Data in a Turbulent World*. London: Routledge.
- Peters, John Durham. 2015. *The Marvelous Clouds: Toward a Philosophy of Elemental Media*. Chicago: University of Chicago Press.

Елена Тыканова

Шарон Зукин. Культуры городов. Пер. с англ. Д. Симановского. М.: Новое литературное обозрение, 2015. 424 с. ISBN 978-5-4448-0262-5.

Елена Тыканова. Адрес для переписки: Социологический институт Российской академии наук, ул. 7-я Красноармейская, 25, Санкт-Петербург, 190005, Россия. elenatykanova@gmail.com.

Шарон Зукин – профессор Бруклин-колледжа и Городского университета Нью-Йорка – является одним из самых авторитетных и признанных ученых, работающих в области городских исследований. По уровню цитируемости и общественному резонансу ее работы стоят в одном ряду с текстами таких классиков социологии города, как Льюис Мамфорд, Уильям Уайт, Джейн Джекобс и Дэвид Харви. Трудно представить развитие современных городских исследований без вклада Зукин, тонко «распаковавшей» неочевидные измерения неравенства и эксплуатации, существующие в современных городах. Термин «символическая экономика» и метафора «успокоение (умиротворение) с помощью капучино», впервые употребленные Зукин в «Культуре городов», сегодня являются хрестоматийными в среде социологов города.

По наблюдению социолога Анны Желниной, издания Зукин в мягкой обложке можно приобрести в обычных газетных киосках американских аэропортов. Желющие могут захватить книгу на борт и во время перелета насладиться ненавязчивым повествованием. Все дело в том, что для книг Зукин, в частности для «Культуры городов», характерен фирменный стиль, который делает ее тексты доступными не только профессионалам в области социальных наук, но и самому широкому кругу читателей. Автор причудливым образом переплетает увлекательнейшие описания жизни американских городов с отсылками к научным работам своих предшественников. Структура текста и повествование не являются строго линейными, хотя Зукин невозможно упрекнуть в отсутствии логики или последовательности изложения. Она, будто умелый фокусник, жонглирует красочными наблюдениями, аналитическими суждениями и ненавязчивыми приглашениями к научной дискуссии.

Англоязычному изданию самой известной книги Зукин «Культуры городов» («The Cultures of Cities», 1995) предшествовал выход в свет двух ее нашумевших бестселлеров «Loft Living: Culture and Capital in Urban Change» (1982) и «Landscapes of Power: From Detroit to Disney World» (1991). В книге «Жизнь в лофте» («Loft Living») она подробно показала, каким образом современное искусство становится катализатором городских изменений. Так, внешне безобидный и многими одобряемый проект поддержки молодых художников, который предполагает выделение для них мастерских в заброшенных зданиях бывших заводов и фабрик, в реальности запускает неконтролируемые процессы формирования городского неравенства – становится драйвером джентрификации. Колебания на рынке недвижимости, связанные с постепенным ростом привлекательности для высшего среднего класса богемных кварталов, заселенных художниками, оборачиваются вытеснением местных

жителей, которым становится не по карману жизнь в некогда «творческих» районах. В «Ландшафтах власти» («Landscapes of Power») Зукин описывает трансформацию североамериканских городов, все чаще производящих абстрактные, а не материальные продукты: акции предприятий, культурный туризм и т. д. Городские пространства наполняются новыми символическими образами, стимулируя горожан к потреблению. Книга «Культуры городов» развивает эту дискуссию о роли символического производства в городском пространстве.

Сквозным сюжетом «Культуры городов» становится рассмотрение неравенств, которые порождает такая, казалось бы, не имеющая прямого к ним отношения сфера, как культура. До Зукин роль культуры в городских процессах и городской экономике была недооценена социальными учеными. Традиционно изучалось то, как «социальное» и «экономическое» производят сферу культуры, но не наоборот.

Между тем, как показывает Зукин, роль культуры в современных городах растет неспроста: в эпоху кризиса фордизма именно она выступает завуалированным средством извлечения финансовых прибылей, а также осуществления контроля и властного регулирования как на уровне городской политики и экономики, так и в сфере микроустройства. Так, по меткому замечанию Зукин, «нам, горожанам, хочется верить, что культура – это средство, способное смягчить грубый материализм города», однако «культура – это еще и мощное средство управления городами» (с. 17).

Культура, играя роль серьезного городского бизнеса, оказывается отнюдь не «нейтральной»: она позволяет стимулировать рост цен на недвижимость и вытеснять из городских пространств «неудобных» представителей городских публик, которые не соответствуют продаваемому культурному ландшафту. В связи с этим культура как влиятельный ресурс становится предметом конкурентной борьбы классовых, этнических, религиозных и иных групп, которые претендуют на то, чтобы концептуализировать и контролировать улицы, музеи, парки и иные городские пространства.

Зукин демонстрирует, как начиная с 1970-х годов экономики современных американских мегаполисов становятся все более зависимыми от символического производства, которое в свою очередь становится градообразующим: повсеместно возникают новые рестораны, художественные галереи, бутики, музеи, что способствует в том числе формированию привлекательного и продаваемого имиджа города. Музеи и галереи, потеряв дотации государства, вынуждены «заигрывать» с публикой, чтобы расширить аудиторию посредством капитализации художественных и иных активов: при них открываются рестораны, а по вечерам в них проводятся развлекательные мероприятия. Все чаще на улицах городов и на автобусных остановках мы встречаем плакаты с произведениями искусства, так что они становятся таким же привычным элементом городского ландшафта, как клумбы или граффити.

Кроме того, Зукин изучает, каким образом развиваются фобии, возникающие у горожан из-за столкновения в публичном пространстве с инокультурными Другими. Она делает наглядными для читателей интересы «сильных групп», которые посредством манипуляции символикой доступа и исключения «выдавливают» из публичных мест неудобные социальные группы: бездомных, попрошайек, потребителей наркотиков и др. В частности она показывает, как Диснейленд, мимикрируя под городское публичное пространство, исключает всех тех, кто не способен приобрести входной

билет и кому чужда эстетика парка. Мы узнаем, как реконструкция Брайант-парка в Нью-Йорке и появление в нем киосков в викторианском стиле, где продают капучино и сэндвичи, приводит к вытеснению неугодных городских публик – бродяг и нарко-торговцев. К сожалению, сетует Зукин, параноидальная обеспокоенность безопасностью в городах и развитие политики страха приводит к распространению практики применения как *soft power* – использования эстетики и дизайна для нормализации поведения в публичных пространствах тех, кто претендует на право находиться в них, использовать их и считать своими, так и *strong power* – откровенной милитаризации этих пространств. Таким образом, контроль над публичными пространствами становится новым механизмом социальной стратификации в современных городах за счет вытеснения потенциально девиантных социальных групп с охраняемых территорий в менее благополучные районы города, что не обеспечивает решения социальных проблем, а лишь приводит к их географическому перемещению. Инструментом закрепления социальной стратификации здесь вновь выступает культура: каждому из районов предлагается собственная модель визуального потребления, соответствующая социально-экономическим параметрам жильцов.

Палитра примеров в книге Зукин очень разнообразна: читатель сможет познакомиться с наблюдениями автора, сделанными в Лос-Анджелесе, Чикаго, Нью-Йорке, Нью-Хэвене, Фениксе и других американских городах. Литературное мастерство заключается в ее удивительной способности создавать очень яркие, надолго запоминающиеся образы: водитель вагона метро в тюрбане, торговцы на африканском рынке в Гарлеме, испанский владелец бразильского ресторана и многие другие. Ко всему прочему, книга Зукин является своеобразной энциклопедией, в которой представлен калейдоскоп ключевых сюжетов городской социологии: культура, политика и экономика городов, их этническое и расовое разнообразие, измерения социального неравенства, публичные пространства и их планирование, культура повседневного страха и техники обеспечения безопасности.

Единственной проблемой, с которой может столкнуться читатель «Культуры городов», заключается в том, что автор анализирует феномены, характерные для американских городов, так что ее выводы не всегда могут быть непроблематично экстраполированы на российские города. В частности возникает вопрос о применимости термина «джентрификация» к протекающим в России жилищным процессам, а продемонстрированные Зукин случаи передачи управления городских публичных пространств коммерческим структурам, возможные в американских городах, в России попросту отсутствуют.

Тем не менее, можно смело заключить, что книга «Культуры городов» Зукин является *must read* для всех тех, кто интересуется функционированием современных западных городов.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Zukin, Sharon. 1982. *Loft Living: Culture and Capital in Urban Change*. Baltimore, MD: Johns Hopkins University.
- Zukin, Sharon. 1991. *Landscapes of Power: From Detroit to Disney World*. Berkeley: University of California Press.
- Zukin, Sharon. 1995. *The Cultures of Cities*. New York: Blackwell Publishers.

СПРОС НА ОПЛАЧИВАЕМЫЙ ДОМАШНИЙ ТРУД В СЛОВАКИИ: НА ПЕРЕСЕЧЕНИИ РЕЖИМА СОЦИАЛЬНОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ И ГЕНДЕРНОГО РЕЖИМА. *Резюме*

Зузана Секеракова Бурикова

Данная статья посвящена недавно возникшему в Словакии рынку оплачиваемых домашних работников. В данной работе я ограничиваюсь в основном исследованием рынка нянь (то есть людей, присматривающих за детьми на дому) и бебиситтеров, которых нанимают время от времени. Меня интересуют прежде всего стратегии выбора и практики найма помощников, которые будут ухаживать за детьми. Что заставляет родителей нанимать домашний персонал? Каковы, по их мнению, характеристики идеального кандидата в няни? Как различного рода идеи о том, кто лучше годится в няни или сиделки, влияют на формирование отношений между работником и работодателем?

Появлению этой статьи способствовали работы, посвященные интерсекциональному анализу разных режимов трудоустройства наемного домашнего персонала. Так, социолог Хельма Лутц установила, что культурные коды социальной политики, в рамках которых выражаются и обсуждаются отношения, возникающие в процессе ухода на дому, определяются тремя режимами – гендерным, миграционным и режимом социального обеспечения. Суть режима социального обеспечения составляют государственные правила о социальном обеспечении; режимы миграции контролируют и регулируют устройство мигрантов на работу (в том числе и на работу по дому), а гендерные – организуют работу по уходу в соответствии с конкретными гендерными практиками и идеями. В связи с налагаемыми словацкой миграционной политикой ограничениями и сравнительно низкой экономической привлекательностью страны спрос на наемный домашний персонал в Словакии удовлетворяется не мигрантами, а преимущественно местными работниками – женщинами, ни расово, ни этнически не отличающимися от своих работодателей. Поэтому я сосредотачиваю свое внимание на пересечении только двух режимов – соцобеспечения и гендерном. Такой подход позволяет углубить предыдущие исследования, посвященные в основном найму мигрантов. Кроме того, оказывается,

что этническая принадлежность и миграционный статус необязательно являются теми переменными, которые определяют территориальные перемещения наемного домашнего персонала.

В представленной работе используются методы качественного анализа – этнографические интервью и включенное наблюдение, – позволяющие детально проанализировать практики и интерпретации, предлагаемые участниками исследования. В период с 2013 по 2015 год я провела интервью с 22 нанимателями (20 женщин и 2 мужчины) и 10 оплачиваемыми домашними работниками (нянями, присматривающими за детьми на дому на постоянной основе, бебиситтерами, которых нанимают время от времени, и уборщицами). Двадцать пять интервью были проведены в столице Словакии, Братиславе; семь – в Баньской Быстрице (город в центральной части Словакии). Поскольку и уборка помещений, и платный уход за детьми в Словакии осуществляются в основном неофициально (только одна проинтервьюированная мной постоянная няня работала по официально заключенному трудовому договору, во всех прочих случаях договоренности между работником и работодателем были неформальными), самым эффективным способом поиска участников исследования был метод «снежного кома». Основным источником информации были беседы с участниками, однако включенное наблюдение позволило мне лучше разобраться в практиках информантов. Во время включенного наблюдения я встречалась с работодателями (обычно матерями маленьких детей) и нянями в неформальной обстановке – на детской площадке, в кафе или дома у информантов.

В ходе интервью и во время включенного наблюдения я старалась «проследить» личные истории о найме домашних работниц или об опыте работы в этом качестве. Меня интересовали, с одной стороны, причины найма домашней работницы и, с другой стороны, причины поиска такой работы, способы поиска помощников по хозяйству и конкретные договоренности и отношения между работниками и работодателями. Я обращала внимание не только на собственно наем домашнего персонала, но и на то, как наличие наемной помощи по дому варьируется с течением времени в каждом конкретном случае и как оно соотносится с конкретными биографиями людей и жизненными циклами семей в целом. Такой подход позволяет установить, как структурные условия (конкретный режим соцобеспечения) коррелируют с идеями и практиками индивидов в том, что касается найма домашних помощников.

Для анализа интервью был применен метод контент-анализа. Я фокусировалась на темах, важных для моих собеседников, и выявляла повторяющиеся мотивы, сходства и различия. Затем я изучала содержание интервью на предмет их соотношения с теоретическими концепциями, исследуя взаимосвязи между наймом нянь и режимами миграции, соцобеспечения и гендерным режимом. Избранные цитаты из интервью, которые я привожу в статье, представляют собой репрезентативную выборку данных, наглядно иллюстрируя теоретический дискурс.

Проинтервьюированные мной работодатели могут быть категоризированы в основном как представители среднего и высшего классов. Среди проинтервьюированных наемных работников – няни, занятые полностью или частично, бебисит-

теры, нанимаемые время от времени, и уборщицы. В отличие от нанимателей, которые при отсутствии наемных помощников сами занимаются всеми видами домашнего труда, работники обычно специализируются на одной услуге (то есть полностью занятые няни, как правило, не подрабатывают уборкой или разовым присмотром за детьми, уборщики не смотрят за детьми и т. п.). Сравнительно низкий заработок и отсутствие медицинской страховки (и так называемого социального пакета вообще) лишают наемную работу по дому надежности и одновременно делают ее привлекательной для конкретной категории женщин, то есть уже имеющих какой-либо иной источник дохода или хотя бы располагающих социальным и медицинским страхованием от государства. Обычно в качестве нянь частичной или полной занятости подрабатывают студентки и пенсионерки, а постоянные няни иногда имеют официальный статус безработных.

Первая часть статьи посвящена соотношению режима соцобеспечения и трудоустройства наемного домашнего персонала. Исследователи, изучающие взаимоотношения между государственной политикой и наймом домашних работников, утверждают, что если в США отсутствие государственного обеспечения привело к найму гастарбайтеров, то в Европе не столько отсутствие государственной инфраструктуры, сколько особые типы доступной государственной поддержки формируют спрос на платные услуги домашних работников. В частности, недавний переход от общественного ухода за детьми, престарелыми или инвалидами к выдаче денежных пособий, позволяющих отдельным гражданам приобретать необходимые им услуги в частном секторе, поощряет наем гастарбайтеров в качестве низкооплачиваемого домашнего персонала. Я считаю, что, в отличие от Западной Европы, где рост количества наемных домработниц связан с переходом социального обеспечения от модели «мужчины-кормильца» к модели «взрослого работника», поощряющей участие женщин в рынке труда, в Словакии трудоустройство нянь идет другим, в чем-то даже противоположным, путем. Так, словацкая политика ухода за детьми переняла модель «эксплицитной семейственности», не предусматривающей широкого распространения государственных учреждений по уходу за детьми, но предоставляющей родителям продолжительные декретные отпуска, с тем чтобы они подольше сами сидели с детьми дома.

В начале статьи я показываю, что наем персонала для ухода за детьми на дому – прямое следствие того, что режим соцобеспечения в Словакии не оставляет матерям маленьких детей возможности сочетать работу с уходом за ребенком. Если женщины желают вернуться на рынок труда до того, как ребенку исполнится 3 года, они сталкиваются с тем, что в государственных яслях нет мест (или там, где они живут, вообще нет государственных учреждений такого типа) и что им придется искать помощь в частном секторе (прибегая к частным яслям, няням и воспитателям) или у родственников. Довольно часто женщины не стремятся вернуться на работу с полной занятостью до того, как ребенку исполнится 3 года, однако они хотели бы во время декретного отпуска подрабатывать или заниматься какими-то рабочими проектами время от времени. К сожалению, ясли и детские сады обычно не берут детей на несколько дней в неделю или на несколько часов в день (а если это возможно, то обычно без перерасчета оплаты). Поэтому матери, желающие устроиться на работу

с частичной занятостью, получить разовую подработку или взяться за какой-либо краткосрочный проект, обычно нанимают приходящую няню. Трудоустройство наемных воспитателей связано не только с карьерными предпочтениями матерей маленьких детей, но и с доступностью государственных садов для детей старше 3 лет: в Словакии государственные детские сады не могут обеспечить места для всех детей. Кроме того, в детские сады не допускают детей во время болезни, так что некоторые родители нанимают няню на этот период.

Определив ситуации, в которых наем домашнего персонала заполняет пробелы в существующем режиме ухода, я обращаюсь к случаям, связанным с идеями о родительстве, уходе за ребенком и свободном времени, распространенными среди представителей среднего и высшего классов в Словакии. Так, наличие няни у детей старше 3 лет обусловлено обычно идеями соревновательности у родителей, пытающихся дать своим детям преимущество в конкурентной среде, а также идеологией интенсивного материнства, определяющей матерей как основных воспитателей своих детей. Суть этой идеологии заключается в том, что у матери с ребенком есть некая особая связь и что детям требуется уделять много времени и эмоционального внимания.

Вместе с тем работа по дому не воспринимается как свободное время и не ассоциируется с качественным времяпрепровождением. Последние противопоставляются времени, проводимому на работе, и понимаются как время, «уделяемое себе». В соответствии с идеологией интенсивного материнства и с представлениями о качественном времяпрепровождении, некоторые из моих собеседников нанимают уборщицу, чтобы дать матери возможность провести больше времени *с детьми*, а не тратить его на работу по дому. Однако бебиситтеров часто нанимают и для того, чтобы дать родителям возможность качественно провести время *без детей*. В то время как группы продленного дня – распространенное в Словакии явление, тот факт, что дети (особенно дети представителей среднего класса) занимаются в многочисленных внешкольных кружках, политолог и гендерный исследователь Джоан Тронто считает отражением соревновательного материнства. Поскольку родители в это время на работе, они нанимают человека, который бы сопровождал или отвозил их детей на занятия в кружках, иногда – на другой конец города.

Во второй части статьи рассматриваются предпочтения работодателей и причины, по которым они складываются: кто именно кажется клиентам подходящим домашним работником и какие характеристики кандидата являются важными при найме определенных типов работников; здесь становится очевидна роль гендерного режима в этом процессе. Когда Хельма Лутц описывает гендерные режимы, она сосредоточивается на особом гендерном культурном сценарии, влияющем на гендерную динамику в семье работодателя, в результате которого уход за ребенком делегируется одной женщиной другой за плату (*отчего* и существует спрос и предложение на такую работу). Я смещаю фокус и рассматриваю гендерный культурный сценарий, лежащий в основе конкретных договоренностей и взаимоотношений между нанимателями и теми, кто занимается за них уходом и работой по дому (то есть то, *как именно* работа передается и *кто* кажется подходящим кандидатом в исполнители конкретных типов домашней работы). Так, я считаю, что идеи

и практики, связанные с тем, кого считать подходящим воспитателем, в Словакии в значительной степени связаны с местными культурными практиками воспитания детей и с логикой привычных шаблонов идентичности, о которых пишет Лутц.

Несмотря на то, что категории этнической принадлежности, национальности и расы нерелевантны для исследования словацкого рынка оплачиваемых домашних работников, очевидно, что наниматели предпочитают определенные типы работников. Их характеристики обычно связаны с гендерным опытом, приобретаемым в конкретном возрасте (или даже на определенном жизненном этапе), и наличием у кандидата детей. Отвечая на вопрос об ожиданиях и непосредственных взаимоотношениях с нанятой работницей, наниматели постоянно или частично занятых нянь неоднократно сравнивали два самых доступных, на их взгляд, типа нянь. Это либо женщины, уже вырастившие собственных детей (они обычно старше своих нанимателей), либо женщины молодого возраста, часто – студентки, у которых собственных детей еще нет. Более пожилые женщины, имеющие материнский опыт, считаются наилучшим вариантом. Гораздо реже наниматели выбирают няню исходя из характеристик, не имеющих отношения ни к возрасту, ни к наличию детей. В таких случаях клиенты предпочитают профессиональных нянь со специальными навыками и умениями (такими как способность оказать первую помощь или владение иностранным языком).

В Словакии наем нянь связан с местной моделью воспитания детей при участии бабушек. По традиции, особенно в крестьянских семьях, в уход за детьми включалась вся семья, состоящая из нескольких поколений. Так и сегодня ожидается, что бабушки и дедушки будут участвовать в заботе о внуках. Поколение нынешних бабушек обзавелось детьми в более раннем возрасте и может выйти на пенсию раньше, чем принято в Западной Европе, что не может не способствовать вовлечению бабушек в уход за внуками. Общепринято, что бабушки сидят с детьми, остаются с ними дома в случае болезни или во время школьных каникул. Няню обычно нанимают, когда бабушка не хочет или не может активно участвовать в уходе за внуками или когда у матери и у бабушки слишком разные представления о воспитании детей. В глазах многих матерей идеальная няня соотносится с образом бабушки, которая, в то же время, гораздо более уступчива и восприимчива к материнским идеям о правильном воспитании. Поэтому, несмотря на то, что няню нанимают как замену бабушке, она укрепляет идеал матери как главного лица, осуществляющего уход за ребенком, делая «то, что угодно матери».

Представления о том, как должна выглядеть бабушка, часто формируют понятия о том, кто должен работать няней. Сочетание местной модели воспитания, отдающей предпочтение бабушкам, с идеологией интенсивного материнства делает женщин старше пятидесяти со взрослыми детьми наиболее предпочтительными кандидатами в няни. Гендерный биографический опыт, включающий материнство, видится наиболее важной квалификацией при найме няни. Тот факт, что они матери взрослых детей, превращает их в наиболее приемлемых нянь, поскольку они могут заменить бабушку и обеспечить детям квалифицированный уход, не ставя под сомнение статус матери как главного субъекта заботы. В таких взаимоотношениях некоторые няни тоже считают, что исполняют роль бабушки.

Женщины того же возраста, что и сами матери, обладающие при этом опытом материнства, редко получают место няни, поскольку существует опасность, что они станут детям не «бабушкой», но заменой матери. Отсутствие спроса в данном случае сочетается с отсутствием предложения: матери маленьких детей обычно не работают нянями. Они предпочитают быть бебиситтерами, обеспечивая уход за детьми на дому не у клиентов, а у себя – чтобы иметь возможность одновременно присматривать и за собственными детьми. Я встречала и женщин в отпуске по уходу за детьми, работающих уборщицами или гладильщицами в чужих домах, поскольку этот род деятельности позволял им присматривать за собственными детьми и немного подрабатывать.

Молодые женщины – в основном студентки, не имеющие опыта воспитания собственных детей, – часто кажутся неспособными обеспечить должный уход за детьми в качестве няни, но при этом считаются хорошими бебиситтерами, услуги которых к тому же недороги; или они востребованы как помощники, сопровождающие детей на занятия в кружках и т. п. Клиенты, нанимающие студенток как нянь с частичной занятостью или как бебиситтеров, часто стараются найти человека, находящегося, по их представлениям, на промежуточной стадии между предполагаемой зрелостью взрослого и активностью ребенка, способного включиться в игру. Матери ожидают, что такой человек будет достаточно ответственен, чтобы оставить его одного с детьми, но при этом достаточно энергичен, чтобы организовать детям игры и образовательные занятия.

Материал, представленный в данной статье, показывает, что география найма домработниц и нянь для детей претерпевает изменения. В Словакии, которая как постсоциалистическая страна концептуализировалась и исследовалась до сих пор только как источник рабочей силы, наблюдается рост спроса на оплачиваемый домашний труд. Процессы, ведущие к найму домашних работников, тоже меняются. Поскольку ни домашний персонал, ни их наниматели не являются мигрантами, наем местных словацких женщин в качестве домашних помощников невозможно объяснить ни региональными различиями, ни глобальными или местными связями. Спрос на услуги домработниц также никак не связан с их этнической принадлежностью. Несмотря на то, что режим соцобеспечения и определяет структурные условия для найма помощников по дому, индивидуальная мотивация найма таких помощников и нянь связана с противоречивыми ожиданиями и бременем родительства и трудоустройства среди словацкого среднего и высшего классов. Специфические практики найма и представления об идеальных нянях в Словакии определены в большей степени не миграционным режимом, как в странах Западной Европы, а исторически детерминированным гендерным режимом.

*Перевод с английского Елены Леменовой,
научный редактор перевода – Ольга Ткач*

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ЗАБОТА О ДЕТЯХ В СЛОВЕНИИ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ НА НЕФОРМАЛЬНЫЕ РЫНКИ ДОМАШНИХ УСЛУГ. Резюме

Жива Хумер, Майда Хрженяк

Система заботы о детях, в частности, оплачиваемый декретный отпуск, а также обеспечение ухода за ребенком – два основных механизма, с помощью которых государство оказывает влияние на неформальный рынок услуг по уходу за детьми. В Словении как бывшем социалистическом государстве и одной из стран бывшей Югославии с 1960-х годов сложилась семейная модель «двух кормильцев», причем очень многие женщины в семьях с детьми имеют и полную занятость. Это стало возможным благодаря тщательно продуманным мерам по охране материнства и детства, которые выносили уход за детьми за пределы семьи и обобществляли его. При переходе к капиталистической экономике словенским женщинам не приходилось оставаться дома, как это происходило во многих других странах Центральной и Восточной Европы, в связи с введением длительного отпуска по уходу за ребенком и закрытием яслей.

В нынешней Словении принято и экономически необходимо, чтобы и мужчины, и женщины вносили свой вклад в семейный бюджет. Наличие работы у женщины – предпосылка ее независимости. Однако женщинам приходится совмещать работу с родительскими обязанностями, ведением домашнего хозяйства и ролью жены, из-за чего они находятся в ситуации постоянной нехватки времени, чрезмерно перегружены и устают. Поэтому женщины с более высоким уровнем образования и дохода в качестве одной из стратегий приспособления к противоречивым требованиям семьи, карьеры и гендерных стереотипов все чаще передают ведение хозяйства оплачиваемым домашним помощникам, работающим неофициально. С недавних пор в Словении растет количество домашнего персонала, выполняющего «невидимую работу» в частных домохозяйствах.

В данной статье мы предполагаем, что высокая степень обобществления/вынесения заботы о детях за рамки семьи в Словении – это решающий фактор, определяющий низкую, по сравнению с ситуацией в других европейских странах, популярность неформального оплачиваемого ухода за детьми на дому (в отличие от уборки и ухода за престарелыми). Мы полагаем, что неформальные рынки услуг по уходу появляются там, где отсутствуют государственная поддержка и государственная инфраструктура в этой области. В своей статье мы сначала анализируем нынешнюю

систему заботы о детях в Словении и выявляем элементы, позволяющие дефамилизацию ухода за детьми и формирующие у семей потребность в конкретной неформально оказываемой услуге; далее на основе эмпирических данных мы показываем, кто именно, на каких условиях и почему работает в Словении частными нянями.

СБОР ДАННЫХ И ХАРАКТЕРИСТИКИ ВЫБОРКИ

Эмпирический материал, анализируемый в статье, получен из двух источников. Одним из них стал исследовательский проект «Неформальная репродуктивная работа: тенденции в Словении и Евросоюзе, 2007–2009 гг.», в рамках которого в 2009 году было проведено качественное исследование на базе 31 полуструктурированного интервью. По 10 интервью было проведено с уборщиками и нянями, 11 – с сиделками, ухаживающими за престарелыми. Все интервью проводились в столице страны Любляне и ее окрестностях. Задаваемые респондентам вопросы касались их рабочего опыта, причин, по которым они выбрали тот или иной тип работы, положительных или отрицательных впечатлений от нее, взаимоотношений с членами семьи, их зависимости от дохода, который приносит работа по уходу, потенциальных связей с другим обслуживающим персоналом и планов на будущее.

Вторым источником эмпирического материала стало исследование, проведенное в рамках докторской диссертации Живы Хумер «Этика ухода, гендера и семьи: процессы делегирования ухода между частной и публичной сферами», написанная в 2009 году. В работе были проанализированы процессы передачи забот по уходу за детьми в рамках частной и общественной сфер, отдельное внимание было уделено организации и перераспределению обязанностей по уходу между родителями, бабушками и дедушками и нянями, нанятыми неформально. В 2008 году было проведено 60 полуструктурированных интервью (36 – с родителями дошкольников, 12 – с бабушками и дедушками, присматривающими за внуками ежедневно или время от времени, и еще 12 – с нянями, за плату выполняющими работу по уходу за детьми ежедневно или при необходимости). Интервью с нянями, живущими и работающими в основном в Любляне и окрестностях, были посвящены их опыту нерегламентируемой работы по уходу за ребенком, причинам выбора именно этой работы, их отношениям с членами семьи (особенно с работодателями – родителями ребенка), особенностям типичного рабочего дня нянь, а также их перспективам на будущее. В обоих исследованиях респонденты подбирались методом «снежного кома» и отслеживания связей; велась аудиозапись всех интервью, которая затем расшифровывалась для подробного анализа.

Кроме эмпирического материала в своем анализе словенской системы ухода за детьми мы также ссылаемся на данные и материалы, собранные в рамках исследовательского проекта, осуществляемого в 2014–2017 годах, «Работа по уходу между индивидуализацией, социализацией и глобализацией».

Демографические данные всех исследований показали, что неформальный рынок услуг по уходу на дому четко классифицирован и иерархичен. Уход за ребенком считается социально признанной, важной, ответственной и квалифицированной работой. Очевидно, что в этой области неформального обслуживания, в

отличие от ухода за престарелыми и уборки – двух направлений работы по дому, доступных и мигрантам (приехавшим в основном из других стран бывшей Югославии), – работодатели отдают предпочтение словенским гражданкам словенского же происхождения, а особенно студентам и пенсионерам.

ДЕФАМИЛИЗАЦИЯ И ОБОБЩЕСТВЛЕНИЕ ЗАБОТЫ О ДЕТЯХ В СЛОВЕНИИ

Государственная социальная политика сказывается на степени формализации и профессионализации (или отсутствии таковых) работы по уходу на дому. Меры, принимаемые для обеспечения ухода в рамках семьи, предполагают вместо общественного обслуживания финансовую поддержку. Тем самым создаются условия для снижения формализации и профессионализации ухода, поскольку в подобной ситуации большая часть обслуживания становится делом семьи и/или представителей неформальных рынков услуг. Напротив, чем больше услуг по уходу предоставляет государство, причем не только посредством финансовой помощи, тем более формализован и профессионализирован рынок домашнего труда. Исследования показывают, что решающее воздействие на развитие рынков неформального ухода и наем женщин-мигранток на работу в частные домохозяйства оказывает соотношение государственной финансовой поддержки и организации социального обслуживания. Важно не только то, в какой мере государство берет на себя ответственность за уход, но и то, каким образом оно ее реализует: отдается ли предпочтение денежным выплатам или организации общественных служб, поощряет ли государство неформальные рынки услуг по уходу и наем мигрантов (обычно – мигранток). Существование общедоступных и высококачественных социальных служб значительно сокращает размер рынков неформальных услуг, в том числе глобальных. Принимая во внимание эти обстоятельства, мы считаем, что словенская система охраны детства способствует вынесению заботы о детях за рамки семьи и его обобществлению, ограничивая таким образом объем неформального обслуживания.

Схема декретного отпуска, действующая в сегодняшней Словении, была введена в 1986 году и предусматривает 365 отпускных дней: 105 дней отпуска по родам и 260 дней отпуска по уходу за ребенком, который в принципе можно поделить между родителями, хотя женщины пользуются им чаще. В 2003 году был введен отпуск по уходу за ребенком для отцов, состоявший из двух частей: короткой оплачиваемой (15 дней) и более длительной неоплачиваемой (75 дней). В 2014 году оплачиваемую часть отпуска по отцовству продлили до 30 дней. Денежная компенсация за отпуск по материнству, отцовству и по уходу за ребенком покрывается государством. В 2012 году в связи с режимом жесткой экономии денежная компенсация за отпуск по уходу за ребенком и за отпуск для отцов была временно урезана со 100 до 90% от заработной платы, тогда как компенсация за отпуск по родам осталась прежней – 100% от прежней зарплаты матери.

Развитие государственных услуг по уходу за детьми шло особенно интенсивными темпами в 1970–1980-х годах, когда было построено более двух тре-

тей существующих ныне детских садов. По последним данным, более трех четвертей детей в возрасте от 1 года до 6 лет посещают детские сады, в большинстве своем (93%) общенациональные и подведомственные местным муниципалитетам. Сеть публичных детских учреждений финансируется городом и, частично, родителями: размер платы за детский сад высчитывается исходя из родительского дохода и общего семейного благосостояния. В ситуации, когда государство берет на себя существенную часть заботы о детях посредством организации сети формальных, профессиональных, общедоступных и высококачественных учреждений, роль коммерческих и неформальных рынков услуг по уходу и глобализация ухода ограничены, как и показывают эмпирические данные, которые мы обсудим далее.

НЕФОРМАЛЬНАЯ БЕЗВОЗМЕЗДНАЯ И ОПЛАЧИВАЕМАЯ РАБОТА ПО УХОДУ ЗА ДЕТЬМИ

Пока дети маленькие, небольшая часть семей предпочитает, чтобы за ними присматривали родственники. Семьи из сельской местности и те, кто располагает ограниченными финансовыми ресурсами, обычно организуют уход за детьми с помощью старшего поколения – бабушек. Это возможно благодаря раннему выходу на пенсию словенских женщин – в среднем около 58 лет. В то же время немногие из родителей-горожан или представителей более состоятельных слоев населения прибегают к услугам частных воспитателей, нянь, особенно когда дело касается детей в возрасте от 1 года до 3 лет. Кроме того, востребован неформальный нерегулярный или краткосрочный присмотр за детьми за плату, например, когда нужно посидеть с детьми во второй половине дня или вечером по рабочим дням или – реже – по выходным; или вывести ребенка на прогулку, чтобы дать передышку матери; или присмотреть за болеющим ребенком; или отвести ребенка на занятие в кружок и т. д. Часы работы детского сада (с 6 утра до 5 вечера) и правило, согласно которому ребенок может проводить в детском саду не более 9 часов в день, создают сложности для некоторых родителей из-за широко распространенной практики сверхурочной работы или нестандартного графика. В таких случаях на помощь приходит неформальный присмотр за детьми во второй половине дня. Государство не обеспечивает подобных форм ухода за детьми, но их все чаще предоставляют частные агентства и неформальные наемные бебиситтеры, в частности, студенты и пенсионеры. Студенты в основном подрабатывают нерегулярным бебиситтерством во второй половине дня или по вечерам, тогда как пенсионерки или супружеские пары пенсионного возраста присматривают за детьми постоянно или время от времени на дому у себя или у своих работодателей и таким образом обеспечивают себе ощутимую добавку к небольшой пенсии. Ни для студентов, ни для пенсионеров заработок от бебиситтерства не является единственным источником дохода, что оказывает значительное влияние на соотношение сил в их отношениях с нанимателями, обеспечивая неформальным воспитателям больший контроль над условиями работы.

РОЛЬ КЛАССА, ВОЗРАСТА И ГЕНДЕРА В НЕФОРМАЛЬНОМ НАЕМНОМ УХОДЕ ЗА ДЕТЬМИ

Тем не менее, между студентами и пенсионерами заметны классовые различия. Заработки от бебиситтерства существенно улучшают финансовое положение пенсионеров, особенно тех, чья пенсия близка к минимальной (а таких в Словении большинство), тогда как для студентов доход от присмотра за детьми – это скорее деньги на карманные расходы, поскольку их обычно полностью содержат родители.

Обычная плата варьируется в зависимости от регулярности предоставления услуг, места жительства и типа поставщика услуг (например, неправительственная организация, частное агентство, частное лицо). Нерегулярное бебиситтерство на непродолжительное время стоит от 3 до 6 евро в час, тогда как регулярное, ежедневное обслуживание одного ребенка стоит от 200 до 400 евро в месяц. Эти расценки равны плате за государственный детский сад: разница в том, что плата за него субсидируется городским советом и зависит от семейного дохода, тогда как частное обслуживание не субсидируется и родителям приходится полностью оплачивать его из своего кармана. Государственная политика субсидирования социальных услуг по уходу за детьми (когда муниципалитет платит напрямую детскому саду) является решающим фактором, заставляющим родителей отказываться от частных договоренностей.

Интервью показывают, что ни один из частных воспитателей не согласился бы за те же деньги выполнять какую-либо другую работу, но удовольствие, моральное удовлетворение и дополнительные преимущества работы по уходу за детьми считаются достаточной компенсацией за довольно низкую заработную плату. В работе такого рода этика заботы одерживает верх над этикой работы, поскольку информанты воспринимают заботу о ребенке как помощь ближнему. Как показывают интервью, наниматели часто торгуются со студентами по поводу размера оплаты, сбивают цену, платят не вовремя или не полностью, тогда как с пенсионерками о размере оплаты не торгуются. Эти различия указывают на то, что возраст имеет значение в восприятии неформально нанятыми нянями своей роли и их отношении с работодателями. Студенты считают присмотр за детьми профессиональной работой и отделяют его от работы по хозяйству. В противоположность им пенсионерки рассматривают уход за ребенком как неформальную помощь молодой семье и как расширение и продолжение женской заботы, воспринимая себя как *суррогатную бабушку*.

Неформальный оплачиваемый уход за детьми в Словении не полностью феминизирован. Местные студенты и мужья пенсионерок тоже принимают некоторое участие в этой работе. Студенты обычно присматривают только за мальчиками, тогда как мужья пенсионерок помогают своим женам – основным няням – в делах, требующих физических сил. Таким образом, участие мужчин в неформальном оплачиваемом уходе за детьми усиливает традиционные гендерные роли и вновь утверждает уход за детьми как «прерогативу женщины».

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы полагаем, что профессиональная, высококачественная, общедоступная и недорогая словенская государственная система заботы о детях в значительной мере ограничивает неформальные рынки услуг такого рода. Помимо помощи со стороны старших поколений неформальные оплачиваемые услуги по уходу обычно предоставляются словенскими пенсионерками местного происхождения, супружескими парами пенсионеров и студентами. Эти услуги предоставляются в основном в рамках неформального экономического сектора, а сама работа ограничивается выполнением обязанностей приходящей няни. Пенсионеры идут на неформальную платную работу по уходу ради добавки к небольшой пенсии с целью улучшить свое денежное положение, тогда как для студентов это способ заработать на карманные расходы. В отличие от многих других европейских стран, в Словении женщины-мигрантки за детьми не ухаживают. Это связано с тем, что в Словении мало мигранток, а те, что есть, работают в основном как уборщицы или сиделки для пожилых людей. Кроме того, работа по уходу за детьми очень высоко ценится, а мигрантки (из-за распространенных в обществе национализма и ксенофобии) не кажутся способными и надежными нянями.

С точки зрения эмоционального восприятия, неформальный уход за детьми – это «труд любви», который, с одной стороны, приносит осуществляющему его удовольствие и моральное удовлетворение, а с другой – эксплуатируется по причине непомерно низкой его оплаты. Следует, однако, отметить, что помимо сравнительно низкой платы в целом и нескольких случаев недоплаты или задержки оплаты случаев плохого обращения с домашними работниками зафиксировано не было. Приходящие няни, работающие на основе неформальных договоренностей, полностью не зависят от этой занятости финансово, что дает им больше автономии для заключения и разрыва контрактов. Тем не менее, эти услуги оказываются в рамках неформальной экономики, а, значит, как таковые делают жизнь родителей, детей и их нянь нестабильной.

*Перевод с английского Елены Леменовой,
научный редактор перевода – Ольга Ткач*

CULTURAL PATTERNS OF CLASS INEQUALITY IN THE REALM OF PAID DOMESTIC WORK IN RUSSIA. *Summary*

Elena Zdravomyslova, Olga Tkach

In Russian cities, hired domestic labor has become a mass phenomenon, with the first modern employment agencies for domestic personnel emerging in the post-Soviet era. In the 2000s, the period of economic growth and a rise in social polarization, the increasing demand for paid domestic work became visible. Since that time, the need for household helpers has remained high, with the market for domestic work reflecting global trends, according to which a significant segment of such work is performed by internal and foreign migrants. Both Russian and international markets of care work are gendered in their structure—they have a female face. The Russian market of care work mainly belongs to the shadow economy, is highly competitive and diversified, and is shaped by different social segments. Researchers identify three categories of domestic workers who compete on the labor market in Russia: local residents, internal migrants from various regions of the Russian Federation, and foreign migrants from former Soviet republics of Central Asia and Eastern Europe. Workers from Central Asia represent the most precarious segment of the market. Due to the recent economic crisis and increase in competition, local residents and internal migrants have driven foreign incomers out of the market by degrees (however, this process is reversible).

Paid care services are only available for those citizens who can financially afford them. Hence, the use of paid domestic labor performed by women (although not exclusively) can be considered a criterion of socioeconomic inequality. We view employer-employee relationships in the private domestic sphere as a field where cultural patterns of class inequality are created and manifested in modern Russian capitalist society.

This article aims to analyze the cultural models of inequality articulated in the process of class-making in modern Russian society within households that hire domestic workers. Paid domestic work, organized formally or informally, performed on a permanent or temporary basis by Russian citizens or immigrants, is one of the structural conditions of class-making. Class inequality is produced within interactions between employers—homeowners—and household personnel. Our objective is to analyze emergent cultural models of employer-employee relationships. The focus of our analysis is the intersection of class and gender.

RESEARCH DATA

Our argument is based on a variety of empirical data. Our main data are in-depth focused interviews, collected during two research projects conducted by the Gender Program of the Department of Political Sciences and Sociology at the European University in St. Petersburg in 2005–2009 and 2009–2011. During those projects, we conducted more than 60 in-depth problem-oriented interviews with employers (mostly women) as well as babysitters (10 interviews), domestic cleaners (9 interviews), and nurses (9 interviews). Newer sources that support our research include three interviews with domestic workers and three interviews with employers, conducted in 2014–2016 with updated interview guides. In these newer interviews, we collected materials related to paid domestic work performed by immigrants from countries in Central Asia and the poorer regions of Russia, who work in various households in Saint Petersburg.

Another set of data comprises materials presented on the websites of employment agencies for domestic personnel (15 units of analysis). These websites were selected according to keywords, traffic, accessibility, and resonance. As a result, we focused on websites of agencies located in Moscow and Saint Petersburg. Materials from the analyzed websites contain information for potential clients, such as the name and address of the office, advertisements, information about services offered, as well as instructions and educational resources such as housekeeping manuals, lists of reliable domestic workers, and guidelines for interactions between domestic workers and employers.

As complementary sources, we analyzed journalistic materials in audio, video, and printed forms. These include recordings of broadcasts of Ekho Moskvy, a Moscow-based radio station, which provided insight into the organization of the domestic work of babysitters and cleaners in Russia and other countries. We also used documentary films featuring interviews with employers and domestic workers.

Our secondary sources include published studies of paid domestic work. This helped us to reconstruct the context—the scope, structure, and main characteristics of the Russian market of paid domestic labor.

CLASS-MAKING, CULTURE, AND PAID DOMESTIC WORK: THEORETICAL FRAME

In this article we analyze the cultural dimension of class-making. This theoretical standpoint is based on Pierre Bourdieu's concept of classes, which has been further developed by such scholars as Beverley Skeggs and Suvi Salmenniemi, among others. In this article actors of the market of domestic labor—employers and employees, as well as mediators (employment agencies and experts)—are viewed as active participants who enter into relations of exchange, who do cultural work, activating some cultural schemes and problematizing others, while at the same time striving to promote the model of class inequality that they find most appropriate.

We believe that Thorstein Veblen's theory is still a useful heuristic tool for analyzing the cultural aspects of class-making. As a founder of the institutionalist ap-

proach, Veblen studied the role of domestic labor in the leisure classes in the early twentieth century. He highlighted the particular role of *personal* servants in the creation of class boundaries, as they perform both instrumental and symbolic functions creating the class position of the homeowner. The wives of members of the proprietary class demonstrate the status of their households in a gendered way, by withdrawing from “dirty work” and freeing up their leisure time for activities considered prestigious and relevant to their status position. Thus, the lifestyle of the leisure class is characterized by the deliberate delegation of a variety of “nonrelevant” activities that have symbolic meaning in class-making.

Following Anthony Giddens, we look at the mechanisms of class inequality (in the realm of household work) through the prism of three interconnected culturally marked processes—the signification of interaction, hierarchy management, and legitimation. Class inequality is created within employer-employee relationships, where cultural models of signification, legitimation, and hierarchy management manifest themselves. However, cultural models can be problematized or compete with each other for hegemony—which is typical in the context of the fluctuating rules and blurred class boundaries of contemporary Russian society. All the participants of the field are involved in the cultural work of signification and the legitimation of class boundaries in interactions.

STRUCTURAL CHARACTERISTICS OF PAID DOMESTIC WORK

In many aspects, the market of domestic work in Russia conforms to the general trends of modern global capitalism in its neoliberal phase. However, there are some peculiarities related to lack of regulation, persistent informal recruitment, and intensified attention towards everyday manifestations of class inequalities in the realm of consumption and domestic arrangements. Although paid domestic work also existed in Soviet society, the scope of demand and supply was significantly lower, regulation took place mainly in the “shadow” sector (during the late Soviet period), and centripetal migration flows were limited. In modern capitalist societies, including Russia, the commercialization of care is related to processes of economic globalization. The production of cultural patterns against a backdrop of the commercialization of care is characterized by three processes: first, by its professionalization; second, by its largely informal character; and third, by the intersected gender and ethnic characteristics of the market of domestic labor.

The following features can be considered the main characteristics of the Russian market of domestic labor: a cross between professionalization and informalization; the reproduction of intersectional gender, class, and ethnic inequalities in the process of hiring domestic workers; the competitive character of the segmented market of domestic services; and typical chains of care stretched across the former USSR. For migrant domestic workers in Russia, the Soviet imperial heritage, with its consequent “geography of poverty,” has shaped migration flows to Russian cities from former Soviet republics or from economically poor regions of the Russian Federation that are distant from the capital cities. Researchers note that different categories of house-

hold workers possess different capacities to manage social inequality in interactions. Among all the specialties of domestic workers, babysitters and nurses are in highest demand. Among all categories of workers in this sphere, immigrants from Central Asia are the most vulnerable; they are often employed on a live-in basis. Paid domestic work has a distinct gender profile. Cultural stereotypes related to the country of origin contribute to patterns of relations with domestic workers. Studies of the employment conditions of female domestic workers reveal that cleaners, babysitters, and nurses from Central Asia earn less, face discrimination and abuse from their employers more often, and have fewer opportunities to influence the conditions of their employment.

A peculiar feature of the Russian context is the problematization of the culture of unequal relations between employers and hired workers in the realm of domestic services. We consider this to be evidence of the lack of professionalization of domestic labor, as well as a sign that the cultural model of class inequality is fluctuating and unstable. Moreover, in relation to international trends, Russia is obviously lagging behind in terms of hired domestic workers' rights protection. The state and public organizations are barely represented in this realm as arbitrators of labor conflicts. Observance of labor and personal rights on both sides is, in fact, entrusted to market forces as well as to the employees and employers themselves, who maintain a relationship characterized as private, making the observance of rights highly dependent on the personal characteristics of both sides and their biographical experience.

MAKING THE CLASS POSITION OF FEMALE EMPLOYERS

We identify several general features of female householders who employ domestics on a permanent basis. All of them delegate at least some part of domestic chores and personal care to hired help, positioning themselves as homeowners and rational manager-administrators of the household. In the accounts of female employers, home is described as a complex system that needs proper and effective management. This management, like any other, depends on the scale of the household, on investments, and on the number of household members and their needs.

Among the many concerns of household management are personnel selection, training and education, making checklists of tasks, providing tools, and monitoring work progress. The employer has multiple functions: she acts as a mini-employment agency, a contractor, a supervisor, and a coworker. However, in the case of paid domestic labor, one cannot translate all aspects of the interaction into relations of property management, because this is a case of purchasing care.

Discussions about "social inequality culture" are common among householders, who complain that "civilized" patterns of employer-employee relationships in Russian society have been lost. They are also concerned about domestic personnel being "uncivilized," about lacking control over the actions of babysitters and cleaners who could, if they wished, inflict harm on the household or use their knowledge and skills to the employer's disadvantage. The culture of domestic personnel management implies the capacity to find a balance between intimate/personalized and business-like

relations in the context of domestic care, keeping domestic workers close enough but at a reasonable distance.

The issue of inequality management also emerges in interviews with representatives of agencies, who strive to educate market actors—employers as well as employees. Personnel training programs, websites of employment agencies for domestic workers, housekeeping manuals—they all discuss the ethos of the relationship between employers and domestic workers, providing rules of “cultured interaction” and countering abuse on both sides.

We identify two main patterns of emergent cultural models of inequality; below are brief summaries of both.

CONSPICUOUS CULTURE OF INEQUALITY: “MASTERS” AND “SERVANTS”

Positioning domestic workers as servants suggests articulated and reinforced social distance, strictness and minuteness of control, and the importance of “knowing one’s place.” Employers of this type actualize the model of subordinate domestic work, believing that they purchase not the services but the laborers themselves. We argue that this model bears a family resemblance to the “leisure class” described by Veblen. Representatives of this class, due to their status as property owners and higher position in the economic hierarchy, do boundary work that relieves them from “dusty” and “dirty” household work and also, to some extent, from personal care work. In the modern Russian context, the “oligarchs’ wives,” or “Rublevka wives” as they are also known for the oligarchs’ favorite residential location, are well-known media referents of this class position. They can be stay-at-home housewives, successful businesswomen, or representatives of the bureaucratic stratum. By hiring “servants,” these “mistresses” free up their time to demonstrate their status—caring for themselves and reproducing social glamour practices—rather than for paid employment or personal growth. For this segment of the wealthy classes, home is a place of performative consumption and conspicuous idleness that can only be achieved thanks to their subordinate “servants.” These “masters” dictate nonnegotiable employment conditions. Their commanding style of household management is problematized by domestics, who are disgruntled by its inconsistency with a “civilized” model of contractual labor relations.

Ethnization and genderization of class differences is used by such employers to demonstrate and reinforce emerging class boundaries. The prize for the best worker goes to she who shows the most skill at conspicuous subordination. The habit of subordination, the skill of being invisible and meek, is ascribed to female migrants from Central Asia and the Philippines, as they grew up in patriarchal cultures. Personalism in interactions allows employers to increase their distance and create a space for exploitation. In this cultural model the “hosts” strive to objectify domestic workers, and it is the workers’ personality and not their service that is positioned as a commodity.

Live-in workers are the most vulnerable in such relationships: they perceive themselves as isolated and disempowered objects of exploitation, and with good reason. They have no private space, and their autonomy is limited by constant control

and ever-growing demands of the “masters.” Practices of gift giving on the part of employers have been perceived by receivers as a manifestation and symbolic reinforcement of social hierarchy. If a cleaner or babysitter constantly experiences minute strict control on the part of their “masters” and faces mistrust, they also consider themselves objects of class exploitation.

A model of conspicuous inequality is described by all market participants; it is a persistent topic in the narratives of experts and hired workers. However, employers rarely bring this up, unwilling to openly claim an illegitimate model of relationship with their domestic personnel.

The model of conspicuous inequality is problematized by domestics and market mediators—including media representations—that are oriented towards the values of imaginary “civilized relations.” It is viewed as a relic of the past that still maintains its relevance, inasmuch as representatives of the new economically privileged classes lack social and cultural competence. Historically, it refers to the feudal and capitalist relations with domestic workers that were present in the imaginary pre-Soviet past. This model is considered unfair but feasible in modern Russian society, having been revived by modern Russian capitalism.

THE EGALITARIAN CULTURE OF INEQUALITY: PROFESSIONALS AND THEIR “HELPERS”

The egalitarian style of relations between domestic personnel and their employers is at the other end of the spectrum. This model is described by market participants as cultured or civilized. In their everyday life female household employers representing this class bear a triple burden: a paid job, household work, and childrearing. The difficulties of finding a balance between paid work and household obligations in a post-socialist society create an instrumental need—a demand—for paid domestics who can perform tasks that professional women face in the realm of family and household. Paid domestic work is positioned as essential for shaping the urban middle class of businesspeople and professionals.

The signification of relations between employers and their “helpers” in this model varies from very close (friendship/quasi-kinship) to purely business-like (depersonalized). The actors highlight shared tasks and the division of household labor between employers and employees. Self-respect, an orientation towards fairness and negotiability in the relationship, and coordinated efforts to build a good household are key features of the egalitarian style of social inequality management.

To describe a hired domestic worker market actors either use the term “helper” or directly indicate the specialization of domestic work—babysitter, cleaning lady, nanny, or nurse. In such a relationship, domestic workers are positioned as indispensable helpers, with an emphasis on their irreplaceability for creating a balance between all the roles of the professional working woman (employer) with family and household duties. Employers try to level status and economic inequalities in their interactions with employees. This leveling effect is achieved through practices of negotiating working conditions, providing autonomy in work and leisure, integrating the domestic worker into the home space as a quasi-member of the family, having

meals together, and displaying trust and gratitude. Conditions of the labor contract, such as working hours, tasks, rates, and rewards, also become subject of negotiation and agreement for both sides.

Employers, using their own resources, often informally provide babysitters with some benefits, which is how the mechanism of compensation and leveling works. Babysitters can receive a year-long residence registration in the employers' household, "almost new" clothes, help with legal paperwork, access to a reliable doctor, teachers for their children or grandchildren, and the like. Both sides view all of the above as a display of the responsible attitude of employers towards hired workers, who are deprived of any social safety net due to their off-the-books employment. Hired workers also experience feelings of responsibility and express their understanding of the fact that family members depend on them; the scope of their autonomy is rather wide, and the monitoring of their activity is not intrusive, which makes them feel satisfied.

CONCLUSION

Interactions between employers and paid workers in the domestic realm represent an arena for creating class inequalities on the everyday level (of household life) within the gender structure. The interpersonal relations that form in the process of hiring domestic workers are built upon dialectics of control, autonomy, and dependence within the structure of inequality. This understanding of inequality-in-the-making suggests that domestic workers possess resources of control and influence over their working conditions. Class, gendered, and sometimes ethnicized (racialized) inequality is created in the course of employer-employee relationships.

We distinguish two models of inequality culture. First, there is the model of conspicuous inequality, which typifies the relationship between "masters" and "servants." Here we can observe clear-cut subordination. The proprietors emphasize their place in complex, intersected social hierarchies and reinforce social distance using commanding style, minute control, and an arrogant attitude towards domestic workers. The latter are treated as "personal servants" and demanded to display their subordinate position. For "house mistresses" the most important function of hiring domestic personnel is demonstrating their status in the social hierarchy, reproducing a class position that involves having "servants." This model has low legitimacy; it is associated with glamorous consumption, exploitation potential, contempt towards labor, and disrespect of workers' personal dignity. Critics see its historical roots in the relations between nobles and serfs in Russian feudal society.

Second, there is the model of egalitarian inequality. Here, paid domestic work is positioned as a pressing need of the new middle class of professionals and managers. Career-oriented working women face the challenges of balancing full-time employment and intensive family cares. In contrast with the first model, in this model hiring domestic personnel is essential for reproducing the household realm, the family, and the gender emancipation of the female homeowner. The woman needs help so as not to quit her job, and the family as a whole needs help in order to function properly.

Thus, female employers are acutely aware of their dependence on hired workers and feel gender solidarity with their “helpers.” They problematize inequality and strive to close the social gap in their relationships with household workers, to level out the hierarchy. Reflecting on the potential for exploitation and their dependency on household workers, they try to balance out this inequality with informal support and provide a high degree of autonomy to their hired workers. The relations between them alternate between deeply personal and detachedly formal. However, both sides of the contract strive for mutual understanding based on personal trust and even women’s solidarity. The signification of this relationship emphasizes the independence of the hired worker, who is positioned as the “domestic helper” of the “working mother” and as a professional in her realm. Our interviewees describe this relationship as cultured and civilized; their points of reference are employer-employee interactions in developed countries where employment relations are more institutionalized and formalized than they are in Russia.

Unfortunately, our research data cannot give an answer to the question of how these models of inequality relate to the objective characteristics of the employers’ social positions or the employees’ social status characteristics. In interviews and other sources domestic workers often voice the opinion that the rich who acquired their wealth quickly have a propensity for the hierarchical conspicuous model of class inequality. However, we cannot draw such a conclusion too quickly. People of different levels of income, who are engaged in different professional realms, rely on different cultural patterns. Migrants from the former USSR more often suffer from discrimination and disrespectful attitudes; here, the hierarchy is reinforced by anti-migrant and racist ideologies. What are the future trends of the development of inequality models? In our opinion, in the Russian context both models are reproduced in parallel, creating different social milieus that will pass on from generation to generation. Nevertheless, there are prospects that the model of conspicuous inequality will be weakened, as domestic work is becoming increasingly professionalized and formalized, the consciousness of domestic workers is rising, and the quality of their social protection advances.

Authorized translation from Russian by Asja Voronkova

ВЛИЯНИЕ ИСТОРИИ: ПОСТСОЦИАЛИЗМ, ПРОФСОЮЗЫ И ДРУГИЕ ТИПЫ ОРГАНИЗАЦИИ ДОМАШНИХ РАБОТНИКОВ В ЧЕШСКОЙ РЕСПУБЛИКЕ. Резюме

Лиза-Мари Хаймесхофф

В статье представлено исследование роли разных типов организаций в лоббировании ратификации Конвенции № 189 «О достойном труде домашних работников», принятой Международной организацией труда (МОТ) в Чешской Республике, которая в данном случае концептуализируется как постсоциалистическое государство. Исследование рассматривает вопрос о том, почему профсоюзы, в отличие от неправительственной организации – Ассоциации в помощь интеграции и миграции (Sdružení pro integraci a migraci, SIMI), – не слишком активно добиваются ратификации Конвенции МОТ № 189 в Чешской Республике. Я считаю, что положение профсоюзов в рамках постсоциалистической корпоративистской структуры в значительной мере объясняет их неучастие в процессе ратификации Конвенции в Чехии. Кроме того, то, как отечественные домашние работники представляют себе профсоюзы и себя самих, заставляет их выбирать в качестве своего представителя неправительственные организации.

В начале статьи дается краткий обзор Конвенции № 189 и описание самой сферы оплачиваемого домашнего труда в Чехии с целью поместить анализ репрезентации домашних работников в постсоциалистическом обществе в соответствующий контекст. В своем анализе я ссылаюсь на две модели организации трудящихся, предложенные учеными Ширин Элли и Хелен Швенкен, и в рамках этих моделей описываю организацию и представительство в том виде, в каком они существуют в Чешской Республике. В заключении отсутствие профсоюзной организации и представительства у домашних работников объясняется постсоциалистическими представлениями о профсоюзах и идеями самих домашних работников относительно объединения в профсоюзы.

Статья основана на двенадцати интервью, проводившихся в 2010–2011 годах в Чешской Республике с домашними работниками и представителями гражданских организаций (таких как Федерация профсоюзов и мигрантских организаций), а также с исследователями, занятыми в нескольких проектах по организации домашних работников по всему миру, проводившихся в Международном исследо-

вательском центре развития и достойной работы (ICDD) при Кассельском университете в Германии. Исследование было посвящено пониманию роли профсоюзов и НПО в организации домашнего персонала. Интервью с домашними работниками и представителями НПО проводились в Праге и в некоторых малых городах Богемии. После полевой работы 2010–2011 годов процесс ратификации Конвенции № 189 в Чешской Республике был прослежен до ее вступления в силу.

В начале статьи представлены правовые основания и показан правозащитный пафос Конвенции МОТ № 189. Конвенция значима потому, что в ней эксплицитно проговариваются права мигрантов, работающих в качестве помощников по дому, и уравнивается их защита с защитой прав других категорий трудящихся. Я показываю, что Конвенция важна не только благодаря своим правовым последствиям, но и потому, что она легитимирует притязания домашних работников на защиту и может использоваться для мобилизации отечественных работников в национальных контекстах с целью дальнейшей организации домашних работников. После принятия Конвенции на уровне МОТ для общей ратификации и исполнения ее положений необходимы были кампании по ее ратификации на уровне отдельных стран. Поскольку в МОТ интересы трудящихся представляют профсоюзы, можно было предположить, что и проведение национальных кампаний по ратификации Конвенции станет делом профсоюзов, однако мобилизация вокруг Конвенции и лоббирование ее ратификации приняли в разных странах очень разные формы.

Перед тем как рассматривать детали организации домашних работников в Чехии, статья представляет саму сферу надомных услуг в стране. В Чехии помощь в ведении домашнего хозяйства представляет собой растущий экономический сектор. Такие услуги, как уборка, подвергаются процессу коммодификации, в ходе которого домашний труд интегрируется в рыночные отношения и усваивает рыночные нормы. Изменения в обществе (например, процессы урбанизации и т. п.) ведут к тому, что семьи не могут уже, как раньше, полагаться на помощь родственников в уходе за детьми. Рост числа родителей-одиночек, а также сокращение государственного обеспечения дошкольными детскими учреждениями после 1989 года привели к возрастанию спроса на нянь и бебиситтеров. Хотя, по официальным данным, в 2008 году в стране было всего около 2,5–3 тысяч домашних работников, можно предположить, что на деле их гораздо больше, поскольку многие из них работают без заключения договоров. Так, многие мигрантки в течение некоторого времени после переезда в Чехию работают в частных домах. Я полагаю, что домашний персонал в Чехии – это весьма диверсифицированная группа людей. Как и во многих других странах, оплачиваемый домашний труд здесь – это сфера, в которой занято множество мигрантов. В отличие от большинства западноевропейских стран, где частные дома обслуживают преимущественно мигранты, в Чехии помощницами по хозяйству становятся и местные женщины. Работа по дому может быть оформлена как частное предпринимательство или основываться на неформальной договоренности, а может быть и работой по найму. Иногда агентства выступают в качестве посредников между домашними работниками и частными нанимателями. Домработницы часто работают неполный день. В этом смысле

оказание помощи по хозяйству – еще и способ дополнить не слишком щедрые государственные пособия студентам, молодым матерям и пенсионерам.

Далее в статье описываются трудности и успехи в организации домашних работников. Исторически объединение в профессиональные союзы было способом для работников отстаивать свои трудовые права, но сфера домашней работы плохо поддается организации из-за удаленности, разобщенности работников, занятых в частных домохозяйствах, и неформального характера их работы. Многие домашние работники – мигранты, зачастую без документов, работающие по краткосрочным договорам, а то и вовсе без договора. Этой группе низкооплачиваемых работников не хватает ресурсов для организации. Проблематичность сбора с домашних работников членских взносов или профсоюзных сборов также может препятствовать их объединению. Кроме того, работа по дому – это удел женщин. Ее не всегда признают работой, что мешает наемным помощникам по хозяйству считаться трудящимися и легитимной частью рабочего движения, особенно если помощь по дому – это всего лишь подработка или временное решение в ожидании постоянной работы. Успехи в организации и представительстве домашних работников объясняются сочетанием организации на основе классовой и этнической принадлежности или рода работы и мигрантского статуса, иногда в соотношении с гендером и семейным положением. Успешные стратегии часто включают формы организации, свойственные социальным движениям, даже если сама организация осуществляется профсоюзом. Вероятно, следует отказаться от подчеркнутой виктимизации домашних работников по причине нелегальной иммиграции и вместо этого позиционировать объединение их как организацию по защите трудовых прав.

Чтобы отличить ассоциационную модель от профсоюзной, я называю теоретическую модель организации домашних работников «биполярной структурой представительства». Ассоциационная модель основана на идентичности, связанной на мигрантском статусе, этнической и гендерной принадлежности, тогда как профсоюзная модель организации работников базируется на классовой и рабочей идентичности и вырастает из рабочего движения. Модель, подчеркивающая идеи об организации, присущие тому или иному типу идентичности, может дополняться взглядами на типичные организационные стратегии. Традиционные формы объединения и мобилизации, связанные с профсоюзами, – это забастовки и коллективные переговоры. Ассоциации, напротив, часто прибегают к альтернативным способам объединения (таким как общинная организация и т. п.). Некоторые профсоюзы, в том числе в области домашней работы, пытались применить стратегии ассоциационной модели и профсоюзов как социального движения. В большинстве своем домашние работники продолжают объединяться в ассоциации вне профсоюзов.

Статья демонстрирует, что в Чешской Республике представлена ассоциационная модель, которая представляет собой результат организационных усилий SIMI – неправительственной организации, специализирующейся на помощи мигрантам. SIMI представляла права домашних работников и добивалась ратификации Конвенции № 189. Она же информировала домашних работников об их пра-

вах. Часть работы этой организации была кампанией в защиту условий труда и против распространения стереотипных представлений о представителях той или иной национальности. SIMI также извещала нанимателей о трудовых правах домашнего персонала. Объединение и представительство домашних работников в этом случае основывалось на категориях миграционного статуса и этнической принадлежности, как это довольно часто бывает в ассоциационной модели организации. В таких случаях мигрантский статус, с точки зрения (само)идентификации, получает приоритет над классовой принадлежностью. Разумеется, в своих требованиях по улучшению условий работы домашних работников SIMI опирается на юридические предписания Конвенции и трудового законодательства, однако определяет себя как правозащитную организацию, специализирующуюся на мигрантах. В статье говорится о том, что SIMI также применяет стратегии, связанные с новыми и современными формами проведения кампаний и организации социальных движений. Вряд ли можно представить себе профсоюз, добивающийся повышения степени осведомленности общества о проблеме посредством создания бутафорского агентства по подбору домашнего персонала, как это сделала SIMI. Подобная стратегия скорее свойственна неправительственной организации. Не будучи самоуправляющейся организацией, SIMI тем не менее активно пытается привлечь домашних работников к участию в своих проектах и выступлению в защиту интересов своих коллег, особенно мигрантов.

Статья нацелена на то, чтобы объяснить, почему в Чешской Республике основным борцом за права домашних работников стала НПО, выступающая в сотрудничестве с исследователями гендера и миграции, тогда как профсоюзы в общем и целом устранились от борьбы за права домашних работников. Я считаю, что для понимания сдержанной профсоюзной поддержки Конвенции № 189 необходимо учитывать положение профсоюзов в постсоциалистическом обществе. Для этого надо принять во внимание историческое наследие, проследить зависимости и влияние, оказанное социализмом на постсоциалистические общества. Профсоюзы в постсоциалистических странах обычно описываются исследователями как слабые и безголовые по сравнению с профсоюзами в странах Западной Европы. Из-за недостатка ресурсов и сокращения членов профсоюзы заинтересованы скорее в сохранении статуса-кво, чем в отстаивании политических интересов и трудовых прав. По сравнению с некоторыми другими постсоциалистическими странами профсоюзы в Чешской Республике считаются более успешными, потому что здесь имели место забастовки и трудовые конфликты; они также менее разрознены, чем в других постсоциалистических странах, однако членство в профессиональных союзах сократилось за последние двадцать лет весьма значительно и гораздо сильнее, чем можно было бы ожидать. Помимо всего прочего легитимность профсоюзов низка, что объясняется их ролью в период социализма. Социалистические профсоюзы не представляли интересы трудящихся, и трипартизм не служил посредником между рабочими и работодателями. Профсоюзы были частью социалистического государства и отвечали за социализацию членов, подбор кандидатов на политические посты, распоряжение свободным временем, организацию отдыха и праздников для трудящихся, оказание услуг. Профсоюзы

не имели права бастовать и вести коллективные переговоры с целью защитить права работников. Как обществу в целом, так и трудящимся в частности профсоюзы часто кажутся ненужным пережитком социализма, и из-за своей причастности к прежнему режиму они вынуждены бороться со своим негативным имиджем в глазах общества. Общественное доверие профсоюзам довольно низко, и работники часто не видят никаких причин вступать в них. В статье выдвигается тезис о том, что профсоюзы находятся в центре антипрофсоюзного дискурса, который лишает их легитимности как представителя интересов рабочих, что в свою очередь ограничивает масштаб их деятельности. Кроме того, профсоюзы считают организацию домашнего персонала невозможной из-за отсутствия ресурсов и в связи с угрозой своему положению. Ресурсные потери, такие как сокращение членского состава и утрата легитимности в постсоциалистическом обществе, затрудняют чешским профсоюзам выход за рамки борьбы за выживание и, в частности, не позволяют им выдвигать дополнительные требования, использовать новые стратегии, новые подходы к организации.

Более того, перед профсоюзами стоит еще одна дилемма. Исторически профсоюзы ссылаются на идеологию международной солидарности и классовой идентичности трудящихся, но при этом организуются в рамках отдельных стран и часто ограничиваются защитой интересов рабочих титульной национальности, поскольку последние нередко опасаются конкуренции со стороны мигрантов. По причине финансовой обременительности и неопределенности результатов профсоюзы Чешской Республики считают организацию иностранных работников делом трудным. Они следят за соблюдением трудовых норм в отношении местных трудящихся, отдавая предпочтение ограничительной политике в отношении мигрантов из стран третьего мира и большему контролю над неформальным трудоустройством. Такая позиция оказывает непосредственное влияние на всю сферу, в которой осуществляется работа по дому. То есть чешские профсоюзы не разделяют взгляда на профсоюз как глобальную общность, основанную на ее идентификации в качестве международного рабочего движения: этнические различия оказываются профсоюзам важнее, чем классовые.

Таким образом, в представленной статье раскрывается специфика взаимоотношений между профсоюзами и домашними работниками – с точки зрения тех из них, кто не заинтересован во вступлении в профсоюз. На основе интервью я определяю три причины: недостаток информации; тот факт, что профсоюзы не представляют интересы индивидуальных предпринимателей и неформальных работников; мигрантская (само)идентификация. Домашние работники, даже в случае когда им нужна психологическая или юридическая помощь, не всегда оказываются в курсе полномочий профсоюза и предоставляемых им услуг. Из-за того, что для них характерна так называемая самозанятость или из-за того, что они работают без формального рабочего договора, домашние работники не считают профсоюз организацией «для себя»: им кажется, что профсоюзы существуют только для штатных служащих. Кроме того, похоже, что отсутствие у домашних работников рабочей (само)идентификации также заставляет их воздерживаться от вступления в профсоюз. Для многих мигрантов наемная работа по дому – не основная

цель, а лишь временная подработка до той поры, пока не найдется работа получше. Я считаю, что для большей эффективности организации типа профсоюза (само)идентификация в качестве рабочего совершенно необходима. В большинстве случаев такая рабочая идентичность отсутствует, поэтому организация на основе этой идентичности, на которую как раз и рассчитывает профсоюзная модель, вряд ли может преуспеть.

Итак, исходя из модели организации домашних работников, статья объясняет наличие ассоциационной модели и неучастие профсоюзов в организации и представительстве домашних работников. В работе также выдвигается тезис о необходимости учитывать постсоциалистический контекст, лишивший профсоюзы прежней легитимности. Кроме того, важным представляется то обстоятельство, что домашние работники не идентифицируют себя с рабочим классом, поэтому их больше устраивает организация, построенная на основе ассоциационной модели, членство в которой строится на мигрантской идентичности.

*Перевод с английского Елены Леменевой,
научный редактор перевода – Ольга Ткач*

AUTHORS

Lisa-Marie Heimeshoff holds a master's degree in global political economy from the University of Kassel. She is now a research fellow in the Department of Migration and Society at the Institute for Migration Research and Intercultural Studies (IMIS) at the University of Osnabrück, Germany. Previously she worked as the chair of Politics of Labor Migration and the International Center for Development and Decent Work at the University of Kassel. She is one of the coordinators of the Research Network for Domestic Worker Rights and the editor of its newsletter. Her research interests are migration, social movements, labor rights, and minorities. Currently she is pursuing a doctorate in social studies at the University of Osnabrück on advocacy for Roma in Germany and the Czech Republic.

Majda Hrženjak holds a PhD in sociology and is a researcher at the Peace Institute–Institute for Contemporary Social and Political Studies in Ljubljana, Slovenia. Her research topics include gender studies, including critical studies of men and masculinities, and social politics, in particular the concept of care in relation to gender, migration, citizenship, and democracy. With others she conducted the first national study of informal paid care work from the perspective of gender, globalization, and intersectionality. Currently she is conducting a project titled “Care Work between Individualization, Socialization, and Globalization.” Her publications include the sole-authored *Invisible Work* (Peace Institute, 2007) and edited volume *Politics of Care* (Peace Institute, 2011), as well as book chapters “In the Grips of Work/Family Imbalance: Local and Migrant Domestic Workers in Slovenia” (with Mojca Pajnik, Palgrave Macmillan, 2015) and “Slovenian Domestic Workers in Italy: A Borderlands Care Chain over Time” (Brill, 2015).

Živa Humer received her PhD in sociology from the Faculty of Social Sciences at the University of Ljubljana in 2009. She is a research fellow at the Peace Institute–Institute for Contemporary Social and Political Studies in Ljubljana, Slovenia. Her main research interests cover gender and gender equality politics, social and family policy, family life and work-life balance, and topics related to antidiscrimination policies, violence, and homophobia. The author of numerous articles in the field of care, gender, and family life, she has also coauthored two books in Slovenian: *New Fatherhood in Slovenia* (Faculty of Social Sciences, 2008) and *The Faces of Homophobia* (Peace Institute, 2012), and coedited the e-book in Slovenian *Fathers: Short Stories about Parenting* (Peace Institute, 2016).

Zuzana Sekeráková Búriková is Assistant Professor in the Department of Sociology, Faculty of Social Sciences, Masaryk University (Brno, Czech Republic). She teaches courses on economic anthropology and material culture. She is particularly interested in paid care and domestic work, material culture, and consumption. Together with Daniel Miller she published the book *Au Pair* (Polity, 2010) on the experiences of Slovak au pairs and their host families in London. While she continues to write about au pairs, her current research project “Paid Childcare and Domestic Work in the Czech Republic and Slovakia” deals with recently developed commodified childcare and domestic work. Her second book, *Doing Cleaning and Childcare: Paid Domestic Work in Slovakia*, will be published by Muni Press in 2017.

Olga Tkach holds a Candidate of Sciences degree in sociology (since 2008) and is a researcher at the Centre for Independent Social Research (CISR) in Saint Petersburg, Russia. In 2012–2013 she coordinated the research area “Migrations, Ethnicity, Nationalism” at CISR. Over the last eight years, Tkach has worked as a guest researcher at the Fafo Institute for Applied International Studies in Oslo and the University of Eastern Finland in Joensuu, and has held temporary positions at the European University at St. Petersburg (Russia) and Swansea University, Wales (UK). She has published over 50 works, including two coedited volumes and two special thematic issues in peer-reviewed journals. Her research interests involve migration and mobility, domestic work and home, private and family life, Soviet society and postsocialist transformations.

Elena Zdravomyslova is a professor and codirector of the Gender Studies Program at the European University at St. Petersburg, Russia. She has written over 50 articles, edited five collections of scholarly chapters, and published one sole-authored book. Her current research interest is aging studies. She has taught courses on qualitative methods in social research, gender relations in Russia, gender sociology, sociology of social movements, and theories of social inequality and stratification.

АВТОРЫ

Елена Здравомыслова является профессором и содиректором Программы гендерных исследований Европейского университета в Санкт-Петербурге. Ею опубликовано более 50 статей. Она является редактором пяти коллективных монографий и одной авторской. В настоящее время занимается исследованиями, связанными с проблематикой, касающейся людей старшего возраста. В разное время читала курсы по качественным методам социального исследования, российским гендерным отношениям, социологии гендера, социологии общественных движений, теориям социального неравенства и стратификации.

Зузана Секеракова Бурикова – доцент кафедры социологии на факультете общественных наук Масарикова университета в Брно (Чешская Республика). Она ведет курсы по экономической антропологии и материальной культуре. Среди ее научных интересов исследование платных услуг по уходу и помощи в хозяйстве, материальная культура и исследования потребления. Недавно опубликованная книга Секераковой Буриковой и ее соавтора Даниэля Миллера «Au pair» (Polity Press, 2010) посвящена изучению опыта словацких гувернанток и их работодателей в Лондоне. В текущем проекте «Оплачиваемый уход за детьми и работа по дому в Чешской Республике и Словакии» исследовательница имеет дело с недавно появившимся в Чехии и Словакии феноменом коммодификации ухода за детьми и ведения домашнего хозяйства. Вторая книга Секераковой Буриковой «Doing Cleaning and Childcare: Paid Domestic Work in Slovakia» выходит в издательстве Muni Press в 2017 году.

Ольга Ткач – кандидат социологических наук (с 2008 года) и научный сотрудник Центра независимых социологических исследований (ЦНСИ). В 2012–2013 годах она координировала в ЦНСИ исследовательское направление «Миграции, этничность, национализм». За последние восемь лет Ткач работала в качестве приглашенного исследователя в Институте прикладных международных исследований ФАФО (FAFO) в Осло и Университете Восточной Финляндии в Йозенсуу, а также на временных позициях в Европейском университете в Санкт-Петербурге и Университете Суонси в Уэльсе (Великобритания). Она опубликовала более 50 работ и является соредактором двух коллективных монографий и двух специальных номеров реферируемых журналов. Среди научных интересов – миграции и мобильность, домашний труд и дом, частная и семейная жизнь, советское общество и постсоциалистические трансформации.

Лиза-Мари Хаймесхофф защитила магистерскую диссертацию в области глобальной политэкономии в Кассельском университете (Германия). Сейчас она является сотрудником кафедры миграции и общества в Институте исследований в области миграции и межкультурных отношений (IMIS) Оснабрюкского университета в Германии. Хаймесхофф работала также в Центре политики трудовой миграции и Международном центре развития и достойной работы при Кассельском университете. Хаймесхофф – один из координаторов Научно-исследовательской сети по правам домашних работников и редактор ее бюллетеня. В сферу ее научных интересов входят миграция, социальные движения, трудовые права и меньшинства. В настоящее время она работает над докторской диссертацией (PhD) о защите прав рома в Германии и Чехии.

Майда Хрженяк имеет докторскую степень (PhD) в области социологических наук и является научным сотрудником Института Мира – Института современных социально-политических исследований в Любляне (Словения). В сферу ее научных интересов входят гендерные исследования (в том числе критическое изучение маскулинностей), а также социальная политика, в особенности – концепция заботы и ее соотношение с гендером, миграцией, гражданством и демократией. Наряду с другими учеными Хрженяк участвовала в проведении первого словенского исследования неформальной оплачиваемой работы по уходу и обслуживанию, в котором эти практики рассматривались в связи с гендером, глобализацией и интерсекциональностью. В числе ее опубликованных работ монография «Invisible Work» (Peace Institute, 2007), «Politics of Care» (Peace Institute, 2011), где она выступила в качестве редактора, а также отдельные главы в сборниках «In the Grips of Work/Family Imbalance: Local and Migrant Domestic Workers in Slovenia» (в соавторстве с Мойцей Пайник, Palgrave Macmillan, 2015) и «Slovenian Domestic Workers in Italy: A Borderlands Care Chain over Time» (Brill, 2015).

Жива Хумер получила докторскую степень (PhD) в области социологических наук на факультете социальных наук Люблянского университета в 2009 году. В настоящее время является научным сотрудником Института Мира – Института современных социально-политических исследований в Любляне (Словения). Среди ее научных интересов вопросы, связанные с гендером и политикой гендерного равенства, социально-семейная политика, семейная жизнь и ее соотношение с работой, а также исследования, касающиеся мер по предотвращению дискриминации, насилия и гомофобии. Автор многочисленных статей по исследованиям, связанным с оказанием услуг по уходу, гендеру и семейной жизни, Хумер также является соавтором двух книг на словенском языке: «New Fatherhood in Slovenia» (Faculty of Social Sciences, 2008) и «The Faces of Homophobia» (Peace Institute, 2012) и, кроме того, сопредатором электронной книги на словенском языке, озаглавленной «Fathers: Short Stories about Parenting» (Peace Institute, 2016).

List of Article Manuscript Reviewers, 2016 / Список рецензентов научных статей 2016

The editors thank all those listed below for their collaboration with the journal and service to the profession.

Редколлегия выражает благодарность всем перечисленным в списке за сотрудничество и помощь в работе над журналом.

Aida Alymbaeva (Max Planck Institute for Social Anthropology, Halle (Saale), Germany);

Zorana Antonijević (University of Novi Sad, Serbia);

Anna Artyushina (York University, Canada);

Veronika Bajt (Peace Institute–Institute for Contemporary Social and Political Studies, Slovenia);

Eliot Borenstein (New York University, USA);

Natalya Chernyshova (University of Winchester, UK);

Rosie Cox (Birkbeck, University of London, UK);

Jeanne Feaux de la Croix (Centre for Modern Oriental Studies, Germany);

Yulia Gradska (Södertörn University, Sweden);

Jukka Gronow (Uppsala University, Sweden);

Anna Kordasiewicz (Institute of Sociology at the University of Warsaw, Poland);

Natalia Kovalyova (University of North Texas at Dallas, USA);

Zhanna Kravchenko (Södertörn University, Sweden);

Guro Kristensen (Norwegian University of Science and Technology);

Vesna Leskošek (University of Ljubljana, Slovenia);

László Munteán (Radboud University, Netherlands);

Anna Pechurina (Leeds Beckett University, UK);

Caterina Rohde-Abuba (University of Bielefeld, Germany);

Laura Siragusa (University of Aberdeen, Scotland);

Zuzana Uhde (Institute of Sociology of the Czech Academy of Sciences);

Sergei Zhuk (Ball State University, USA);

Роман Абрамов (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва);

Вадим Басс (Европейский университет в Санкт-Петербурге);

Елена Бердышева (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва);

Ольга Бойцова (Музей антропологии и этнографии РАН, Санкт-Петербург);

Евгений Варшавер (Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Москва);

Вера Галиндабаева (Центр арктических и сибирских исследований СИ РАН);

Ольга Громашева (Санкт-Петербург);

Ольга Ечевская (Новосибирский государственный университет);

Ольга Исупова (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва);

Земфира Калугина (Институт экономики и организации промышленного производства Сибирского отделения РАН, Новосибирск);

Екатерина Мельникова (Музей антропологии и этнографии РАН, Санкт-Петербург);

Надежда Нартова (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Санкт-Петербург);

Татьяна Нефедова-Трейвиш (Институт географии РАН, Москва);

Анна Новикова (Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва);

Ирина Тартаковская (Институт сравнительных исследований трудовых отношений, Москва).

GUIDELINES FOR AUTHORS AND REVIEWERS

Manuscript Submission:

Laboratorium welcomes submissions of original work in empirical social research broadly defined. Submissions are accepted in English or Russian. Please indicate whether you are submitting your paper in response to a thematic call for papers or as a stand-alone piece.

Manuscript submission, peer review, and editing for publication are done entirely through the online manuscript management and publishing system OJS. To submit a manuscript using this system, authors need to register and login at the *Laboratorium* website: <http://www.soclabo.org>. Please contact managing editor Oksana Parfenova (oparfenova@soclabo.org) if you experience any problems with or have any questions regarding the submission process.

In submitting your work to *Laboratorium*, you guarantee that:

a) your article, in whole or in part, has not been published or submitted for print or electronic publication elsewhere, in any language, nor will it be submitted to any other publication until the *Laboratorium* editorial board renders a decision on its publication;

b) the article represents your own work and does not include unattributed passages from work by other authors. If your submission or any part thereof is found to contain plagiarism, the editors reserve the right to refuse publication and to publicize the instance of plagiarism. If the study you report on is the result of collective research, all members of the research team must be indicated either as coauthors or appropriately acknowledged in a note at the beginning of the paper.

Editorial Process:

Unless outright rejected by the editors, all submissions will undergo at least one round of double-blind peer review. In most cases, revisions of different degrees are required of the authors. After the revisions are complete, submissions may be sent to reviewers for a second round of reviews. Final decisions on publication are made on the basis of external reviews but always remain at the discretion of the editors. Articles commissioned by *Laboratorium* are not guaranteed publication, as they undergo the same process and are judged by the same criteria as unsolicited submissions.

The article may be returned to you for revision in an edited and/or reformatted version; in this case, please use that version. You will be able to authorize any editorial changes before layout. Before publication, you will receive proofs of your article along with a copyright transfer agreement. No major changes can be made at this point.

Laboratorium holds the copyright for all published material. Re-publication in any form requires written permission from the editors. Authors are automatically granted such permission for reprints in edited volumes or collections of their own work on the condition that they clearly and precisely indicate the place of first publication and *Laboratorium's* copyright. *Laboratorium* does not have submission fees nor pays honorariums to authors.

Manuscript Preparation:

1. The manuscript must include 1) a title page; 2) an abstract of no more than 1,000 characters (150–170 words) and keywords; 3) the body of the article; 4) footnotes; 5) a list of references, used in the manuscript, with sources in Cyrillic transliterated into Latin characters according to the guidelines of the Library of Congress of the United States (<http://www.loc.gov/catdir/cpsol/romanization/russian.pdf>) but omitting the “connection tie” [^] wherever it is used; 6) a list of interviews or other sources (e.g., archives)—if appropriate; 7) tables and illustrations—if appropriate.

2. Each article should not exceed 60,000 characters (approximately 10,000 words), including spaces and footnotes but excluding references. Exceptions to this rule may be granted by the editors at their discretion.

3. All copy must be typed in a common font (for example, Times New Roman) of 12-point size, except for footnotes, block quotes, and captions to tables, figures, and so on, which should be in 10-point size. All text, including footnotes and references, should be at, at least, 1.5-line spacing.

4. All article submissions are anonymized, with all information potentially identifying authors removed from the main body of the manuscripts, footnotes and references.

If manuscripts do not conform to the specified format, authors will be expected to correct them at some stage before their final acceptance.

Detailed instructions for manuscript preparation are as follows:

1. The title page should include the manuscript’s full title and names and institutional affiliations of all authors. Provide work address and e-mail address of all authors. This information will be published. Acknowledgments, information about funding sources, and other relevant information should be mentioned here.

2. The abstract (no more than 170 words) and keywords (5–9 words) should be on a separate page headed by the title. Omit author identification.

3. Begin the text of your manuscript on a new page. Include the title but not author identification.

a) To ensure blind peer review, article submissions should be anonymized, with all author information removed from file headers, the main text, self-references, and the reference list. In in-text citations author’s name should be replaced with “Author” (e.g., [Author 2014]); same should be done in the list of references, omitting full titles and other identifying information of the author’s publications.

b) It is helpful if the article is split into several sections, each with its own heading. Longer sections in turn can be broken into shorter parts with their own subheadings.

c) Set off long quotations (more than 300 characters, or 50 words) using 10-point font in a separate, indented paragraph without quotations marks.

d) For in-text citations include the last name of the author and year of publication—and page numbers where necessary or helpful to the reader. Identify subsequent citations of the same source in a consistent fashion.

- If author's name is in the text, follow it with year in parentheses: Sassen (1996).
- If author's name is not in the text, enclose the last name and year in parentheses (without separating them by a comma): (Lévy 2008).
- Give both last names for joint authors: (King and Sznajder 2006).
- Citing works by multiple authors, provide all last names on the first citation; thereafter use "et al." in the citation: (Eyal, Szelényi, and Townsley 1998). And later: (Eyal et al. 1998).
- If a work has more than three authors, use "et al." in the first citation, as well as in all subsequent citations.
- Separate a series of references by different authors with a semicolon: (Kallen 1915; Alexander 2006) or by the same author—with a comma: (Goldberg 2009, 2011). If citing multiple sources, order them alphabetically or chronologically, using the same system throughout the entire manuscript.
- For institutional authorship, supply minimum identification from the beginning of the complete citation: (Institute for Survey Research 1976:11).
- If the work is not published (yet) use "N.d." or "forthcoming" for material scheduled for publication: Ivanov (N.d.) and Petrov (forthcoming).
- Page number follows year of publication after a colon with no space between them: (Bellah et al. 2008:viii) or Breslauer (1990:17).
- If you cite consecutively from the same source, it is sufficient to give just page numbers for the second and all subsequent consecutive citations.
- Use an en-dash (–) when providing page ranges: (Machiavelli 1996:26–27).
- The numbers in page ranges should be written out in full: 134–137, not 134-37.

4. Footnotes in the text should be numbered consecutively throughout the article with superscript Arabic numerals. If a footnote is referred to again later in the text, use a parenthetical note "(See footnote 3)." Use footnotes to explain or amplify text or to cite materials of limited availability (e.g., field notes, archival materials, or interviews).

5. References follow the text in a section headed "References." All bibliographic material used in the text must be listed in references and vice versa. References to blogs, audio and visual materials, and materials of limited availability should preferably be referenced in footnotes and in that case not included in the references list. If such sources comprise the empirical data set for the article, they can be recorded in a separate list (under the heading "Sources") to follow the list of references.

Bibliographic information for each source must be complete and correct. Type references alphabetically by author. In-text citations and reference lists have to comply with the guidelines of the American Sociological Association (complete style

and formatting instructions can be found in: American Sociological Association. 2014. *American Sociological Association Style Guide*. 5th edition. Washington, DC: ASA).

Special Notes:

Be especially thorough with non-Russian and non-English language publications: editors, copyeditors, and proofreaders don't necessarily read the same languages as you do. Diacritical marks, which are common in French, German, Hungarian, and some other languages, must be reproduced if they appear in the names/titles in the original publication (e.g., "Hans-Peter Müller," not "Muller"; or "István Szántó," not "Istvan Szanto").

If there are two or more items by the same author(s), list them in order of year of publication from the earliest to the latest. If the cited material is unpublished but has been accepted for publication, use "forthcoming" in place of the date and give the name of the journal or publisher. Otherwise use "N.d." If two or more works are by the same author(s) within the same year, distinguish them by adding the letters a, b, c, and so on to the year. List such works in alphabetical order by title.

Authors' names should be listed in full, except for cases where only initials are listed on the publication being referenced and the author cannot reconstruct it from researching other publications. For multiple authorship, only the name of the first author is inverted (e.g., "Alba, Richard, and Victor Nee"). Even in cases of more than three authors, list all authors' names (if all authors are listed in the referenced work).

If you cite a translated or repeat edition of a title, list the original publication date in brackets, followed by the publication date of the version used.

Book titles and journal names are given in italics; titles of book chapters and journal articles are put in quotation marks. In publication titles and subtitles, capitalize the first and last words in titles and subtitles and all other major words (such as nouns, pronouns, verbs, adjectives, and adverbs). Subtitles of articles, books, and book chapters should be separated from the titles with a colon.

When providing books' place of publication, list not only cities but also abbreviations for American states or names of countries if the publishers are located in lesser known cities. For example: Princeton, NJ: Princeton University Press; Aldershot, UK: Ashgate. But: New York: Verso; Berkeley: University of California Press.

Articles and books obtained from the Internet are cited the same way as their print editions, except their page numbers are omitted and the URL (<http://...>) and access dates (Retrieved on...) are included. For other online resources, links to specific materials, not website homepages, are to be cited.

Examples:

- Books

Bellah, Robert N., Richard Madsen, William M. Sullivan, Ann Swidler, and Steven M. Tipton. [1985] 2008. *Habits of the Heart: Individualism and Commitment in American Life*. Berkeley: University of California Press.

Gross, Jan T. 2001. *Neighbors: The Destruction of the Jewish Community in Jedwabne, Poland*. Princeton, NJ: Princeton University Press.

Calhoun, Craig, ed. 2007. *Sociology in America: A History*. Chicago: University of Chicago Press.

- **Book Chapters**

Degage, Alain. 1985. "Le Port de Sète: Proue Méditerranéenne du Canal de Riquet." Pp. 265–306 in *Le Canal du Midi*, Vol. 4, edited by Jean-Denis Bergasse. Cessenon, France: J.D. Bergasse.

- **Articles**

Goffman, Alice. 2009. "On the Run: Wanted Men in a Philadelphia Ghetto." *American Sociological Review* 74(3):339–357.

Katovich, Michael A., and Carl J. Couch. 1992. "The Nature of Social Pasts and Their Uses as Foundations for Situated Action." *Symbolic Interaction* 15(1):25–48.

- **Articles from E-Resources**

Schafer, Daniel W., and Fred L. Ramsey. 2003. "Teaching the Craft of Data Analysis." *Journal of Statistics Education* 11(1). Retrieved July 11, 2010 (<http://www.amstat.org/publications/jse/v11n1/Schafer.html>).

- **Dissertations**

Roth-Ey, Kristin. 2003. "Mass Media and the Remaking of Soviet Culture, 1950s–1960s." PhD dissertation, Department of History, Princeton University.

- **Web Pages**

Chen, Adrian. 2009. "Why Do Doctors Wear White Coats?" *Slate*. Retrieved June 22, 2009 (<http://www.slate.com/id/2220925>).

Gosk, Stephanie. 2011. "Thousands of Democracy Campaigners Protest in Russia." NBC News – Moscow, December 10. Retrieved June 24, 2012 (http://worldnews.nbcnews.com/_news/2011/12/10/9343282-thousands-of-democracy-campaigners-protest-in-russia?lite).

- **Articles from Newspapers and Magazines**

print versions

Anderson, Elijah. 1994. "The Code of the Streets." *Atlantic Monthly*, May 1994, pp. 81–94.

online versions

Roth, Andrew. 2012. "A Flock Too Stubborn for Even Putin to Control." *New York Times*, October 10. Retrieved October 10, 2012 (http://www.nytimes.com/2012/10/11/world/europe/putins-cranes-fail-to-migrate-and-turn-back.html?_r=1&ref=world).

6. Interviews cited in the manuscript should be referenced in a separate list (entitled "Interviews List"). It can include names, initials, or pseudonyms of informants, as well as their socio-demographic and/or professional characteristics that are relevant for your study and the date and place of the interview. Note that the information provided should not compromise the anonymity of the informants.

Archival materials can also be listed separately. Be sure to indicate name, date, and location of the source; follow one of the conventionally accepted formats of citation for archival sources (e.g., Chicago Manual of Style or ASA Style Guide).

7. Number tables and figures consecutively throughout the text and type each on a separate sheet at the end. Insert a note in the text to indicate the placement: "Fig. 1 about here" or "Table 2 about here." All tables must include a descriptive title and headings for columns and rows; all figures should be accompanied by a caption.

Illustrations should be provided in high resolution (300 dpi for photographs). Authors should secure permission to reproduce any copyrighted material prior to its publication in *Laboratorium*.

BOOK REVIEWS

Laboratorium publishes reviews of recent books in the social sciences as well as unduly neglected or underappreciated older publications, author-meets-critics forums, and analytical book and journal reviews. *Laboratorium* may also invite authors, editors, or translators to present recent or forthcoming books.

Types of reviews:

New books

Reviews of recent books in sociology or anthropology on Russia or other postsocialist countries, as well as works in political science, history, economics, and other social science disciplines that have special theoretical or interdisciplinary significance or are relevant to the subject of a thematic issue.

Rereadings

Reviews of older books that were under-reviewed at the time of publication, remain underappreciated, or warrant a fresh reading, especially if they are relevant to the subject of a thematic issue.

Review essays

Review essays may be wide in chronological scope but must cover the latest publications in the field.

Forums

Critical discussions of a significant book by one or more reviewers. The author of the book will be given an opportunity to respond to criticism, followed by a brief rejoinder by each of the reviewers.

Recent and Forthcoming (Book Talks)

Presentations of recent or forthcoming books by its author, editor, or translator, where *Laboratorium* editors deem such a discussion to be of value to the scholarly community. Self-presentations will be clearly marked as such and published separately from critical book reviews.

The editors select books for review and invite reviewers. Unsolicited reviews may be accepted in exceptional cases. Reviews may be published in the print version of *Laboratorium*, its online version, or both. An effort will be made to have books discussed by reviewers based in a country other than the book's author. Reviews written in English will in some cases be translated into Russian but usually not vice versa.

A standard book review should not exceed 9,000 characters (1,500 words). Do not use footnotes. The rules for style and transfer of copyright are the same as for research article submissions.

The editors invite suggestions for the themes of future review essays and forums as well as comments on reviewing guidelines.

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ И РЕЦЕНЗЕНТОВ

Подача текстов:

Laboratorium принимает к публикации оригинальные работы, основанные на материалах эмпирических социальных исследований. Принимаются рукописи на английском или русском языках. При подаче статьи, пожалуйста, указывайте, подаете ли Вы ее на объявленный журналом тематический конкурс, или статья подается в журнал в обычном порядке.

Процедура подачи рукописи, рецензирования и подготовки к публикации полностью осуществляется при помощи онлайн-менеджера публикаций Open Journal Systems, для работы с которым необходимо завести личную учетную запись на странице <http://www.soclabo.org/>. При возникновении трудностей обращайтесь за помощью к ответственному редактору журнала Оксане Парфеновой (oparfenova@soclabo.org).

Предлагая рукопись для публикации в *Laboratorium*, Вы гарантируете, что:

а) статья (любые ее части, ее сокращенный или расширенный вариант) до сих пор нигде (ни на одном языке; ни в печатном, ни в электронном виде) не была опубликована, одновременно не предлагается и не будет предлагаться никакому другому изданию, пока не решится вопрос о ее публикации в *Laboratorium*;

б) Вы являетесь автором статьи, и в ней не использованы фрагменты из ранее публиковавшихся статей других авторов без четкого указания на эти источники. Если присланная Вами статья содержит плагиат, то, даже в случае отказа в публикации, редакция сохраняет за собой право предать этот факт широкой огласке. В случае если исследование проводилось исследовательской группой, то все участники группы (вне зависимости от статуса, ученой степени и должности) должны быть указаны либо в качестве соавторов, либо в примечании в начале статьи.

Процедура принятия решений:

Все статьи, за исключением отклоняемых редакцией на стадии первого просмотра, проходят как минимум одну стадию анонимного рецензирования. В большинстве случаев статья возвращается автору на доработку с замечаниями рецензентов и/или редакторов. После доработки статья может быть заново отправлена рецензентам, чтобы получить комментарий от них. Окончательное решение о публикации принимается на основании заключений рецензентов, однако последнее слово всегда остается за редакторами. Заказ статьи редакцией не гарантирует ее публикацию. Такие статьи оцениваются по тем же критериям, что и все остальные.

Если статья возвращается Вам на доработку уже частично отредактированной и/или приведенной в соответствие с правилами оформления, принятыми в

журнале, пожалуйста, используйте в дальнейшей работе именно этот вариант текста. В случае положительного решения отредактированная статья высылается на авторизацию перед сдачей на верстку и, повторно, – в сверстанном варианте. В сверстанный вариант может быть внесена лишь мелкая корректорская правка, серьезные изменения на этой стадии не допускаются.

Авторизуя сверстанный вариант статьи, автор подписывает контракт о передаче прав на статью редакции журнала. После этого любая републикация статьи возможна при условии точного указания первой публикации и копирайта журнала. *Laboratorium* – безгонорарное издание.

Оформление текстов:

1. Рукописи должны включать в себя: 1) титульный лист; 2) аннотацию не более 1000 знаков (150–170 слов) и список ключевых слов на русском и на английском языках; 3) текст статьи; 4) сноски; 5) список цитированных источников и литературы, в котором библиографические описания на кириллице дублируются при помощи букв латинского алфавита в соответствии с правилами Библиотеки Конгресса США (<http://www.loc.gov/catdir/cpsd/romanization/russian.pdf>), но без употребления т.н. «connection tie» [^]; 6) список цитированных интервью или других источников (к примеру, архивных) – по усмотрению автора; 7) таблицы и иллюстрации – по усмотрению автора.

2. Максимальный объем статьи – 60 000 знаков (примерно 10 000 слов), включая пробелы и сноски, но не считая библиографии. Исключения специально оговариваются с редакцией.

3. Используйте один из распространенных шрифтов (например, Times New Roman). Внутри каждого текста должен использоваться только один шрифт. Основной текст оформляется 12-м кеглем, сноски, выделенные цитаты и подписи к таблицам или рисункам – 10-м. Межстрочный интервал – 1,5.

4. Для обеспечения анонимности в ходе процесса рецензирования основной текст рукописи не должен содержать никакой информации (в том числе в ссылках и сносках), которая могла бы способствовать определению авторства текста.

Если рукописи не соответствуют указанному формату, авторы должны будут внести исправления до окончательного принятия текстов к публикации.

Подробные инструкции по подготовке рукописей:

1. На титульном листе укажите полное название статьи и полные имена и места работы/учебы всех авторов на русском и на английском языках. Также укажите почтовый и электронный адреса для связи с Вами и/или Вашими соавторами. Эти данные будут опубликованы. В этом же разделе указываются благодарности, информация о грантодателе и т.п.

2. Аннотация (не более 170 слов) и ключевые слова (5–9 слов) на русском и английском языках должны быть представлены на отдельном листе вместе с заголовком статьи, но без указания имен авторов.

3. Основной текст статьи должен начинаться на новой странице с указанием названия статьи, но без указания имени автора/авторов.

а) для того чтобы обеспечить процесс «слепого» рецензирования, рукописи статей следует сделать анонимными, полностью исключив информацию об авторе из заголовка файла со статьей, основного текста статьи, ссылок на публикации автора, а также из списка литературы. Если автор статьи ссылается на свои работы, в тексте рукописи фамилию и имя автора следует заменить на «Автор» (например, [Автор 2014]). То же следует сделать в списке литературы, удалив полные названия публикаций автора статьи и любую другую информацию, которая может раскрыть автора рукописи.

б) по возможности разбивайте статью на разделы и подразделы при помощи подзаголовков.

в) длинные цитаты (более чем 300 знаков или 50 слов) приводятся 10-м кеглем, выделяются в отдельный абзац с отступом, без кавычек.

г) в основном тексте указывайте фамилию автора, на которого ссылаетесь или которого цитируете, год публикации и, где необходимо, страницы. Оформляйте последующие цитаты из этого же источника таким же образом, как в первом случае.

- Если Вы ссылаетесь на иностранного автора, приводите в тексте русскую транскрипцию его фамилии, а ее написание латиницей – в скобках.
- Если имя автора уже упоминается в тексте, то в скобках после, в ссылке на его работу, указывайте только год публикации: В своей статье Александр Филиппов (2001) показывает ...
- Если имени автора в тексте нет, указывайте фамилию и год публикации в скобках (без запятой): (Lévy 2008).
- Приводите фамилии обоих авторов для публикаций, написанных в соавторстве: (King and Sznajder 2006).
- Ссылаясь на работы, написанные тремя авторами, указывайте при первом упоминании всех авторов, а в дальнейшем используйте «и др.»: (Иванов, Петров, Сидоров 1980) – при первом упоминании, (Иванов и др. 1980) – во всех следующих ссылках.
- В ссылках на работы, написанные более чем тремя авторами, используйте «и др.» либо «et al.» при первом же упоминании.
- Если Вы ссылаетесь на нескольких авторов, указывайте фамилии и годы публикации через точку с запятой: (Kallen 1915; Alexander 2006). При ссылке на несколько публикаций одного и того же автора разделяйте запятой годы публикации: (Толстой 1868, 1875).
При перечислении нескольких источников располагайте их либо в алфавитном, либо в хронологическом порядке, придерживаясь выбранной системы во всем тексте.
- В основном тексте в ссылках на коллективные труды достаточно в скобках указать первое или несколько первых слов заголовка и год публикации. Например, ссылка на книгу «Социальные трансформации в России: теории, практики, сравнительный анализ» выглядит так: (Социальные трансформации... 2005).

- Если дата публикации неизвестна, пишите «б.д.», или «в печати» для тех материалов, публикация которых уже запланирована и которые сданы в печать: (Иванов, б.д.) и (Петров, в печати).
- Номера страниц указываются через двоеточие без пробела после года публикации: (Bellah et al. 2008:viii).
- Если Вы приводите подряд несколько цитат из одного и того же текста, после второй и дальнейших цитат достаточно указывать номер страницы.
- Диапазоны страниц указываются через короткое тире: 99–102, а не 99-102 или 99—102.
- Номера в диапазонах страниц указываются в полном виде: 134–137, а не 134–37.

4. Сноски на протяжении всей статьи должны быть пронумерованы последовательно с использованием арабских цифр. Если сноска упоминается в тексте, ссылайтесь на нее в скобках «(см. сноску 3)». Используйте сноски для объяснения положений, высказанных в основном тексте, для отступлений, которых требует основной текст, или для цитирования материалов ограниченной доступности (например, полевые заметки, интервью, архивные документы и т.д.).

5. Все источники, которые упоминаются в Вашей рукописи, указываются отдельным списком в конце текста под заголовком «Список литературы». Ссылки на записи в блогах, аудио- и видеоматериалы, а также материалы ограниченной доступности, желательно указывать в сносках внизу страницы и, в этом случае, не включать их в список литературы. Если такого рода источники составляют эмпирическую базу работы, они могут быть вынесены в отдельный список, помещаемый после списка литературы.

Библиографическая информация о каждом источнике должна быть полной и точной. Составляйте список, располагая фамилии авторов в алфавитном порядке. Сначала указывайте русскоязычные работы (и вообще все работы, написанные кириллицей, затем – латиницей). Оформление внутритекстовых и затекстовых библиографических ссылок как на русскоязычные источники, так и на источники на иностранных языках, осуществляется в соответствии с правилами Американской социологической ассоциации (подробные инструкции см. в: American Sociological Association. 2014. *American Sociological Association Style Guide*. 5th edition. Washington, DC: ASA). Некоторые особенности оформления источников на кириллице приводятся ниже.

На что следует обратить особое внимание:

Особо тщательно проверяйте написание ссылок на иноязычные источники: редактор и корректор могут не владеть всеми языками, которыми владеете Вы. В ссылках на литературу на немецком, французском, венгерском и других подобных языках недопустимо упускать диакритические знаки, если они указаны в оригинале (то есть следует писать «Hans-Peter Müller», а не «Muller», «István Szántó», а не «Istvan Szanto» и т.п.).

Если Вы ссылаетесь на несколько работ одного и того же автора, то указывайте их в хронологическом порядке. Если цитируемый материал не опубликован, но уже принят к публикации, используйте формулировку «в печати»; в других случаях пишите «б.д.» (то есть «без даты»).

Если в списке литературы указано несколько работ одного автора, изданных в один и тот же год, то к году публикации необходимо добавить буквы «а», «б», «в» и т.д., которые позволят различить эти работы в ссылках в основном тексте, а в списке литературы их надо располагать в алфавитном порядке (по названиям работ).

Имена авторов следует указывать полностью, за исключением случаев, когда в публикации указаны только инициалы, и имя автора не удастся восстановить по другим публикациям. В работах, написанных в соавторстве, в измененном порядке указываются имя и фамилия только первого автора (например, «Дубин, Борис и Лев Гудков»). Указывайте имена и фамилии всех соавторов даже в том случае, когда работа написана большим коллективом (если все авторы указаны в оригинале).

Если Вы ссылаетесь на переводное или повторное издание, то в его библиографическом описании сначала указывайте в квадратных скобках год первого издания на языке оригинала.

Названия книг и журналов указываются курсивом, а книжных глав и журнальных статей – в кавычках. В заголовках публикаций на английском языке, по американскому образцу, все слова, кроме частиц, союзов, предлогов и артиклей, пишутся с прописной буквы; подзаголовки книг, глав и статей должны отделяться от основного заглавия при помощи двоеточия, а не точки.

При указании места публикации иностранных книг и сборников, упоминайте не только города, но и аббревиатуры американских штатов, если издательство находится в США, и названия стран, если города, в которых находятся издательства, малоизвестны. Например: Princeton, NJ: Princeton University Press; Aldershot, UK: Ashgate. No: New York: Verso; Berkeley: University of California Press. В библиографических описаниях русскоязычных источников указывается только название города, в котором издана книга (для Москвы и Санкт-Петербурга используются общепринятые сокращения М. и СПб.).

Статьи и книги, доступные в интернете, должны цитироваться так же, как их печатные версии, однако вместо номеров страниц указываются дата просмотра (Просмотрено ... ; если источник на иностранном языке – Retrieved ...) и интернет-адрес (<http://...>). Ссылка на другие материалы из интернета должна быть точной, то есть следует давать точный адрес на конкретный материал, а не на первую страницу сайта, где он был опубликован.

Примеры:

- Книги

Бурдьё, Пьер. [1980] 2001. *Практический смысл*. М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя.

Нефедова, Татьяна и Джудит Пэллот. 2006. *Неизвестное сельское хозяйство, или Зачем нужна королева?* М.: Новое издательство.

Козлов, Владимир и Сергей Мироненко, ред. 2005. *Крамола. Инакомыслие в СССР при Хрущеве и Брежнев (1953–1982)*. М.: Материк.

Bellah, Robert N., Richard Madsen, William M. Sullivan, Ann Swidler, and Steven M. Tipton. 2007. *Habits of the Heart: Individualism and Commitment in American Life*. 2nd ed. Berkeley: University of California Press.

Taylor, Gary, and Steve Spenser, eds. 2004. *Social Identities: Multidisciplinary Approaches*. New York: Routledge.

- Главы в книге

Кузовкин, Геннадий. 1996. «Партийно-комсомольские преследования по политическим мотивам в период ранней “оттепели”». С. 46–90 в *Корни травы: Сборник статей молодых историков*, под ред. Ларисы Ереминой и Елены Жемковой. М.: Звенья.

Degage, Alain. 1985. “Le Port de Sète: Proue Méditerranéenne du Canal de Riquet.” Pp. 265–306 in *Le Canal du Midi*, Vol. 4, edited by Jean-Denis Bergasse. Cessenon, France: J.D. Bergasse.

- Статьи в периодических изданиях

Симонова, Ольга. 2008. «К формированию социологии идентичности». *Социологический журнал* 3:45–61.

Зелизер, Вивиана. [1978] 2010. «Человеческие ценности и рынок: страхование жизни и смерть в Америке XIX века». *Экономическая социология* 11(2):54–72.

Goffman, Alice. 2009. “On the Run: Wanted Men in a Philadelphia Ghetto.” *American Sociological Review* 74(3):339–357.

- Если статья цитируется по электронному изданию, вместо страниц указывается URL и дата просмотра

Рот-Ай, Кристина. 2004. «Кто на пьедестале, а кто в толпе? Стиляги и идея советской “молодежной культуры” в эпоху “оттепели”». *Неприкосновенный запас* 4(36). Просмотрено 4 июля 2012 г. (<http://magazines.russ.ru/nz/2004/4/ra4.html>).

- Автореферат диссертации

Омельченко, Елена. 2005. «Идентичности и культурные практики российской молодежи на грани XX–XXI вв.». Автореферат диссертации д-ра социол. наук. М.: Институт социологии РАН. Просмотрено 4 июля 2012 г. (<http://www.sociology.ru/files/avtoreferat.E.Omelchenko.pdf>).

Roth-Ey, Kristin. 2003. “Mass Media and the Remaking of Soviet Culture, 1950s–1960s.” PhD dissertation, Department of History, Princeton University.

- Страницы в интернете

Госк, Стэфани. 2011. «На митинг на Болотной вышел средний класс». ИноТВ, 10 декабря. Просмотрено 24 июня 2012 г. (<http://inotv.rt.com/2011-12-11/Na-miting-na-Bolotnoj-vishel>).

Gosk, Stephanie. 2011. “Thousands of Democracy Campaigners Protest in Russia.” NBC News – Moscow, December 10. Retrieved June 24, 2012 (http://worldnews.nbcnews.com/_news/2011/12/10/9343282-thousands-of-democracy-campaigners-protest-in-russia?lite).

- Статьи в газетах

печатные версии

Сюльжина, Аэлита. 2006. «Семейное дело». *Советская Белоруссия*, 14 января, с. 3.

онлайн-версии

Гамова, Дарья. 2007. «В пригородах Парижа на полицейских охотятся с дробовиками». *Комсомольская правда*, 28 ноября. Просмотрено 1 марта 2012 г. (<http://kp.by/daily/24009/84431>).

6. В отдельный список выносятся краткое описание процитированных в тексте рукописи интервью (под заголовком «Список интервью»). Оно может включать: имя, инициалы или псевдоним информантов, а также релевантные для Вашего исследования социально-демографические и профессиональные характеристики, дата и место проведения интервью). Обратите внимание, что указываемые сведения не должны нарушать принцип анонимности информантов.

В виде отдельного списка могут быть также представлены процитированные архивные материалы, оформленные с указанием названия источника, даты и места хранения. При этом рекомендуется придерживаться общепринятого стандарта сокращений (например: ОДСПИ ГААО. Ф. 296. Оп. 3. Д. 23. Л. 148).

7. Нумеруйте таблицы и иллюстрации последовательно на протяжении всего текста, загружая их отдельно в виде дополнительных файлов и вставляя в текст примечания с указанием примерного места их размещения: «Рис. 1 приблизительно здесь» или «Таблица 2 примерно здесь». Все таблицы должны включать общее название и заголовки для столбцов и строк, все иллюстрации тоже должны сопровождаться названиями. Иллюстрации должны быть представлены в высоком разрешении (300 точек на дюйм для фотографий). Авторы должны получить разрешение на воспроизведение любого защищенного авторским правом материала до его публикации в *Laboratorium*.

РЕЦЕНЗИИ

Laboratorium публикует рецензии на новые книги, «археорецензии» на давно вышедшие, но не удостоенные должного внимания или забытые издания, форумы, аналитические обзоры литературы и журнальных публикаций, анонсы сборников статей и переводных изданий.

Рецензионные рубрики:**Новые книги**

Любые недавно изданные социологические и антропологические исследования, посвященные России и постсоциалистическому пространству, а также значимые теоретические работы или исследования других географических регионов, работы политологов, историков, экономистов и представителей других социальных наук, которые представляют междисциплинарный интерес или близки теме номера.

Археорецензии

Давно изданные книги, которые в момент выхода не были отрецензированы, не получили должного внимания в российских журналах или же актуальны для дискуссии в специальном тематическом номере журнала. Печатаются также археорецензии, представляющие свежий взгляд на известные работы прошлого.

Аналитические обзоры

Обзорные статьи, содержащие критическую оценку литературы по теме. Обзор может охватывать большой временной период, но в нем обязательно должны быть учтены последние самые актуальные публикации по теме.

Форумы

Обсуждение книги, которая является значимым вкладом в международную социологическую дискуссию и/или в дискуссию о постсоциалистическом пространстве и вызывает противоречивые оценки, стимулирует дебаты. В этом случае будет опубликовано несколько мнений об одной книге, автору будет предложено ответить на критику, а рецензенту – кратко отреагировать на реплику автора.

Анонсы книг

Рецензия на сборник статей или на переводное издание, выполненная одним из авторов (переводчиков) данного издания, а не внешним рецензентом.

Редакция журнала принимает решение о необходимости рецензирования той или иной книги и приглашает рецензента. В отдельных случаях редакция может рассмотреть инициативные предложения о рецензировании. Рецензия может быть опубликована и в бумажном, и в электронном вариантах или же только в электронном варианте на сайте *Laboratorium*. Редакция будет отдавать предпочтение кросскультурной книжной критике. Российские книги будут, как правило, рецензироваться иностранными авторами, а иностранные – российскими специалистами. В целом предпочтения будут отдаваться рецензентам из другой страны, а не той, в которой издана книга. Рецензии, написанные на иностранных языках, по возможности будут переводиться на русский язык. Рецензии на русском языке, как правило, не будут переводиться на английский язык.

Стандартный текст рецензий и анонсов не должен превышать 9000 знаков (1500 слов). Сноски не допускаются. Список литературы в рецензиях оформляется по тому же стандарту, что и в других публикациях журнала.

Условия публикации и передачи авторских прав – те же, что и в случае исследовательских статей.

Редакция журнала предлагает читателям высказывать предложения по предметам будущих аналитических обзоров и форумов, а также мнения и пожелания по поводу работы рецензионного отдела по электронной почте.

Редактор *С. Николаева*
Корректор *Е. Тараканова*
Компьютерная верстка *М. Богданов*

Подписано в печать 25.12.2016. Формат 70×100 1/16.
Отпечатано по цифровой технологии. Бумага офсетная.
Усл. п. л. 16,575.
Тираж 150 экз. Заказ № 0420298.

Издается при финансовом содействии Центра независимых
социологических исследований (ЦНСИ).*

Отпечатано в ООО «Супервэйв Групп»
188681, РФ, Ленинградская область,
Всеволожский район, г.п. им. Свердлова,
пос. Красная Заря, д. 15.

* По решению Минюста РФ, АНО «ЦНСИ» включена в реестр некоммерческих организаций, выполняющих функции иностранного агента (7-ФЗ «О некоммерческих организациях»).